

УРАЛЬСКИЙ СПЕДОЛЫТ

iker.ru

Уральский следопыт, Март 2008

Март
2008

**ВАДИМ ОСИПОВ
ЛАУРЕАТ БАЗОВСКОЙ
ПРЕМИИ**

28 января в Камерном театре прошла девятая церемония вручения премии имени Павла Петровича Бажова

Значение личности и творчества Павла Петровича Бажова для уральской культуры и самосознания уральцев бесприммерно. Писатель вырос на почве уральской истории, уральской культуры, уральских традиций, уральского народного быта; он больше, чем любой другой мастер слова, когда-либо живший на Урале, воплотил в своих произведениях дух этой земли.

Литературная Премия имени Павла Петровича Бажова учреждена в 1999 году – в ознаменование 120-летия со дня рождения писателя, в знак уважения его памяти и в целях стимулирования развития русской, в частности, уральской литературы.

В этом году одним из обладателей Бажовской премии стал член редакционного совета журнала «Уральский следопыт» Вадим Осипов, выдвинутый журналом к участию в конкурсе. Жюри, в составе которого Владимир Блинов, Борис Телков,

Игорь Сахновский, Андрей Рас-торгуев, Юрий Казарин, Нина Ягодинцева, высоко оценило его книгу стихотворений «Дальние поездки», а также личный вклад в дело продолжения традиции уральской литературы. По словам Нины Ягодинцевой, лауреата премий им. П.П. Бажова и им. Нефедьева, кандидата культурологи, «Дальние поездки» – книга, сочетающая литературное мастерство и живое, непосредственное мировосприятие, продолжающая классическую линию русской поэтической традиции.

Кроме того, премии им. П.П. Бажова удостоены авторы, публиковавшиеся в журнале «Уральский следопыт» в 2007 году, – Юрий Левин и Любовь Ладейщикова.

Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт» поздравляет лауреатов Премии им. П.П. Бажова-2007 и желает поэту, члену Союза писателей России Вадиму Осипову дальнейших творческих успехов.

Министерство по физкультуре спорту и туризму
Свердловской области

ПРИГЛАШАЕТ К УЧАСТИЮ

в выставочно-ярмарочных мероприятиях,
проводимых на территории Уральского региона
в 2008 году

2-3 апреля, Екатеринбург, выставка-ярмарка
«Санатории, курорты, базы отдыха»

8-10 апреля, Екатеринбург,
«УралТурЭкспо»

11-12 апреля, Екатеринбург, выставка-ярмарка
«Лето 2008»

17-19 апреля, Челябинск,
«Туризм, спорт, отдых, охота, рыболовство»

25-27 апреля, Пермь, 11-я межрегиональная выставка
путешествий, санаторно-курортного отдыха, активного отдыха и
туристических маршрутов по всему миру
«Туризм и отдых 2008»

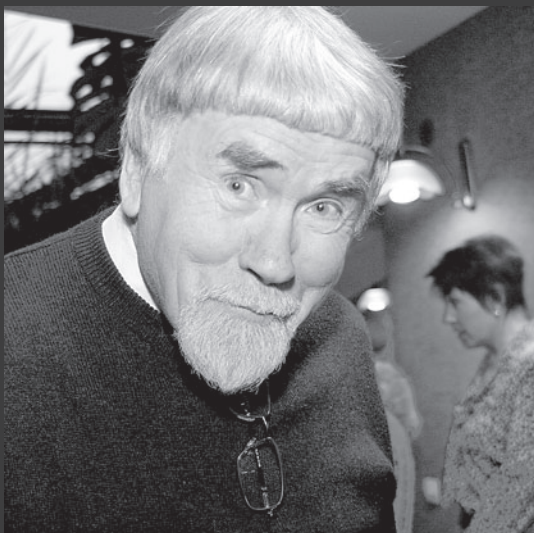
27-30 мая, Екатеринбург, 5-я межрегиональная выставка
«Охота. Рыбалка. Туризм. Спорт. Экстрим»

октябрь, Екатеринбург
«ЭкспоТревел»

10-12 октября, Екатеринбург
«УралТурЭкспо»

Контактное лицо:
главный специалист министерства
СЕРГЕЕВА Наталья Егоровна
Телефон: (343) 372-79-20
E-mail: turism@minsport.epn.ru

За девять лет существования премии имени Павла Бажова ею были отмечены 57 литераторов – писателей и поэтов, исследователей языка краеведов и журналистов.

В 1999 году в числе лауреатов прославленный сегодня критик и прозаик Ольга Славникова, председатель Екатеринбургского отделения Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор Юрий Казарин, один из мэтров уральской литературы, Венедикт Станцев. В 2000 году авторский коллектив, в составе которого редактор раздела «Река времени» журнала «Уральский следопыт» Юний Горбунов, удостоен Премии за книгу ис-

торических очерков об Урале «На государевой дороге».

В 2001 – 2006 годах премия Бажова вручена Николаю Корепанову, Вадиму Месяцу, Андрею Комлеву, Майе Никулиной, Арсену Титову, Владиславу Крапивину. Также в эти годы Премии были удостоены авторы «Уральского следопыта» Владимир Блинов, Герман Дробиз, Анатолий Новиков, Александр Чуманов, Юрий Конецкий.

И ряд фамилий выдающихся деятелей литературы можно продолжать еще. Мы видим, что премия имени Павла Петровича Бажова живет и развивается, из года в год подтверждая свой высокий статус.

66 Ника Ракитина Вздор! Преждевременная гибель одних и горстка избранных живет сотни лет?! Это самый настоящий абсурд, поскольку время едино, и прошлое, настоящее и будущее неразрывны. Вычитание и сложение здесь не работает – только более сложные математические операции. Хотя, есть и другое мнение...

20 Любовь Алямкина
Место, обжитое человеком, постепенно, как камень мхом, или, как речное дно живительным илом обрастает легендами и преданиями, где сплоскнемся с реальной историей, где-то перерастая ее, и давая объяснение, раскрывая первопричины давних событий, в которые, кажется, постичь разумом невозможно.

4 Алексей Молчанов Человек испокон века мечтал подняться в воздух, да так, чтобы чувствовать поток ветра, чтобы трепало волосы и дух захватывало, чтоб как птица – нырять из воздушного потока в поток, самостоятельно прокладывая воздушные маршруты. У некоторых эта детская мечта сбылась. Смастерили своими руками крылья, и оторвались, наконец, от земли.

56 Владимир Трусов Чудеса никуда не ушли из нашей жизни. Сказочное повествование продолжается, только теперь, отложив в сторону детские книжки с цветными картинками, заботливо предложенные нам родителями, мы сами можем выбирать себе сказку, додумывать ее, менять сюжет и выбирать действующих лиц.

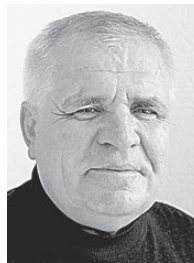
62 Археология редактирует историю, расширяя ее рамки и меняя привычные представления о прошлом человека. С каждым годом выясняется, что наша цивилизация древнее, чем мы считали до этого. «Уральский следопыт» предлагает научную работу **Владимира Королева**, способную в очередной раз пошатнуть представления об истории.

53 Евгений Лотош в восьмом выпуске цикла материалов «Ошибки и штампы в фантастике» рассматривает стереотипы, связанные с биологией.

60 Мила Матвеева
...А паруса сосновых веток такую даль приоткрывают, как будто вечно длится лето, и чайки отдыха не знают.

78 Галина Рудницкая
В ощущение того, что ничья, В состоянии того, что в нирване, Я усну у лесного ручья, Чтоб проснуться ромашкой в стакане.

27 Анатолий Новиков Писатель всегда в себе. И по жизни и – беглый взгляд на его произведения – опять та же вещь в себе. А что за вещь, для чего она существует, (для самого процесса печатания слов?!)... вот вопрос.

45 Евгений и Наталья Киселёвы
Предмет, оказавшийся свидетелем истории, либо принявший участие в судьбе примечательного человека оживает, поскольку он, впитав в себя часть истории и (или) часть человеческой жизни начинает проживать свою, непонятную, но заметную стороннему наблюдателю жизнь. Видно, что вещица на особицу, а в подробностях – это нужно обращаться к специалистам.

7 Николай Ерохин Северные байки продолжение.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

Март 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Портреты

А. МОЛЧАНОВ

О Владимире Мотыле, товарище инструкторе, министре обороны и комиссаре Когане 4
Небесный путешественник 71

А. КОЗЫРЕВ

Легенды и были

Л. АЛЯМКИНА

Сказы кусинской магнитки 20

Архивы

Е. и Н. КИСЕЛЁВЫ

О Мамине-Сибиряке и восточной экзотике 45

И. ПЕРВУШИН

Сказка о попе и мужике 50

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России 51

В мире прекрасного

А. МОЛЧАНОВ

«Трудные дороги без песни не пройти» 72

Далекое - близкое

В. СЕМИБРАТОВ

Есенин по прозвищу Вятка 80

АЭЛИТА

Повод для улыбки

А. СКОРОБОГАТОВ

Сибирская рапсодия 36

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике 53

Координаты чудес

Н. РАКИТИНА

Время отправления 66

Д. СОЛОВЬЁВ

Танец 74

СВЕЧА ГОРЕЛА

Наши знакомые

В. НОВОСАД

На связи 15

Новые встречи

Ю. ДРУЖИНИН

Стихи 18

Г. РУДНИЦКАЯ

Стихи 78

Время мастера

А. НОВИКОВ

Птицелов 27

М. МАТВЕЕВА

Разговор с лесом времени 60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Байки от Геннадьича

Н. ЕРОХИН

Хатыта 7

Маршруты «Уральского следопыта»

Экспедиция на Петрогрон 46

Дети в походе

А. ПИЧУГИН

На Медведь-Камень 48

По следам публикаций

В. БАЙДУКОВ

Строительство нового знака «Европа-Азия» на г. Березовая затянлось 52

Версия

В. ТРУСОВ

Эффект скрипа 56

В. КОРОЛЕВ

Сейды на Южном Урале 62

Главный редактор – Максим Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А.Надь.

Худ. редактор – Ю.В. Ульянова.

Верстка – С.А. Секисов.

Художники – А. Митрофанова, Я. Ахметшина.

Ответственный секретарь – Е. Ю. Дуреко.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Т. В. Сергеевко.

Фото 1 полосы обложки – В. Лесенко.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Издатель – СОЮЗ «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области**.

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014,

г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014,

г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru **www:** uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редакцию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 3 подписан к печати 25.02.2008 года.

Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУПСО «Сухоложская типография», 624800, Свердловская обл., г. Сухой Лог, ул. Милицейская, 6.; тел. 8 (34373) 43-746. Заказ №

О Владимире Мотыле, товарище инструкторе, Министре обороны и «комиссаре» Когане

*В театре все работали.
А чем он хуже других?
И вот работает Мотыль,
Работает за троих.
О чем мечталось, не дали.
(Но мечты его с ним!)
Хорошее запрещали.
Работает над плохим.
— Так что же?
Прикажете плакать?
Нет так нет!—
И он ставит десять заглавок
В один сюжет.*

Этих строк вы не найдете ни в одном из поэтических сборников. А между тем они имеют место быть. Как подражание «Повести о рыжем Мотэле» Иосифа Уткина их сочинили физик-лирик Олег Рывкин вместе со своим другом. Это пародийная поэма была прочитана в 1950-х гг. на именинах главного режиссера театра юного зрителя Свердловска-Екатеринбурга Владимира Мотыля и вызвала восторг, смех и аплодисменты присутствующих.

Вообще, в доме Владимира Яковлевича любили собираться интеллектуальные компании. Их душой была его жена, актриса свердловского ТЮЗа Людмила Подаруева. Мотыль переехал в Москву почти полвека назад. Но здесь, в Екатеринбурге, остался круг его друзей, которые по-прежнему верны ему. Одна из них — актриса ТЮЗа Иветта Швецова. Рука не поднимается написать слова «бывшая», ибо актерами люди становятся навсегда.

— Мотыль пригласил меня в Свердловск из Каменск-Уральской драмы, — говорит Иветта Леонидовна. — Это было в 1957-м году. Я согласилась, потому что этот город и театр были для меня перспективны-

ми, и хотелось какого-то движения вперед. Первой моей ролью на новой сцене был ввод: замена актрисы, исполняющей роль Кати в спектакле «Я тебя найду». Мотыль хотел, чтобы его постановка продолжала жить. Спектакль получился интересным. И работа моя тоже оценивалась достаточно высоко. Это была та проба, после которой в театре я работала до 1985-го года. Переход из одного коллектива в другой произошел для меня, во многом благодаря Владимиру Яковлевичу, удивительно безболезненно, потому что он доверял актеру, готов всегда был пойти ему навстречу. Как режиссера его отличало удивительное чувство правды, умение вывести актера на линию образа, написанного автором, на то, как его понимает он сам. И чтобы артист сумел почувствовать это своим нутром. Чтобы та импровизация, мастерство, собранное опытом актера, явилось в этой роли. Чтобы нигде не было фальши. Должна быть органика прежде всего. И Владимир Яковлевич умел добиваться этого. Там, где возникал перебор, из зала неслась его реплика: «Не верю!» Как правило, Мотыль умел правильно подобрать актерскую команду. Я считаю, что моя встреча с Владимиром Яковлевичем Мотылем — подарок судьбы.

— Существуют режиссеры демократы, есть диктаторы. Все-таки кто он был больше? — спрашиваю я Швецову.

— Демократ или диктатор — это так противоположно, — размышляет она. — Мотыль, скорее, умел отстаивать свою позицию. Может, и диктаторскими формами. Но мы это так не воспринимали, потому что, прежде всего, он интеллигент.

Когда человек убежден в чем-то и пытается других обратить в свою веру корректно, но, вместе с тем, достаточно жестко, то диктаторства здесь нет. Он умел это делать.

— Я очень хорошо помню спектакль Мотыля по пьесе Николая Погодина «Мы втроем поехали на целину» — включается в наш разговор муж Иветты Швецовой Олег Рывкин. — Достаточно необычный спектакль для нашего времени. Не новаторский, как сейчас говорят, без выкидонов, но очень интересный, строгий, удивительно душевный и звонкий. Про то, как трое городских ребят поехали на целину, и какой была цена этого поступка. Спектакле на 5-м директивные органы предложили устроить обсуждение. Инструктор обкома комсомола, впоследствии — видный чиновник в Госкино, продолжавший гонения на Мотыля уже в Москве, пришел с готовым, отпечатан-

ным решением, и начался разгром. Короче, все было заранее отрепетировано и срежиссировано.

И тут на сцене появился известный философ, социолог и культуролог, ученый с мировым именем Лев Коган. В те годы он возглавлял городской худсовет. Назовем его «комиссар» Коган по аналогии с героем поэмы Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса».

— Лев Наумович процитировал журнал «Коммунист» — продолжает вспоминать Олег Сергеевич, — с рекомендациями ставить такие спектакли, как «Мы втроем поехали на целину». Но спектакль все-таки сняли. ТЮЗ в то время был на взлете. Студенты на последние копейки покупали билеты на интереснейшие спектакли: «В добрый час», «Человек ищет счастье», «Три мушкетера», «Когда в садах лица», «С новым счастьем». И Мотыль, конечно, внес свою свежую струю. Мы все были возмущены этой расправой. Владимир Яковлевич понял, что здесь ему жить не дадут, и поехал в Москву к режиссеру Юлию Карасику, с которым начинал в качестве ассистента.

Чтобы завершить рассказ о свердловском периоде жизни Владимира Яковлевича, приведу небольшую цитату из книги Юрия Жигульского «С детства и на всю жизнь...», выпущенной к 75-летию екатеринбургского ТЮЗа: «В. Мотыль спектаклями «В добрый час» и «Мы втроем поехали на целину» стремился к театру более серьез-

ному, интересному, с современным чувством жизни, драматическим ее восприятием. Он звал актера в Новый театр. Конечно, для этого требовалась и колоссальная энергия, и нервная выносливость, и одержимость своей идеей. Но не все в театре хотели идти таким путем. Одних обижала постоянная колючая ирония Мотыля, другие принципиально хотели оставаться на уровне примитивного тюзовского театра, оправдывая свою позицию спецификой детского театра».

— В 1963-м году на студии «Таджикфильм» он поставил самостоятельно «Дети Памира», а затем появилась «Женя, Женечка и «Катюша», — продолжает Олег Сергеевич. — Я до сих пор горжусь, что внес этот фильм на своих плечах в Свердловск: 11 коробок в мешке. Когда «Женю...», снятую в духе французских комедий, увидел тогдашний Министр обороны, он вышел из зала с возмущением: «Безобразие, порнуха!» Мотыль понял, чем это пахнет, приехал сюда. Мы с ним тогда ходили, искали вдвоем по всему городу какой-нибудь клуб, где можно было бы показать фильм. Ничего подходящего не нашли. И тут опять оказал содействие «комиссар» Коган, с которым они были в больших друзьях. На следующий день я, помню, уже с работы отпросился, чтобы посмотреть эту картину в клубе Профинтерна. (Позже — ДК Свердлова, — сейчас ДК ГУВД). Зал был набит битком. Фильм прошел «на ура», с блеском.

Среди тех, кто восторженно внимал картине Мастера, был и студент театрального училища Вячеслав Кириличев, ныне народный артист России, актер екатеринбургского академического театра драмы.

— Когда Мотыль начал снимать «Лес», на роль Аркашки Счастливецца пробовалось много актеров, в том числе и Дуров, — улыбается Вячеслав Тимофеевич. — Лично я тогда с этим режиссером знаком не был. Но знал его жену Людмилу Васильевну, дочь Ирину, зятя Ваню Насонова, тюзовца Борю Плотникова, который уже репетировал Несчастливецца. Кто-то из них говорит: «Да чего ты мучаешься?! Пригласи Славу Кириличева из драмы!» Мотыль спросил у Бори мои координаты, позвонил тогда главному режиссеру свердловского драматического театра Александру Львовичу Соколову, с которым дружил, в Ташкент, где мы были на гастролях: «Ты Славу можешь отпустить на пробы?» Соколов отвечает: «Конечно!» Я прилетел. Загримировали, сцену одну сыграли. Она так и вошла в фильм. Основными моими партнерами по фильму стали Людмила Целиковская, Михаил Пуговкин, Стасик Садальский, Боря Плотников, Саша Соловьев. Авторитет Мотыля для меня колоссальный. Ведь уже были сняты «Женя, Женечка и «Катюша», «Звезда пленительного счастья», «Белое солнце пустыни», эти удивительные фильмы-откровения. Владимир Яковлевич — тонкий, чуткий художник, настоящий интеллигент, личность. Он из плеяды шестидесятников: Булат Окуджава, Марк Захаров, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Василий Аксенов, Анатолий Гладилин... С ним работали крепкие профессионалы: сценарист Ежов, композитор Шварц, кинооператор Ильин. Он и сам сценарии писал, в том числе, и «Лес». В когорте отечественных режиссеров Мотыль стоит наособицу. Он, говоря современным языком, не тусовщик. Появляется на телеэкране только тогда, когда без него невозможна та или иная передача. Скажем, программа, посвященная Павлу Луспекаеву, где он говорил об этом актере великолепные сло-

ва. Владимир Яковлевич на многое открыл мне глаза. Работать с ним, конечно, одно наслаждение.

Став именитым, Мотыль не забываясь. Он не забывал город своей юности, поэтому нередко занимал актеров екатеринбургских театров в своих фильмах. Скажем, в том же «Белом солнце пустыни» снимались Николай Бадьев из музыкальной драмы — Владимир Кадочников, Григорий Гецов и Галина Умпелева.

Культурный фильм советского кинематографа, собиравший огромные залы по всему миру (в первый же год его купили 130 стран) на родине не был допущен ни к одному фестивалю. Космонавты, чья неизменная традиция перед стартом — смотреть «Белое солнце пустыни», трижды выдвигали фильм на Госпремию. И трижды он ее не получал. Но все-таки получил! Спустя тридцать лет после создания. Указом Бориса Ельцина. Без согласия Госкино.

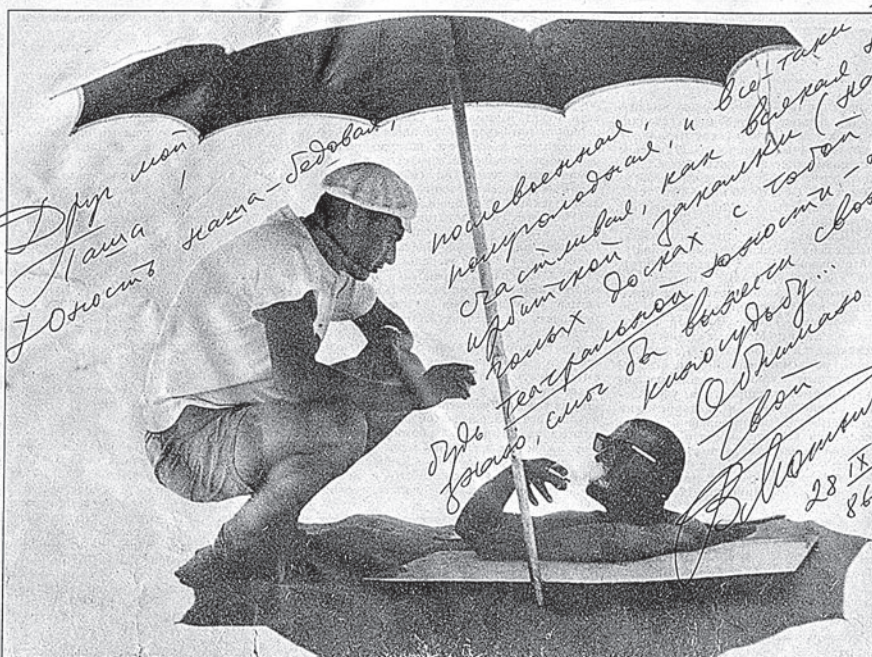
— «Белое солнце пустыни» — фильм на все времена, — считает народная артистка России Умпелева. — Это первый советский вестерн, в котором играют прекрасные актеры: Кузнецов, Луспекаев, Мишулин. Мне досталась эпизодическая роль главной жены гарема. Фильм должен был начинаться с нашей сцены с Хахи Кавсадзе. Натуру снимали на Каспии, под Махачкалой. Я как раз тогда из воронежской драмы переводилась в свердловскую. Мне полагался отпуск. Его-то я и провела на съемках. Все очень дружно жили, группа была интернациональная. Однако когда я посмотрела готовый фильм, там не существовало такого персонажа, как главная жена. Все актерские

сцены с моим участием вырезали. Среди прочих жен я мелькаю в панораме и непонятно, кто же главная. Осталась только Гюльчатай. По-видимому, что-то изменилось в сценарии. Тем не менее, я очень довольна, что побывала на этих съемках. Хотя бы потому, что после этого Мотыль сделал мне ангажемент в фильм «Расстанемся, пока хорошие» по рассказу Фазила Искандера. Фильм снимался в Нальчике. Я играла мать главного героя. Дочь Мотыля Ирина, кстати, была в этой картине художником по костюмам. Я часто у них в доме бывала. Очень хорошая семья, гостеприимные, открытые, доброжелательно настроенные люди.

Сегодня известный режиссер, сценарист, народный артист России, лауреат государственной премии РСФСР, отметивший недавно 80-летие, Владимир Мотыль, чье детство и юность прошли на Среднем Урале, работает над картиной «Багровый цвет снегопада». Предполагается, что она появится на экране в 2008 году. В главных ролях югославская актриса Даниэла Стоянович и актер московского театра имени Маяковского Михаил Филиппов.

Под солнцем и в тени

Наш собеседник — кинорежиссер и журналист, член правления Союза кинематографистов СССР Владимир Мотыль.

Друж мой, Тамча Юность наша — бедовая, полевая, как восточная, и все таки непростая, как восточная (на театральной доске с тобой, Юность, свое до выведи киноуду...)

Вот так же было и в работе. Только в этом году кинематографистам удалось доказать в Госкино, насколько нелепо вгонять в полуремесленные рамки этот самый «дешевый» период работы, и срок увеличили вдвое. В ЭТК это было ясно еще шестнадцать лет тому назад: я монтировал «Белое солнце пустыни» почти полгода. В условиях эксперимента это было в порядке вещей. — Вы следовали сценарию или допускали импровизации? В чем заключались трудности и на каких этапах больше всего приходилось с ними сталкиваться? — При сохранении общей идеи, фабулы и основных характеров большинство сцен было видоизменено либо придумано заново. Сейчас в кино укоренился другой принцип: сценарий — законченное литературное произведение, и режиссер обязан во всем ему следовать, если не хочет оказаться в числе «неуправляемых», «трудных», негодных.

В чем трудности?.. Все давалось божь. Казалось бы, чего-чего, а пустыню-то природа отпустила бесплатно. Но по закону подлости в зиму, предшествующую съемкам, в Каракумах выпало такое обилие дождей, что все семена, дремавшие полстолетия, проросли и пустыня исчезла — покрылась буйными травами. Облетали сотни километров с геологами и пограничниками — нет пустыни! Пришлось звать армию, пропалывать десятки квадратных километров, а первый план расчищали собственными руками и задували ветродуями. А ведь советовали здравомыслящие производственники снимать в днепровских донах: и жить будете по-человечески, и экономия будет...

Помнится, в производственной конторе «Мосфильма» кто-то возмущался: «Зачем шить какие-то особые, дорогие сапоги с внутренними упорами для Луспекаева? Не проще ли взять на роль Верещагина артиста со здоровыми ногами». А работа

Владимир Мотыль 28 IX 86г.

Портреты
РЕКА ВРЕМЕНИ

Николай ЕРОХИН

ХАДЫТА

Продолжение, начало «УС» № 2

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

У молодого и потому деятельного тогда Александра Васильича, только-только защитившего кандидатскую по ископаемым грызунам, возникла мысль поискать их там, где ещё не ступала нога белого человека — на Ямале. И вот, параллельно с раскопками Игнatieвской пещеры, мы запланировали сплавиться небольшой командой по Хадыте, для чего разменяли привычные южноуральские, прогретые солнцем скалы на холодные и безмолвные просторы, где глазу не за что зацепиться...

Ненецкие хальмеры

Вскоре мы доплыли до первых лиственниц, поскольку Хадыта течёт с севера на юг. Интересно было, как среди кустарничковой тундры нет-нет, да и мелькнут маленькие и потрепанные жизнью редкие деревья в полметра, максимум, метр высотой. Скорее всего, они, при попытке вырасти больше, зимой, возвышаясь над снежным покровом, погибали. Замечали, что порой вокруг стволов деревьев бывает воронкообразная бесснежная яма? Ветер, огибая препятствие, уносит снег и лишает тем самым корни этого «одеяла». Так и тут: пока дерево

невысокое, его заметает с верхом, и оно переживает зиму, а стоит выделиться среди окружения — и конец.

Ещё через несколько дней пошёл так называемый пойменный долинный лес. Река Хадыта в какой-то мере уникальна тем, что на её берегах сохранились реликтовые, оставшиеся после более тёплых периодов, еловые леса, густые, настоящие, как в тайге. Они тянутся вдоль берега узкой полосой шириной метров двести-триста, а чуть дальше, без малейшего перехода, резко начинается голая тундра. Особенно ярко виден этот контраст сверху, когда светлую серо-зелё-

ную пустошь пересекает извилистая почти чёрная мохнатая полоса. Словом, рай для наших хренологов.

Именно здесь мы впервые встретили хальмеры, то есть ненецкие кладбища. Закопать что-либо в мерзлоту — дело очень трудоёмкое да и бесполезное; вскоре мерзлота «выжмет» всё обратно. Ненцы приспособились к этим условиям своеобразно.

Во-первых, среди их обычаев и табу есть запрет на втыкание в землю любых предметов. Они не имели лопат, никогда ничего не копали (современные искатели бивней не в счёт), даже дрова по сию пору раскалывают, ударяя не по торцу стоящей чурки, а по боку лежащего плашмя брёвна. На наш взгляд, очень неудобно; но, если вы увидите, какая кручёная древесина образуется у северных деревьев для противостояния сильным ветрам, поймёте, что такой метод гораздо эффективней нашего.

Во-вторых, своих усопших ненцы не хоронят, а ставят ящик с телом прямо на землю где-ни-

будь на возвышенности. Это и есть хальмер. На большей части Ямала деревьев нет, и потому ненцы привозят своих покойников за сотни километров к местам роста деревьев, чтобы достойно с ними проститься по всем правилам. А мы как раз и находились в самых северных лесах, поэтому хальмеров здесь было много: на участке в 20 километров я насчитал более десятка. И то только те, которые были видны с реки, а большая их часть, конечно, была расположена дальше от берега. Внешний вид и возраст их был самый разный — от современных, обтянутых кухонной клеенкой гробов до замшелых бревенчатых срубов, похожих на маленькие баньки.

Пятая стоянка

В этих местах мы встали на пятую стоянку в устье протоки Ляб-То-Сё (как вы уже наверняка догадались, Сё по-ненецки — протока), а около неё был обрыв высотой, чтоб не соврать, метров двадцать. В нём мы, конечно, тоже

нашли зубы древних грызунов, но эта точка памятна мне историей, связанной со стоявшим там алюминиевым балком.

Дело в том, что здесь было место для вакцинации оленей, этакий северный Кораль. Брод через реку, близость леса (как источника дров и дерева), специально оборудованный загон, и самое главное, каплевидный, чтобы не заносило снегом, металлический домик с печкой — всё это должно было обеспечить комфорт для долгой работы ветеринаров. Удивительная конструкция, но особенно примечательной в нём оказалась печка. Это своеобразный шедевр технической мысли: она могла работать как на обычных дровах, так и на любом жидком топливе — керосине, бензине, солярке, спирте. Ещё внутри лежала свёрнутая огромная армейская палатка, которую, очевидно, ставили ветеринары для своих работ, а рядом с балком стоял движок от кинопередвижки, позволяющий обеспечить это хозяйство электричеством. И так там оказалось сухо, тепло и удобно, что я попросился у Васильича переночевать в этом балке. Но, к сожалению, работы на обрыве были закончены, нам надо было плыть дальше.

Дальше мы проплыли мимо нескольких точек с названиями Ласточка (верхняя и нижняя), Ласточкин берег и так далее. Называются они так потому, что в высоких обрывах масса нор ласточек-береговушек, потому и наши орнитологи облюбовали эти места. Именно в этих местах на Михаила падала ракета, и здесь, во время нашей седьмой стоянки, была найдена та ракета, про которую я рассказывал. Вообще-то во время этой экспедиции в тех краях мы становились лагерем еще два или три раза, потому что всего полноценных стоянок за маршрут было девять (про «ненастоящую» десятую, у Юрия Михалыча, сейчас расскажу), но некоторые места, где мы останавливались, ничем примечательным мне не запомнились.

Урочище «У Старика»

Под занавес нашей экспедиции мы заехали в урочище «У Старика». С этим названием связана очень интересная история: в военные годы появился в здешних краях загадочный человек. Стремился к уединению, гостей особо не жаловал и в глуши выстроил себе избушку, в которой неизвестно каким образом умудрился сложить добротную кирпичную печку. Откуда он взял кирпич — до сих пор неясно, равно как и то, откуда он взялся сам и куда потом делся. Времена были такие, что в этих диких местах за излишнее любопытство можно было и пулю промеж лопаток схлопотать, поэтому никто им особо не интересовался. Даже имени его не знали, и называли просто Стариком. Кто это был — спецпереселенец, дезертир, расконвоированный или аскет, остаётся только гадать.

Теперь эту избушку с плоской крышей и низким потолком облюбовал Юрий Михалыч, наш большой исследователь, любитель и знаток Севера. Он её отремонтировал и использовал в качестве своей базы для изучения биологии ондатры. Вёл он отшельнический образ жизни; конечно, в отличие от своего предшествен-

ника, гостей пальбой не встречал, но и к шумной компании коллег тоже особо не стремился.

Когда мы появились в урочище в надежде провести там последнюю ночь перед прибытием на стационар в гражданских условиях, Юрий Михалыч нас встретил очень радушно. Вот ведь ирония судьбы — почти месяц мы были без людей, и первый увиденный нами в тундре живой человек оказался нашим коллегой по науке. Как рачительный хозяин, он выставил на стол, чем был богат — рыбку, зайчатинку, дичь. Мы тоже были в приподнятом настроении: непростая экспедиция подходила к концу, на краю земли мы встретились с хорошим знакомым, и потому вытащили и поставили на стол заветную бутылку зелёного стекла с этикеткой, гласящей, что внутри содержится румынское вино. Он посмотрел на неё и, как мог, заинтересованно сказал: «О! Опять спирт?..», но при этом грустно вздохнул. У него самого этого добра было ещё полканистры, которую в тот момент, думаю, он не глядя сменял бы на кружку настоящего пива или бокальчик шампанского. Про настоящее вино он даже и мечтать не смел. Не знаю почему, но все извест-

ные мне «полярные волки», закалённые невзгодами северные полевики больше всего на свете обожают именно хорошее красное вино.

Юрий Михалыч достал кружки, расставил их и взялся за бутылку. Содрав защитную полиэтиленовую оплётку с горлышка, он обнаружил под ней настоящую пробку и сказал: «Гы! Ещё и пробочкой заткнули...» Но достал штопор, выдернул пробку, понюхал и воскликнул: «О!!! Так долго плавали, и это ОНО?!!» Мы были очень довольны эффектом; именно ради него мы почти месяц таскали с собой эту бутылку. После этого наши ставки резко возросли, и ночлег пусть на полу, но в сухом и тёплом помещении, а не в сырой и осточертевшей палатке нам был гарантирован.

Пройти Воронковский сор

Наконец добрались до стационара на фактории Хадьта. Народу там практически не было — горячая пора, все ушли на фронт. Ну, был Юрий Иваныч, которому я предъявил своего карабуса, Витя, уже тогда опытный северный полевик, изучавший песцов, ещё кто-то... не помню. По времени мы вполне успевали на корабль,

который должен был отвезти нас в Лабытки, правда, выяснилось, что из-за малой воды корабль до фактории не дошёл. Более того, он не смог даже пройти большое приустьевое озеро под названием Воронковский сор и ждал нас практически у выхода в губу. Таким образом, нам и ещё кому-то из коллег, также намеревавшимся попасть с этим кораблём домой, предлагалось преодолеть оставшееся немаленькое расстояние на моторках, позаимствованных на стационаре. В принципе, задача несложная; всё-таки не вёслами работать.

На стационаре тогда имелись две свободные лодки – «Казанка» и «Прогресс»; в них предполагалось разместить восемь человек, то есть четверо в каждую лодку. С некоторыми неудобствами (было много вещей), но в лодках мы расселись. В нашу «Казанку» сели, кроме меня, Андрюха, Васильич и Витя, которого мы попросили быть нашим рулевым и потом отогнать лодку обратно на стационар. Валера и ещё трое коллег ехали на «Прогрессе».

Плывем вниз по Хадыте, уворачиваемся от меляков. Справа по борту проплыло и скрылось из глаз

местечко с загадочным и волнующим названием «Изба шамана». На самом деле это небольшая избушка, вся в закопаченных дырах, у которой перед входом под крышей висело несколько оленьих черепов с рогами. Там тоже наверняка сидел-работал кто-нибудь из наших, но заходить не стали. Вечерело, и мы надеялись до наступления короткой северной летней ночи (которая на Севере светлая только в июле, а в августе такая же тёмная, как везде) пройти огромный Воронковский сор, известный своими коварными мелями. Самое главное при этом было не сбиться с фарватера, который наши рулевые знали хорошо, но в темноте ведь все кошки серы.

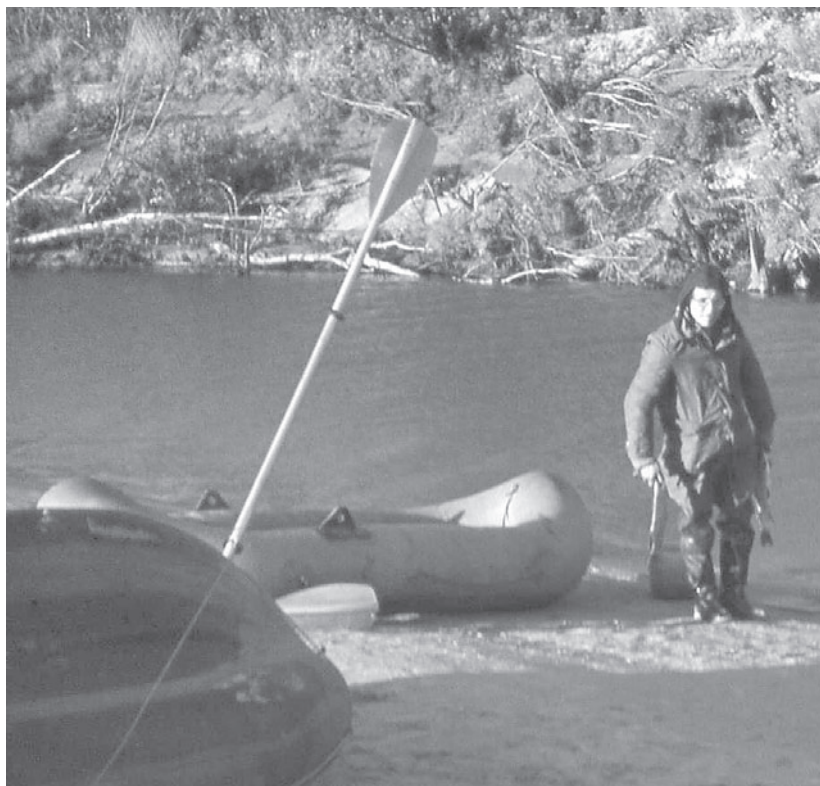
Как на грех посередине сора, видимо, расслабившись и утратив бдительность, с фарватера мы сбились. До корабля оставалось всего часа два ходу, однако уже совсем стемнело, и мы посреди озера размером двадцать на тридцать километров со всего ходу вылетели на отмель. Какое-то время буровили винтами песок и толкались вёслами в надежде соскочить с меляка; движки стали перегреваться, и для охлаждения мы на «Казанке» сняли с движка

кожух. Разумеется, в ту же минуту его захлестнуло волной с песком, поднятым нашими моторками. Чего-то там заклинило, искра пропала, короче, наш движок встал. И в этот момент наши коллеги на «Прогрессе», предусмотрительно не снимавшие кожух, умудрились намотать то ли на винт, то ли на колленвал обрывок рыболовной сети. Так что через минуту движок встал и у них.

Вот и представьте себе наше положение: восемь мужиков сидят в темноте посреди мелкой, но о-очень большой лужи. Берегов и по свету-то не было видно, а тут ещё опустился туман и поднялся с виду слабенький, но настойчивый, холодный и потому достаточно неприятный ветерок-тягунец. Витя пытается прочищать от песка мотор, продувает свечи; аналогичная деятельность кипит на соседней лодке. Кто-то вылез из лодки и по колено пошёл поразмяться и посмотреть, где кончается меляк. В какой-то момент буквально, как ёжик, скрылся в тумане, и мы, перепугавшись за него, начали кричать и стучать по гулким бокам лодок, и ушелец благополучно смог вернуться.

Ремонт моторов обеих лодок не принёс ожидаемого результата. В один из моментов Васильич, стоя по колено в воде, присел, чтобы поднять семидесятикилограммовый движок, и тут же нежданная волна захлестнула у него оба болотника. Нам при взгляде на эту маленькую оказию стало немного легче – всё-таки у нас ноги были сухими. Но Васильич тут же лишил нас этого сомнительного преимущества, переодевшись, и больше из лодки не вылезал.

Часа через полтора, прошедших в сменяющих друг друга потугах починить моторы и тащить лодки на манер бурлаков, стемнело окончательно. Не столько уставшие, сколько перенервничавшие, мы плюнули на всё и решили заночевать – мудро вечера утреннее. Согнали лодки вместе, опустили движки, которые воткнулись в песок и стали играть роль якорей, и перелезли все в «Прогресс», у ко-

того был верх — какая-никакая, а всё крыша над головой.

Слетаем с меляка

Ночь прошла в судорожных попытках согреться. Может, кто-нибудь и спал, но я лично более мерзкой ночи не припомню. Возможно, всему виной сырость, а может, переживания так сказались. Поэтому, когда через несколько часов горизонт начал светлеть, мы стряхнули с себя то ли сон, то ли оцепенение и собрались на военный совет.

По графику, это был последний день ожидания нас на корабле. Если бы мы до вечера не появились, он уйдет без нас. Кроме как на моторке попасть туда в срок не было никакой возможности; даже по сплошной суше преодолеть разделяющее нас расстояние за день можно было только налегке. Было совершенно очевидно, что нам придётся выбираться из этой передраги самим.

И вот тут началось самое интересное. Взрослые мужики на полном серьёзе сидели и рассуждали: «Сейчас начнём лодки толкать, и, может быть, через два-три дня выйдем к берегу сора. Там, на южном берегу, есть изба. Месяц-другой мы в этой избе перекантуемся, а когда ударят морозы и болота встанут, по льду мы к людям-то и выйдем». И зря вы смеётесь; по той ситуации это казалось (а может, даже и было) самым разумным решением.

С таким планом мы сели в лодки, вооружились вёслами и потихоньку, отталкиваясь, продвигались вперёд. Конечно же, быстро утомились и стали искать пути облегчения этой процедуры. Чтобы более равномерно распределить вес, мы посадили Андрюху на нос лодки; свесив ноги по бокам, с веслом наперевес он выглядел как резная деревянная тётка на форштевне корабля, держащая бушприт. Её иногда называют гальюнной фигурой; общеизвестное в качестве ватерклозета значение слова «га-

льон» происходит от искажённого «галеон», который и имел такое украшение. Я пристроился с другим веслом между ним и лобовым стеклом лодки, отталкиваясь от дна то с одной, то с другой стороны. Вконец озверевший Витя нещадно истязал мотор нашего судёнышка, а Васильич, чтобы тоже быть при деле, путался у него под ногами.

Мы с Андрюхой, медленно, но верно продвигавшие лодку вперёд, скептически посмеивались над их суетой; оказалось, зря. Внезапно, после одного из рывков стартера, движок чихнул и заурчал, бодро молотя песок винтом. Наша лодка значительно быстрее поползла по отмели вперёд. С соседней лодки кричат: «Ура! Возьмите нас на буксир!!!», на что продолжавший хлопотать над мотором Витя вполголоса, чтобы его там не услышали, пробурчал: «Фигушки. Дайте нам сперва выбраться, а там мы вернёмся и вас заберём». И потихонечку начинает газовать. Естественно, на «Прогрессе» заорали ещё громче, замахали руками... и в этот миг мы слетаем с меляка.

Гибель «Титаника»

Напоминаю, что на носу, кроме лежащих внутри лодки всех наших вещей, которые туда перегрузили, чтобы не поломать винт и не сорвать шпонки на мелководье, сидели я и Андрюха. И наша «Казанка» начинает играть в подводную лодку. Неспешно, но неуклонно она начинает уходить носом под воду, точь-в-точь как поплавок, когда наживку берёт самоуверенный окунь. Я сообразил быстрее; каким-то чудом ухитрился перекинуться через лобовое стекло лодки и шмякнулся внутрь, а Андрюха, вдав в прострацию, так и остался сидеть на носу. С соседней лодки с ужасом наблюдали эту картину, когда вода сначала залилась ему в сапоги, потом затекла под задницу, дошла до пояса, затем стала ему по грудь, и в конце концов из

воды торчали две руки, судорожно сжимавшие весло, и голова с круглыми глазами и крепко сжатым ртом.

Витя с Васильичем, упавшие из-за рывка лодки на дно, барахтались в тщетных попытках доползти до мотора, чтобы сбросить газ. Мне после падения требовалось какое-то время, чтобы вспомнить, кто я и на какой планете. Лодка продолжала уходить носом в глубину, корма задиралась выше и выше, и всё это сопровождалось жутким грохотом и воем, которые издавал поднывавшийся над водой бешено крутящийся винт. Зато наши соседи, наблюдавшие гибель «Титаника» с расстояния нескольких метров, буквально из партера, почему то сразу перестали орать. К сожалению, попкорна тогда в нашей стране не было, и в их широко открытые рты совершенно нечего было положить.

Следующее, что я помню — как Витя, перебросив Васильича с себя на меня, ползёт по крутому наклону дна лодки к движку. Поскольку угол между лодкой и поверхностью воды тогда уже был градусов семьдесят, это походило на карабканье по слегка наклонной стене. Но, к счастью, наше судёнышко перестало погружаться и остановилось в таком положении. Я пополз вслед за Витей; из-за смещения живого груза «Казанка» медленно стала возвращаться в исходное положение. К нашим поползновениям присоединился отвергнутый Витей Васильич, и, когда мы оказались на корме, лодка шлёпнулась днищем о воду, явив соседям нашего мокрого носового истуканчика с веслом.

Хотя винт, бурливший в воде, больше не оглашал округу радостным визгом, с «Прогресса» не доносилось ни звука. Они даже ничего не сказали, когда Витя, овладев, наконец, рулём, прибавил газу и направил лодку к губе. Мы с Васильичем с немалым трудом отодрали приросшего к носу Андрюху, втащили его в лодку и отобрали весло. А он, хоть и си-

дел абсолютно мокрый на очень свежем ветерке в идущей на полном ходу моторке, даже не дрожал, словно задеревенел, и только смотрел на нас безумными глазами.

Все в сборе

Вскоре наша «Казанка» была на условленной точке, но корабля там не обнаружилось. Мысль, что мы опоздали и корабль ушёл, была безжалостно изничтожена в зародыше, и мы рьяно принялись обшаривать окрестные протоки в поисках судна. Параллельно обсуждались пути быстреего выхода к людям, чтобы организовать спасательную экспедицию в сор к нашим менее удачливым коллегам. И вдруг мы видим — огромный, просто гигантский куст ивы, над которым гордо реет красный серпасто-молоткастый флаг. Облегчённо вздохнув, мы огибаем эту иву и обнаруживаем за поворотом наш корабль, мирно пришвартованный в протоке. Подруливаем к кораблю, швартуемся, выскакиваем на палубу...

Вы знаете, что такое «лутучий голландец»? Так вот это был именно он. Рваные клочья густого утреннего тумана, словно призраки, колыхались на борту, nepотревоженные капли росы ровным слоем покрывали весь мерно покачивающийся на волнах корабль, какая-то тряпка на леерах мерно покачивалась из стороны в сторону и главное — гробовая тишина...

Но нам тогда было не до суеверий. Мы кинулись на корму и там с превеликой радостью обнаружили подвешенный катер с мотором, идеально подходящий для спасательной поездки за нашими горемыками. Тут из кормовой каюты вылезает заспанный механик и сонно бормочет: «О-ох... Приехали... А мы уже неделю ждём, вас нету, нету... Вот и ушли куда поглубже, чтобы на мели не остаться... Ну всё, поплыли. Ща капитана разбуджу...» Мы ему: «Какой капитан?! Спускай на воду катер, за людьми поедем

в сор!!!» А механик так же спокойно стучит пальцем по кожуху мотора катера и, зевая, заявляет: «А-а... Это... Пустая коробка... Движка внутри нет...»

«Ну, инструменты-то хоть какие есть?!» — наседаем мы. «Какие-то есть, — отвечает, — как не быть...» Достает инструменты, мы спускаемся в нашу «Казанку» и начинаем чистить да приводить в порядок движок, чтобы не встать на полдороге. Теперь мы спасательная экспедиция. Копаемся. Обнаружилось, что там ещё какой-то тросик оборван, словом, возимся уже часа два. И тут слышим вдалеке — «З-з-з...», как будто зуд комара.

Вглядываемся в горизонт; и тут из-за поворота вылетает «Прогресс». По лицам сидящих в нем становится все понятно, сейчас нас будут бить, и, возможно, ногами. Подруливают, швартуются, карабкаются на палубу, злобно сжимая кулаки, а куда мы денемся с маленького кораблика-то? Накинулись на нас: «У-у, волки позорные, ёлки-палки, пошто нас кинули?!» Мы, дескать, решили вот подремонтироваться, и к вам на помощь, а вы-то откуда да как? «А мы увидели, что вы нас бросили, — отвечают, — перебрали движок, завелись, и за вами...». И тут открывается носовой люк, оттуда появляется ещё не проснувшийся толком капитан и, потягиваясь и глядя на нас слипающимися глазами, разряжает накалённую атмосферу: «О-о... Я гляжу, все в сборе... Так что, плывём, что ли?...»

«Поплыли», — отвечает ему механик. Капитан зевнул и сказал: «Ну... Тогда трап подымай...», и поллёлся в рубку. Мы отправили Витю обратно на стационар, вручив ему переданные с командой корабля гостинцы — белый хлеб, масло и «Беломорканал». «Прогресс» втащили на корабль, поскольку его надо было везти в Лабьтки на зимовку. Так, можно сказать, и закончилась наша разведочная экспедиция по Хадьте восемьдесят пятого года.

Дальше мы без приключений одиннадцатого сентября добрались до стационара Института в Лабьтках. Кстати, знаете, почему сор называется «Воронковский»? В точно такую же ситуацию много лет тому назад попал местный житель старик Воронков, пересекавший со своей старухой сор на моторке. Только ему повезло меньше, чем нам; он выбирался трое суток. Но старуху свою не съел, привёз невредимой.

История Саши и Вити

Вспомнилась одна история, которая случилась ещё до меня на той же фактории Хадьты. Дело в том, что, когда я впервые там появился, меня удивило, что, например, полы в некоторых помещениях были выворочены, а доски брошены рядом. Если бы это сделали ненцы, они бы забрали доски, поэтому смысл такого вандализма для меня был загадочен. Стал расспрашивать, и вот что оказалось.

Случилось это году в восьмидесятом. Пустовавшая фактория к тому времени уже давно была обжита сотрудниками Института. В конце очередного полевого сезона на фактории оставались двое ребят, уже известный вам Витя и наш ихтиолог (специалист по рыбам) Саша, а также собака кого-то из них.

Как вы поняли, чтобы попасть на факторию, люди с корабля в устье Хадьты пересаживались на моторку и дальше поднимались по реке на ней. Поэтому самая нужная «деталь», без которой немислим такой маршрут — это даже не лодка, а двигатель. Их-то на стационар и забрасывают в первую очередь и самыми последними вывозят. Лодку можно было вытащить на берег, и с ней всю зиму ничего не случилось: ненцы тогда не марали руки такой мелочёвкой. А вот искушать их лодочным мотором никто не решался, уж больно это дорогая и необходимая в тундре вещь, на которую мог

покуситься даже самый чистый помыслами праведник.

Так получилось, что выбираться с фактории и вывозить, кроме научных сборов и своих вещей, два движка ребята должны были не водой, а вертолётном. Была оформлена заявка на полёт, назначена дата и время... А у вертолётчиков существовало правило: если в день предполагаемого полёта поломка, нелётная погода или ещё какая оказия, делающая вылет невозможным, заявка снимается. То есть не переносится на завтра или послезавтра, а вычёркивается вообще, вне зависимости от выполненности. Совершенно не бралось в расчёт, что люди на точке продолжают сидеть и ждать в неведении. Для того чтобы их всё-таки забрать, необходимо было кому-нибудь заинтересованному снова обратиться в авиакомпанию и оформить новый заказ. Кто придумал такой порядок, неизвестно; в те времена наряду со многими нормальными и разумными обычаями попадалось немало антигуманных вещей.

Как на грех именно это и случилось: нелётная погода, вертушка не вылетела, и потом никто не повторил заявку. Ребята ждут, а вертолёта всё нет и нет, нет и нет... Не знаю, достаточно ли хорошо вы поняли, но выбраться из тех мест иным путём просто невоз-

можно. Витя с Сашей это прекрасно знали и потому даже не строили иллюзий пересечь губу на моторке, тем более по осени. По суше тоже далеко не уйдёшь, потому что «суши» там нет — кругом болота. Поэтому было принято единственно возможное решение: дожидаться морозов, которые скуют болота и озёра, и выходить пешком к людям.

Строя такие планы, они не бросали надежды на прибытие вертолёта, и каждый день готовили вертолётную площадку. Поскольку уже начал выпадать снежок, они с утра выходили, расчищали дорожку и площадку, а потом в буквальном смысле тренировались в быстрой погрузке вещей. Витя стоял с секундомером в руках, командовал: «Первый двигатель — пошёл!», и засекал время, а Саша, взвалив мотор весом в 70 кг на плечо, рысцой бежал из домика к месту посадки. Там он его оставлял и бегом возвращался за вторым движком, рюкзаками, образцами и так далее, а Витя вслед ему комментировал: «Второй движок — девятнадцать секунд, хорошо, лучше вчерашнего... Рюкзак — пятнадцать секунд, на секунду дольше... Первый ящик — двадцать четыре секунды, очень плохо...» Потом они менялись, и вот так по несколько десятков раз в день отработывали действия на

случай неожиданного прилёта вертушки.

Потихонечку стали кончаться продукты. Ребята облазили все шкафы, аккуратно собирая рассыпанные на полках зёрна крупы. Весь подножный корм в виде грибов и ягод в радиусе километра был начисто съеден на корню. Когда кончилось совсем всё, они довольствовались чёрствым и заплесневелым хлебом, десятки лет пролежавшим в пекарне. Собаку вообще ничем не кормили; неприхотливое животное успешно мышковало, но добычей не делилось и пойманных полёвок да леммингов съедало само. Лайка совершенно не подозревала, что при такой тактике ей светило самая стать обедом. Но, впрочем, до этого дело не дошло, хотя вполне могло.

Но хуже всего было отсутствие курува. Они обошли все здания фактории и собрали валявшиеся по углам окурки. Они вскрывали полы в помещениях и находили под ними случайно закатившиеся туда чинарики. Заметив сквозь толщу льда в бочке у крыльца гильзы папирос, они вырубили этот лёд, бережно извлекли размокшие крупички табака, высушили и пытались курить. Бедняги; оказалось, что весь никотин перешёл в воду и с таким же успехом можно было курить опилки.

Тем временем в далёком городе Свердловске, в родном Институте о ребятах вспомнили: как же так, нет людей на рабочем месте. Быстро выяснилось, что на стационаре в Лабитках их тоже нет. В «ПАНХ» послали запрос, вывезли ли они таких-то с такой-то точки? «Нет, — невозмутимо отозвались вертолётчики, — не было же повторной заявки!». Взвинченная администрация Института, зная, что в случае чего нагорит прежде всего дирекции, как можно внятно объяснила: люди брошены без припасов в тундре больше месяца назад. Не исключено, что они уже погибли; кто будет нести ответственность за смерть людей при исполнении служебных обязанностей?

Вертолётчикам пятно на репутации было совершенно ни к чему. Поэтому диспетчер «ПАН-Ха» после нелюбезного общения с руководством Института вычислил, кто из экипажей находится в том районе, по радиации связался с пилотами и попросил «залететь на фабрику и посмотреть, есть ли там кто живой».

За день до этого у ребят на фабрике был праздник: им удалось подстрелить гуся на ближайшем замерзающем озере. Почему он не улетел на юг, неизвестно; то ли был подранен хищниками, то ли ещё чего. И с утра состоялось торжественное приготовление «супа», если это можно так назвать, поскольку кроме гуся, воды и соли в нём ничего не было. И вот в тот момент, когда суп был готов и своим ароматом дразнил ноздри месяц поедающих плесневелые сухари полевиков, раздался звук летящего вертолёта.

Забыв про все тренировки, Саша подхватил по движку под мышку (вы помните, сколько весил каждый из них?) и галопом помчался на подготовленную, как обычно, посадочную площадку. Витя одним движением выплеснул содержимое кастрюли на снег, сунул её в мешок с посудой и, умудрившись надеть сразу два рюкзака, рванулся следом. К финишу пришли одновременно. Задрав головы, они увидели, как у зависшего над ними вертолёта открылся иллюминатор, лётчик что-то прокричал и спрятался обратно. А затем вертолёт набрал высоту и скрылся в облаках; пилоты радиовали диспетчера: «На фабрике кто-то бегаёт, значит, живые ещё».

В наступившей тишине раздавалось только чавканье собаки, торопливо доедающей обжигющего гуся. Саша посмотрел на Витю и только теперь разжал руки; моторы жалобно лязгнули о мёрзлую землю. Витя посмотрел вслед вертолёту и смачно, кудряво высказал всё, что он думал о таких людях вообще и об этих

вертолётчиках в частности. Потом они поглядели на довольно рыгнувшую и завивавшую хвостом лайку.

«Ну и пёс с ними, — завершил Витя, — больше ждать никого не будем. Надо выходить к людям». В тот же день они, оставив практически весь груз на фабрике, на лыжах вышли по направлению к ближайшему населённому пункту. С собой взяли только ружьё, спальники и всю тёплую одежду, которой было немного. Ну и, конечно, сытую собаку.

На следующий день они увидели свежий лыжный след ненца, пошли по нему и вскоре заметили на горизонте неторопливо бредущего по своим делам местного жителя. К своему несчастью, они на радостях громко закричали и бросились к нему, а тот, увидев погоню, дал дёру. Но нашими ребятами двигала жажда жизни, с чем даже ловкому ненцу тягаться было не по силам. По всем правилам загонной охоты они разделились, взяли аборигена в клещи и поймали.

Тут и прояснилось, почему ненец убежал. Дело в том, что в тех

местах много зон и, как следствие, беглых зеков. Последние местных жителей крайне не любят, ибо ненцы, увидев их в тундре, за водку сдают информацию о беглецах ВОХРе. Но Саша с Витей зеками не были, представили все документы, и ненец вывел ребят к своему стойбищу. Оттуда обогретых и накормленных бедолаг на «Буранах» вывезли к ближайшей остановке рейсовых автобусов, начавших курсировать по замёрзшей Оби, и добраться до Лабытков им не составило большого труда.

После того, как мне рассказали эту историю, меня провели на кухню фабрики. Подняв голову, я обнаружил на полке под самым потолком несколько десятков трёхлитровых банок, доверху заполненных окурками. Со времён того случая ни один из чинариков не был выброшен; все они аккуратно собирались и ставились в сухое место. Никто из обитателей стационара не исключал вероятности того, что завтра он сам может оказаться в подобной ситуации...

Продолжение — в следующих номерах «УС».

Владимир НОВОСАД

На связи...

Ярким осенним утром, когда небо уже просветлело, солнце, выплыв из-за крыши соседнего дома, уперлось упрямым лучом в стенку кухни, заставив Павлика щуриться от яркого света. Он сидел напротив окна и, как кот, закрыв оба глаза, старался согреться от слабых осенних лучей. Осеннее солнце всегда желанней летнего, от него не прячутся, им стараются нагреться впрок, впитать как можно больше, и Павлик, подставив лицо и лысую макушку, совмещал приятное с полезным: полезным было то, что он провожал жену на работу. Павлик был невысоким, узкоплечим блондином с уже сильно протертой макушкой. Ручки у Паши были как у ребенка, маленькие и чистые. Он их всегда клал перед собой на столе или на колени, складывая пальцы в «замочек», смотря куда-то вдаль своими огромными синими глазами. Глаза у него были особые: если Паша стягивал брови к переносице, морща лоб, то лицо его становилось таким грустным и жалостным, что ему прощались практически любые провинности. А однажды его даже выгнали из выпрезвителя.

Вот и сейчас, сдвинув брови, он старался раздобрить жену, но солнце не позволяло ему одним уколом своих синих глаз парализовать ее волю. Поэтому она недовольно бубнила, курила уже вторую сигарету, забыв про недопитый кофе.

— Печь, говоришь, передвинуть в бане? — она нервно стряхнула пепел, снова затянулась и пустила к потолку сизый шар.

— Ну да, Люсь, Сема звонил вечером. Приезжай, говорит, один не справлюсь, мочи нет.

— Знаю я вашу печь. Кедрач у него дозрел, опять нажретесь и к дояркам поползете. Ой, смотри, Пашка, — и Люся шлепнула мужа по затылку.

— Да брось ты, Люсь, какие доярки, — Павлик сморщился, заулыбался, машинально почесав затылок. Ему явно льстило, что его считают таким гуленой-ходоком, но парень он был скромный и любил свою жену, с которой ему было спокойно и тихо. Люся была выше Павлика на голову и шире в плечах. Глядя на них вместе, можно было подумать: «Наверно, в детстве она не наигралась с куклами». Но Люся испытывала к мужу особую нежность, целовала его в голую макушку, оставляя там сочный след губной помады, и

Владимир Витальевич Новосад родился в 1962 году в селе Калач Свердловской области. В 1987 году окончил СТХМ по специальности техник-механик. Живет в Екатеринбурге.

прижимала мужа к груди, как дети прижимают котенка или щенка, дрожа от восторга.

— Если заведешь себе бабу, я тебя сразу брошу туда! — говорила она, явно намекая на открытую форточку и шестой этаж ихней квартиры. — Лобзик ты мой!

— Почему лобзик, Люся?

— А потому, что ты пилишь там, где другие не могут!!! — сально шутила она и заливалась хохотом, грубо, по-мужички, показывая крепкие, белые зубы.

Пашке другой жизни и не надо было. Он был совсем счастлив и, наверно, чувствовал себя капитаном пиратской шхуны, когда, куря на балконе, смотрел, как сквозняк надувает, превращая в паруса, белье жены огромных размеров.

— Значит, говоришь, печь переставить?

— Угу! — Паша кивнул, не открывая глаз.

— Ну, ладно, Семен мужик добрый, хоть и того... — Люся хлопнула себя рукой по шее. — Выпить не дурак твой Семен.

Она вышла из кухни, пошарилась у себя в сумке и, вернувшись, положила на стол маленькую, серебристую коробочку.

— Что это, Люсь?

— Телефон!

— А на что он мне, Люсь?

Паша взял аппарат и повертел в руках: «Ни гвоздя не забить, ни шила поправить!»

Люся смотрела на мужа и презрительно улыбалась: — Деревня! Чтоб всегда на связи был. Крикну: «Пашка, к ноге!» И ты тут!

Она снова заржала, звонко и раскатисто.

— Поедешь к Семену, вечером звонить буду. Не дай бог не услышу, где ты и чем занят!

После небольшого инструктажа Павлик сделал вид, что все понял, успокоил жену и проводил ее за двери.

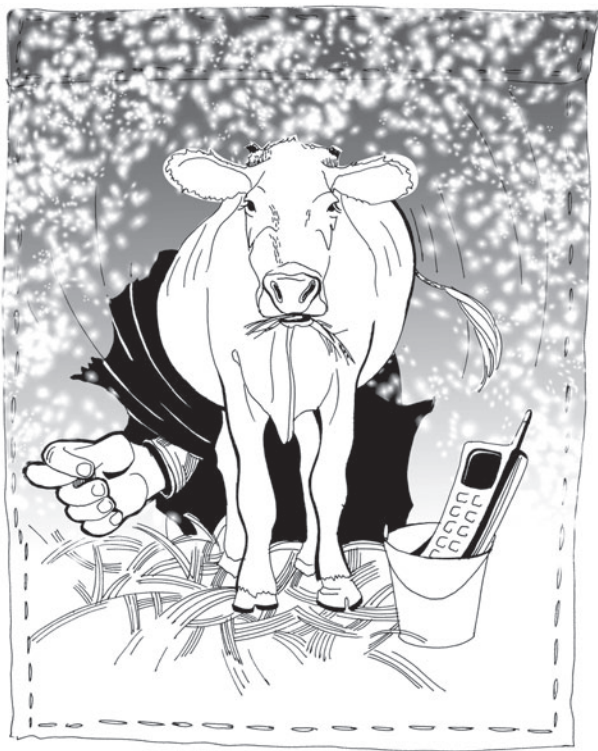
— Вечером созвонимся! — крикнула она с лестницы и бодро сбегала вниз, оставив в подъезде тонкий аромат французского парфюма.

2.

— Да какая печь, Паша, я ее еще вчера сдвинул.

Семен сидел напротив и широко улыбался.

— Кедрач дозрел! Ты попробуй, Паша! Огонь с медом!

Он налил из графинчика коричневой, с золотистым оттенком, жидкости по полстаканчика граненых и двинул один Пашке.

— Давай, давай!

Паша взял в руку стакан и глубоко вздохнул: «Глык, глык, глык!». Зажмурился, покраснел и замер. Из уголков глаз потекли слезы. Семен спокойно, по-деловому, опрокинул в себя самогон, фыркнул и стал ловить рукой в тарелке скользкий, маленький, янтарный груздочек, затем оторвав пельмень от остывшей и слипшейся кучки, он закусил и тем и другим.

Павлик все еще не дышал. Семен намотал на вилку розовую полоску сала, ароматную, с прожилками мяса: «Пососи сальца, Павлик, а то к утру осипнешь». И ткнул ему в нос.

— Зверь, Сема. Ты че туда сыпал? Я думал, не очнусь, — прошипел Павлик, открыв глаза.

— Да как обычно. Орешков кедровых да рябины. Чувешь, медком отдает?

Паша разомлел и заулыбался.

— Совсем забыл, Сема, глянь-ка сюда, — и вынул из брюка серебристую коробочку, чуть больше зажигалки.

— Это чаво? — Семен сморщил лоб. Все, что не касалось огорода и содержания коровы, было для него страшной загадкой.

— Телефон, дурик. Люська вечером звонить будет! Помнишь, мы прошлый раз уперлись с тобой на ферму? Ну вот она и хочет знать, где я и что делаю.

— О-о-о! — Семен уважительно вытянул лицо. — Любит, видать! Ведь гром-баба, хоть на медведя с рогатой! Ну, тогда, Пашка, за любовь!

Графинчик опять зазвенел по стаканам. Вторая пошла уже легче.

Через час друзья громко балагурили, не слыша друг друга. Паша объяснял, как работает телефон, а Семен

рассказывал, какая у него умная корова Машка и как он любит ее. И, бывало, пьяного тянет его к ней пуще, чем к жене. На что Нинок, как он ее называл, сказала однажды: «Ты со своего кедрача быком никогда не станешь, а на скотину уже походишь!». Нинок была в отъезде, и ничто не мешало друзьям вкушать из графинчика без всякого контроля со стороны.

— Машку ж доить и поить надо, — хлопнул Семен себя по лбу. — Пашка, не спи! Скоро Люська позвонит. Паша глупо улыбался и кивал в ответ.

— Я с тобой, Сема, — сказал он. Встал, покачиваясь и тряся головой. — Я помогу тебе.

Друзья, шатаясь, вышли в сени.

— Паша, ты посиди на воздухе, а я скоро. Отдую милую, а ты потом ведерочко ей с помоями снеси, ладно? А я молоко соседке отнесу. Нинки ведь нет — скиснет.

Паша кивнул, сделав серьезное лицо.

— Будет исполнено, — и присел на лавку. В правой руке он крепко держал телефон. Через полчаса Семен крикнул со двора: «Пашка, я скоро. Ты снеси Машке ведро, да оденься в грязное. Там фуфайка и сапоги.

Павлик встал, глубоко вздохнул. Голова, вроде, просветлела. «Больше не буду! Люська позвонит, а я как свинья. Нет, не буду». Вступил в огромные сапоги, левой рукой снял со стены фуфайку и с трудом влез в нее. «Телефон! — подумал он, — и засунул его в карман. — Услышу, хоть как услышу!».

Машка стояла в углу и спокойно жевалась. Паша переступил порог, больно стукнулся об косяк и, шатаясь, подошел к корове: «Т-ш-ш! Не бойся! Это я!». И поставил ведро перед мордой. «Пей, Машуня!» и потрепал корову за ухо.

— М-м-м-м! — корове хотелось что-то промычать в ответ, но Машке не нравился чужой человек, и она замотала головой.

— Ну, ладно, ладно, я уйду, — пробубнил Паша и вышел во двор.

Скоро вернулся Семен, довольный, хмельной. Он хлопнул Пашку по плечу: «Ну что, звонила Люська?». Павлик стоял у стены конюшни и шарил по карманам.

— Сема! Я телефон куда-то дел. Может, в сенях или у Машки. Вишь, во! — и он, просунув три пальца через дырку в правом кармане фуфайки, сделал фигу. — Давай, Сема, искать, а то она из меня Дездемону сделает!

Обшарили все: сени, галоши в сенях, двор.

— Съела, Сема, она его съела!

— Да ну, ты че, Павлик, как она его съест, — Семен быстро сбегал в дом и вынес графинчик. — Давай, Паша, по маленькой, и будем мыслить. Ты че, ей звонить давал?

Паша наморщил лоб, почесал ухо: «В ведро он выпал у меня, точно, в ведро! А она его вместо картошки сглотнула. Пойдем, глянем, Сема!».

Друзья зашли в конюшню. Машка узнала хозяина, подошла и ткнула носом в руку.

— Маша, Маша, ну что ты, как? — Семен обошел кругом, попинал навоз. Ничего, похожего на телефон, видно не было. Ведро стояло пустое и чистое.

— Что же делать, Сема? А вдруг она уже звонит? — заволновался Павлик, пытаясь правой рукой изобразить звонившую ему жену (или душившую его, понять было трудно).

Семена озарило.

— Погодь, надо Машку успокоить. Если Люська будет звонить, ты ей крикнешь туда, ну, что, мол, все в порядке, мы на месте. Должна услышать. Тут тихо, в конюшенке-то!

Семен вышел во двор и скоро вернулся с кусками хлеба, полным графинчиком, стаканами и скомандовал: «Будем ждать!». Сунул Машке краюху, себе налил на два пальца, и друзья уселись в углу на кучу соломы. Машка молча жевала хлеб, пускала на пол длинную нитку слюны и косила на друзей сиреневый глаз.

— Тихо! — Пашка вздрогнул и напрягся, — Т-ш-ш!

Где-то далеко пищал, чирикал и звонил, еле слышно, телефон. Казалось, будто из-под земли или из-за стены.

Семен встал, подошел к Машке, обнял ее за шею и припал ухом к теплomu, надутomu, как барабан, брюху.

— Пашка, точно, телефон звонит! Гей сюды! — Он развернул упирающуюся корову задом к Пашке, — Звонит, звонит! Кричи, дурень, должна услышать.

Павлик прислушался. Точно! Пищало где-то рядом. Явно, у Машки в животе.

— Черт! Должна услышать!

И Павлик, опершись об острые кости Машкиного зада, нагнулся ближе и заорал в основание хвоста: «Люся, Люся, это я, Паша. Я тебя слышу. Как твои дела? Тебя не слышно, Люся. Прием!»

Семен держал упирающуюся Машку и командовал: «Давай еще, чтоб наверняка!». Внутри коровы раздавалось урчание и гулкие раскаты, отдаленно напоминающие извержение вулкана.

— Точно, она когда злится, точно так же рычит! — и Пашка заорал еще громче.

Корова Машка многое терпела от своего хозяина, но чтобы такое... Даже скотине стало стыдно, и она лягнула Павлика в пах навозным копытом. Пашка отлетел в угол на солому и заскулил, как щенок.

— Терпи, брат, она со мной не такое выделявала.

Семен отпустил Машку, отошел и уселся рядом с дургом. Корова, очумев, отскочила в угол, прижалась хвостом к стене, наклонила голову и заводила рогами.

— Довели скотину, бодаться хочет! — пробубнил Семен.

Просидев еще часик в надежде на сигнал, друзья выпили весь графинчик и, обнявшись, затихли, как котята, на куче соломы.

3.

Рано утром во двор к Семену, вопреки всем законам небесной механики, залетела комета. Она хлопнула воротами, с треском и шумом вошла в дом. Это была Люся. В норковой шубе с засученными по локоть рукавами она походила на эсэсовца.

— Нажрались, скоты! — Люся изучала обстановку: стол был накрыт, груздочки спрятались под луком, пельмени подсохли и слиплись, сальцо, розовое, прошитое мясными прожилками, подвялилось и заблестело.

Люся подошла ближе, внимательно осмотрелась. Рюмок и окурков с помадой не было. Не было и стаканов с графином.

— В бегах, скоты! — в сердцах буркнула она и вышла во двор.

Тишина стояла райская. Лишь где-то вддали, на краю деревни, кукарекнул молоденький петушок, надрывно так, сипло, и стих.

— Семе-е-е-е-н!!!

— Он, Он! — эхом отдалось по всей округе. Тонко завыла собака на соседней улице.

— Семе-е-е-е-н!!!

Стая ворон, проснувшись, сорвалась с тополя где-то на окраине и, дико каркая и картавя что-то по-своему, быстро набирая высоту, ушла в сторону юга.

— Люся, Люся! Я здесь! — послышалось со стороны конюшни.

Люся подошла и решительно распахнула дверь. Семен крепко спал. Паша сидел на соломе и тер виски.

— Голова болит, Люсь. Я тебе всю ночь кричал. Ты не слышала, что ли?

Люся, ничего не понимая, смотрела на мужа.

— Люсь, понимаешь, Машка телефон проглотила. А когда ты звонила вчера, то я тебе туда кричал, Люсь. Ты должна была слышать, Люсь. Ты че, пьяная была?

У Люси заходили желваки на скулах. Глазами она стала искать что-нибудь потяжелее.

— А ну, расскажи-ка мне все сначала, Пашечка.

Тут проснулся Семен: «Люсек, да ты не сердчай. Что-бы мы в конюшне спали — мы же не скоты. Мы здесь по делу, мы на связи были, Люся!».

История была снова рассказана во всех подробностях и даже, как Паша от Машки чуть не стал калекой.

Люся подумала с минутку: «Я все поняла, идиоты! Придумать вы такое не смогли бы никогда, значит, это все правда».

Она вынула из кармана шубы такую же серебристую коробочку и нажала что-то на ней. Запищало и зачирикало совсем рядом, где-то у Пашки между ног.

— А ну,ними сапог, — гаркнула Люся.

Павлик разулся и, о, чудо! Из правого кирзача выпал звонивший маленький серебристый телефончик. Пашка быстро схватил его и приложил к уху: «Люся, Люся, я здесь. Ты меня слышишь?»

— Идиот! — Люся развела руками. — Сейчас-то что орешь, я же здесь.

Паша глупо заулыбался: «Это я так, Люся, по инерции».

— Собирайся домой! — скомандовала жена, — я работу бросила из-за тебя. Будешь виноватым неделю.

Паша, довольный и счастливый, босиком вышел во двор.

— Да, слышь, Семен! — обернулась она к Семену.

— Че, Люсек? — Семен все еще сидел на соломе и тупо улыбался.

— Ты мне налеп баночку своего кедрача. Я никак не пойму: вас вот с него все на коров тянет. Может, меня на быка поведет? А, Пашка? — и шутивно шлепнула мужа по затылку.

— Поехали домой, лобзик, да телефон не забудь, акушер коровий!!!

* * *

Струна с рукой рождает звук
И вдохновенье.
Ночь с темнотою — лунный круг
И озаренье.

Сентябрь рождает листопад,
Потом и зимы.
А женщина рождает взгляд
Неотразимый.

Полдневный зной рождает вихрь,
За ним ненастье...
А вместе все рождают стих,
И в этом счастье.

Воробей

О чем щебечешь, воробей?
Скажи на милость...
Понятней душу мне излей,
Что приключилось?

И радости своей тепло
Мне дай немножко.
Ты солнцу рад, что припекло,
Иль хлебной крошке?

Ты объясни свой певчий строй,
Свои куплеты.
Как хочется мне спеть с тобой
Вдвоем, дуэтом.

Мне надоела болтовня,
Людские речи.
Ты объясни мне, не тая,
О чем щебечешь?

* * *

Как в неземную трепетность костра,
В года, ушедшие, я вглядываюсь чаще.
Наверно, просто подошла пора,
Пора переосмыслить день вчерашний.

Его не изменить, сомнений нет,
Не оценить его мне односложно.
Но в нем порой я нахожу ответ,
Который здесь найти мне невозможно.

Юрий Владимирович Дружинин в 1968 году закончил медицинский институт. Служил в армии, работал детским хирургом. Сейчас работает врачом-эндоскопистом ОДКБ. Стихи пишет последние 14 лет Автор 4 персональных и 4 коллективных сборников. Более 60 раз печатался в периодической печати.

Воспоминаний медленный полет
Меня уносит, никуда не деться.
Смотрю назад, чтоб посмотреть вперед,
И день грядущий вижу через детство.

А я иду по грани острия.
Как бабочка, припилен дней теченьем...
Все ближе, ближе осень бытия.
Все дальше, дальше бытия цветенье.

* * *

Все приходит с опозданием —
Поражения и цели
И, конечно, осознание,
Что куда-то не успели.

Студит суета, как вьюга,
Все куда-то убегаем.
И опять в глаза друг другу
Поглядеть не успеваем.

Как огни над полустанком,
Уплывают годы, лица,
В той погоне нам, подранкам,
Не взлететь уже, не скрыться.

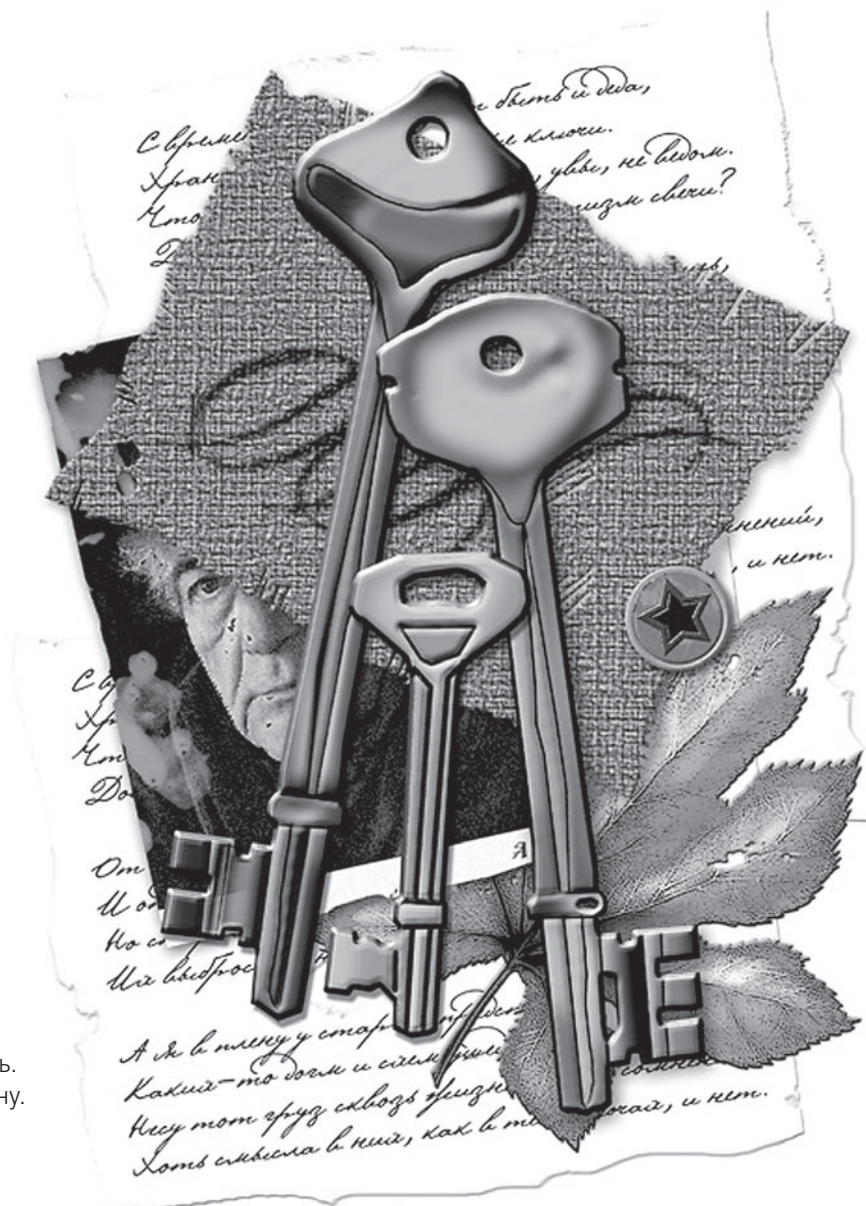
Торопливо зори тают,
В небе звезды утонули.
И секунды улетают
Слишком быстро, словно пули.

Мысли опозданием гложет.
За окошком тьмы круженье...
Лишь одно успел, похоже,
Дописать стихотворенье.

* * *

До сих пор вспоминает мама
Стылый ужас военных лет —
Как двухлетний сынок упрямо
Со слезами выпрашивал хлеб,

Как она объясняла сыну,
 Что ей хлеба-то негде взять.
 — Ну хоть корочки половину.
 — И её, Витя, нет... Опять...

Старые Ключи

С времен отца, а может быть и деда,
 Хранятся в доме старые ключи.
 Что скрыто в них? Ответ, увы, не ведом.
 Достаток? Тайна? Романтизм свечи?

От них замки давным-давно сломались,
 И от дверей уж сыплется труха.
 Но старые ключи не потерялись —
 Их выбросить не поднялась рука...

А я в плену у старых представлений,
 Каких-то догм и схем ушедших лет.
 Несу тот груз сквозь жизнь и пыль сомнений,
 Хоть смысла в них, как в тех ключах, и нет.

Как хочется, пока иду по тверди,
 Пока моя тропа зовет, кружа,
 Себя преодолев, устав до смерти,
 Но все-таки дойти до рубежа.

И там наметить новые маршруты,
 Невидимые полностью другим.
 Как хочется, чтоб не мешались пути,
 Не застилал обзор тревоги дым.

Как хочется тяжелым грузом злости
 Не потопить души своей ладью.
 Как хочется хотя бы шаткий мостик
 Согласия иметь в судьбу твою.

И если вдруг моей судьбы секира,
 Как древо наискось сразит меня,
 Хочу, чтоб в миг погасли краски мира,
 Чтобы других не маять и себя.

Ну, а пока, плывя в реке мечтаний,
 Спешу куда-то, может быть и зря,
 Надеюсь, хоть и знаю — мед желаний
 Всегда испортит горечь бытия.

Сказы кусинской Магнитки

Немного истории

В 1754 году у горы Моховой братья Мосоловы приобрели у башкир за 50 рублей «Кусинское место», богатое рудами. После подавления Пугачёвского бунта сюда переселили из Златоуста 50 крепостных крестьян. Новый владелец московский купец И. Лугинин основал здесь Кусинский завод. Его первая продукция – железные скобы, гвозди, топоры... Только спустя 8 лет началась выплавка чугуна из местных руд и выпуск чугунных отливок.

В «Горном журнале» за 1877 год названа деревня Александровка. Несколько изб здесь было построено еще в середине XVIII века. На верхнем бревне сруба одного из домов выдолблена надпись «1775». Первые жители села – ссыльные из центра России. Они строили Кусинский завод, рубили лес, жгли уголь, копали руду. И сейчас можно найти в тех местах старые, заросшие лесом, горные разработки.

В 1827 году Василий Турукин открыл Ахтенское месторождение бурых железняков. Так как руда залежала близко от поверхности, добычу ее вели с помощью кирки и лопаты, без применения взрывчатки, глубина карьера доходила лишь до уровня грунтовых вод. Руда шла на Кусинский завод. Рудник работал с перерывами, рудокопы терпели большую нужду.

А в 90-е годы XIX века начался промышленный подъем. Металлургические заводы работали на древесном угле. Для него требовалось большое количество дров. Лесорубы Златоуста шли по

восточному склону Таганайских гор, кусинские – по западному. Встречались на горе Юрма, где и работали печи, снабжающие углем Златоустовский и Кусинский заводы.

На горе Юрма берет свое начало река Куся. Справа впадают в нее притоки Изранда, Юважелга, Навыш. На берегу Изранды и находится деревня Александровка. А слева впадают в нее еще три притока: Первая Шумга, Вторая Шумга, Третья Шумга. Здесь и обосновались лесорубы. Строили печи на хуторе Ковалёва. Древесина доставлялась от Юрмы сплавом по реке Куся, а уголь везли на лошадях через Назменскую гору в Златоуст.

В годы Советской власти уголь заменил привозной кузнецкий кокс. Затем печи постепенно закрылись.

В 1928 году в дебрях Южно-Урала возник рудник Магнитка – в связи с началом разработки магнитного месторождения титано-магнетита. Сплавы с титаном применялись для изготовления деталей реактивных двигателей скоростных самолетов, подводных лодок. Титан нашел применение в производстве красок и титановых белил. Начиная с 1930 года, на Магнитке велась добыча руды. Вначале открытым способом, а затем подземным. Бесконечные обозы зимой и летом везли руду с Магнитки. Затем построили железную дорогу Титан-Ай, шоссейную – Магнитка – Куся. Начали проходку штолен. Рабочих не хватало. В 1933 году вместо требуемых 850 человек рудоуправление

имело 383. Во многие области страны послали вербовщиков. Привлекались к работе и заключенные из трудколони, которые жили в лагере.

Строилось жилье, клуб, школа, больница. Поселок рос.

После войны рудник удостоился награды – «Лучший рудник СССР».

Сегодня он не существует. Запасы руд закончились. Фабрики работают на привозном сырье. В прошлом его славная история. Так же, как и история Кусинского завода. А Александровка – и вовсе забытая богом деревня, в которой доживают свой век старики.

История этого края, уходящая в глубину веков, обросла леген-

Любовь Васильевна Алямкина — учитель русского языка и литературы Магнитской основной общеобразовательной школы. Занимается историей поселка Магнитка. Ее очерки печатались в газетах и журналах Москвы, Челябинска, Берлина. В «Уральском следопыте» был напечатан очерк «Неслышное эхо войны» (2007, №6).

дами и былями. Иногда трудно отличить правду от вымысла. Но дошедшие до нас сказания (их хранит-бережет краеведческий музей Магнитки) — живая картина. Она рисует нам образ уральского народа — сильного и мужественного, талантливое и терпеливого, умного и доброго, словом, достойного лучшей жизни, чем та, которая выпала на его долю.

Впрочем, все еще у него впереди. Хочется в это верить.

Меркульевна

Соловьеву Пелагею, что жила в деревне Аршинка, односельчане называли не иначе как Меркульевна. Слава о ней разнеслась далеко по округе. Меркульевна бойкой баба слыла, а вот муж ей тихий достался, все лапти плел.

В семье у них семеро детей было и все девочки. Мужики по этому поводу подсмеивались над Игнатом. Игнат безобидный, втянет голову в плечи, улыбнется виновато и мимо пройдет. А вот Меркульевна слово лишнее сказать боялись, предпочитая ее стороной обойти, потому как слыла она колдуньей, с нечистой силой зналась.

Дом у них на отшибе деревни стоял. Маленький, неказистый, на один бок покосился. Хозяин никудышный, да и жили бедно. Держали одну коровенку и коня, которого Воронком прозвали за его черную масть. Любила своего коня Меркульевна, и он ей тем же платил: только увидит хозяйку, голову поднимет и ржать начнет, будто разговаривает с ней на своем языке. Она подойдет, потреплет его за гриву и тоже разговаривает с ним словно с человеком. С людьми же нелюдимкой слыла. Бывало, идет в черном платке по селу, сверкнет глазами на встречного, тот не знает, куда и деться, шаг ускорит, лишь бы не видеть проклятую бабу — того и гляди порчу наведет.

Дело это еще до революции было. Однажды за околицей встретил ее старец. Остановилась она, поклон ему отдала. Он ей и говорит:

— Знаю, Меркульевна, про твою сиротскую жизнь. Жалко мне тебя. С малолетства нищенствовала, подаяния собирала, с семи лет нянькой по чужим людям, обиды терпела, всегда в тяжелой работе. Замужество не-

удачное твое, муж, как на грех, нерадивый попал, чертомелить опять же одной надо, детей куча. Укажу я тебе золотую жилу. Будешь золото брать, сколько хочешь, но только до тех пор, пока тебя не увидят. Увидят если — пропадет золотая жила.

Сказал так, пошел вперед, а она следом. Показал место и исчез, словно и не бывало его.

Только с тех пор богато они зажили. А людям любопытно — от куда у них деньги водиться стали. Конечно, следить стали. Заметили, что рано утром с первой зорькой на небе запряжет Меркульевна своего Воронка и в лес едет. Куда, зачем, никто не знает. А возвращается уже затемно, почти ночь на дворе. Дом новый построили в том же месте, опять же скотины теперь полный двор. Живут сами по себе. И с детьми ихними деревенские дети не водились, но и обижать их боялись.

Вскоре революция, война Гражданская началась. В Аршинку колчаковцы пришли. Кто-то им и поведал о той семье. Приехали к ним два рослых колчаковца, забрали с собой Меркульевну и привезли в избу, где штаб у них

находился. К лавке привязали, спрашивают:

— Где золото моешь, на каком ключе?

— Не знаю, — отвечает, — о чем речь.

Бить начали. Крепко избили. Вышла вся в крови, одежда изорвана, еле ноги передвигает. Но тайну не выдала. Как ушли колчаковцы, снова в лесу пропадать стала.

Тут одна любопытная бабенка Устинья с мужем по ягоды пошла. В то лето голубики много народилось. Надо было за ней далеко на болото идти. Притаились черные ягодки, подернутые сизоватым налетом, под дурманящими белыми цветами багульника. Ведра наполнили, домой идут. Мимо Чёрного ключа пошли, а там заметили спрятанные лопату, желоб, ковш и сетку. Так и раскрыли тайну. Но только радость короткой была: сколько не рыли то место, ничего не нашли. И геологи сюда приходили — исчезла золотая жила, словно и в помине ее не было.

А Меркульевне и нажитого хватило — всю оставшуюся жизнь в достатке прожила. Девки-то в мать пошли, работающие выросли, да и мужьями их бог не обидел — непьющие попали. Вот так-то в жизни бывает.

Воды с тех пор много утекло, давно на белом свете Меркульевны нет, и дети ее поумирали, и внуки. А вот легенда о ней осталась в памяти, тревожа иногда чьи-то души мечтой о легком богатстве.

«Ахти! Ахти!»

В архивах рудника можно найти упоминание, что Ахтенское месторождение бурых железняков открыл мастер Василий Турукин в 1827 году. Сохранилась об этом событии и легенда.

Василий-то мужик умный был, все мечтал рудное место найти. По лесам ходил, по горам лазил. Однажды много исходил, устал, сел отдохнуть на камень. Машинально содрал с камня мох. Смотрит — руда, да такая хорошая! На мес-

торождение бурых железняков вышел. Чтобы не потерять место, бут руды положил.

В тот же день привел начальство, три человека с ним собрались. Еще бы — дело серьезное. Только от волнения не смог он сразу показать место. Люди ждут, а он мечется, найти не может, сам не свой. Сокрушается, что промах вышел, то с правой стороны леса, то с левой его крик слышится: «Ахти! Ахти!» Нашел все-таки. Руками машет, зовет к себе. Подвел к помеченному месту, начал сдирать мох все шире и шире. Другие помогать стали. Да, действительно, руда. Десятник смеется, подтрунивает: «Ну и Василий, учудил!»

Долго потом над ним подшучивали. И месторождение Ахтенским назвали. А потом и сам поселок так окрестили.

Руду добывали открытым способом и на лошадях тут же везли для обжига. Для этой цели выкладывались дрова, лошади по трапу с колымагой заезжали на ряж из дров с метр высотой, руду ровным слоем засыпали, а потом поджигали дрова. Затем с Ахты обожженную руду везли в Кусу. Бесконечные обозы тянулись. На дорогах в сырых местах летом елань настилали, зимой снег утаптывали. Руда в коробах находилась, если мороз сильный, в коробе костер разводили, грелись. Поздней осенью обожженную руду горячей грузили, едут мужики на возу — тепло, как возле печки, до самого завода.

Светящиеся бараки

В нескольких километрах от Александровки когда-то были печи. А где уголь жгли, там обязательно лесной поселок возникал с бараками. Бараки появлялись и исчезали в лесах повсюду, их строили не только для углежогов, но и лесорубов, сплавщиков леса, серокопов. В низком деревянном здании метров 25 длиной посередине — узкий коридор вдоль всего помещения, по обеим сторонам — комнаты с нарами иногда в два яруса. Исчезали печи, уходили на

другое место люди, а бараки оставались в лесной глухомани.

Про два барака возле Александровки вскоре забыли, пока не почувствовали те, кто близко от них проезжал, трупный запах. А ночью словно светились они в темноте. Решили посмотреть, что там такое необычное. Только увидели, что самих бараков уже нет, от них пепелище осталось. Ближе подходить не стали, жутко показалось. Обходили это место стороной.

Старожил Александровки Иван Шляпников многое помнит. Статья в районной газете так описывала арест священника из Свердловска: «...Порошина прислали к нам из Свердловска. Когда его приехали забирать, он, якобы, сказал: «Я ждал этого. Я готов на эту кару».

Шляпников жил тогда с отцом на одном из хуторов, куда их выселили вместе с еще шестью семьями за то, что они отказались вступать в колхоз. Хутор несколько дворов насчитывал. Кругом глухомань. Однажды ночью к ним приехали с обыском. Запомнил Иван, что люди в военной форме искали что-то в подвале их дома. Запомнил милиционера с пистолетом в руке. Хуторяне утверждали, что в ту страшную ночь команда поехала к баракам... Той же весной от бараков и пошел запах... Сколько было этих людей, откуда их привезли — неизвестно. Но, считают старожилы, что привезли их осенью, а расстреляли с наступлением зимы, прямо на месте поселения. Там, на берегу Сухой речки, где стояли пустовавшие ранее бараки, и провели свои последние дни эти люди.

Лесообъездчик А.Печёрский однажды проезжал рядом с теми местами. Уже в сумерках возвращался верхом на лошади домой. И неожиданно в лесной тиши церковное пение услышал. Ясно и отчетливо голоса доносились. Словно в храме служба шла. У Андрея от страха волосы на голове дыбом встали. Рванул на лошади домой побыстрее, сам не свой приехал. Долго успокоиться не мог.

Поповские бараки, о которых идет речь, от Александровки в 23 километрах. Еще в советское время в десяти метрах от них прокладывали лесовозную дорогу. Она должна была пройти в верховьях реки Мысаелги, или иначе Сухой речки. Иван Шляпников работал тогда техническим руководителем в леспромхозе. Не удержался он, подошел к тому месту. Вот как сам об этом рассказывает:

— Необычное волнение вдруг объяло мою душу, подобное тому, какое испытываю каждый раз, когда навещаю родные могилы на сельском погосте.

Места дикие. Мрачно-зеленые сосны и ели, бурелом, крупные розовые цветы Иван-чая ростом с человека, на берегу журчащей речки кусты волчьего лыка, иглистого шиповника, серой ольхи, черемухи. Шумит птичья молодежь, скрипнет сосна, ветер прошумит. А то сухой стук слышен, который сосны издают, ударяясь под порыва-

Легенды и были

РЕКА ВРЕМЕНИ

ми ветра друг о друга. В росистой траве горят красные ягодки земляники. Наклонился Иван, взял не утерпел одну еще с одного только бока опаленную ягоку — руки лесом и травой запахли. Постоял, огляделся кругом. Недалеко слов-

но бы увидел четкие очертания барачков. На месте одного из них оказалась лишь яма, на месте другого начали деревья расти. Хиленькие всходы елочек с колючей хвоей. Елочки росли из оставшихся гнилых полуистлевших от времени деревяшек. Слово выкармливали они свое дитя, рожденное из праха.

И стоят эти елочки как символ новой жизни взамен погубленных. Как память о тех, кто провел здесь последние свои дни.

История на этом не закончилась. Велико было желание Ивана установить на этом месте крест или часовенку построить. И лишь летом 2006 года к барачкам отправилась экспедиция. Среди ее

участников, кроме самого Ивана, находился и священник Свято-Казанского храма Кусы отец Леонид. С трудом достигла цели экспедиция. Нашла ориентир — группу елей. При раскопке наткнулись на уголь, нашли замшелую доску... На этом месте и установили Поклонный крест высотой в два с половиной метра. Отец Леонид отслужил заупокойную литию — малую панихиду. Возложили рядом с крестом полевые цветы.

Иван выполнил свой человеческий долг и был счастлив.

«Щё пощём?»

Весной, в конце апреля, кусинцы участвовали и в сплаве леса по рекам. Сплав древесины начинался от Юрмы, с верховья реки Кусы. Вначале сбрасывали в воду бревна, дрова. Перед сплавом не забывали лед прогнать. По обоим берегам шли две бригады сплавщиков с баграми. Бревна плыли заранее ошкуренные, дрова толстые, наколотые с помощью клиньев и балды. Лес был тогда очень крупный, его еще никогда не рубили, в основном сосняк и лиственница. Четырехгранный брус из лиственницы достигал иногда длины 12 метров.

На берегу ставили палатки для ночлега. В них настилали большие кошмы, укрывались тоже кошмами. Сушились у костров. В реке случались заторы из древесины, и тогда их разбирали, работа трудная и опасная. Бывало, сплавщики в воду падали. До ковалинских печей сплавляли лес. А там уже уголь выжигали. Реки полноводные тогда были, вода бросалась на берега, затопляла кустарники. Вновь разбирали заторы с риском для жизни. Тут вода со страшным шумом иногда ломала бревна, устремляясь дальше.

Каждую осень реку чистили от коряг, выбрасывали большие камни, сглаживали кривизну русла. Река Шумга быстрая, много перекаатов, весной, взбесившись, выворачивала корни, валила деревья, накатывала камней. В осенней холодной воде у рабочих ноги сводило, пока ее чистили.

Лесорубы приходили домой в сырой одежде, в избах темно, от одежды, сушившейся в тесной избе, поднимался пар, ничего не видно.

Плюнет кусьянин на адский труд, идет другую работу искать, полегче. Вначале поинтересуется:

— Щё пощём?

Опять мало платят. Тогда с дсады скажет:

— Поеду кущёнок жечь.

Это значит, выжигать уголь кушевым способом.

Юрма

В лесных поселках слышали о кровавых расправах колчаковцев над большевиками. Новые хозяева стали старые порядки воскрешать. На лесозаготовку расценки снизились, прекратилось снабжение продуктами. Из конторы Златоуста пришло распоряжение: сплавщикам платить не 12 рублей, как платили, а всего 8. Мужики как услышали про новые расценки, сразу же работу бросили. Начальство на переговоры вызвало. Выбрали для поездки в город Мурзина. Мужик деловой, своя дегтярня у него на заимке, пасека.

На второй день приезжает на Шумгу Баранов, главный над всеми лесными работами. Ругается, уговаривает. Мужики шумят:

— Не будем работать за такую плату! Иди сам на сплав.

Принесли ему багор, онучи из мешковины сделали, лапти нашли. Кричат:

— Снимай сапоги, обувай лапти, багор бери и пошли на реку.

Лица злые у всех, кулаками машут. Баранов тогда с перепугу говорит:

— Даю полную плату, только в лапти меня не обувайте.

Поднесли ему документ для подписки. Подписал. Мужики довольные разошлись. Только после сплава Мурзина арестовали. Знакомый конвоир помог ему бежать в горы, где он скрылся временно на горе Юрме. Она уже своим названием предупреждает: не ходи! Глухие еловые и пихтовые леса темные на склонах гор, подножие заболочено. В воде что-то буль-

кает, всплескивает, возится. Серая гадюка приподнимет из травы свою голову, шипит, высовывая черный язычок. Бледные болотные цветы грусть нагонят. Таинственно. Страшно.

Недалеко находится гора Рассыпуха, на которой работали печи. Уголь с нее возили в Златоуст, Карабаш и Кусу. Здесь тоже еще был жив лесной поселок, но белые сюда прийти не рискнули, места глухие. Здесь и обосновался до прихода красных Мурзин.

Когда красные пришли, вернулся на Первую Шумгу, где его дед Гаврил дождался. Женился вскоре, дочь Рая родилась. Здоровая росла, краснощекая.

За дегтем к нему часто приезжали, хорошее это лечебное средство. Многим жизнь спасло, кто здоровье потерял на фронте и производстве: теплый дёготь ставили на ноги, натирали дёгтем спину, руки, лечили ушибы и даже больные зубы. Болезней как не бывало. И животных тоже дёгтем лечили.

Про заимку Мурзина все знали. Деготь курился день и ночь. Все дети, появившиеся позже, ему помогали. А их уже шестеро родилось. Работы на всех хватало, потому и учиться некогда: тут и хозяйство — лошадь, две коровы, овцы, пчелы. И лесной промысел доход давал.

Вспоминает Рая:

— Стоит большой чугунный котел возле леса, почти два метра высотой и диаметром, а под ним топка. Дно котла воронкой, а внизу его отверстие, от него трубка идет к деревянной колоде. На колоде — труба двухметровой высоты, верх ее заглушен. Сбоку трубы — отверстие, через него выходят пары. Загружают в котел бересту и березовую кору, закрывают плотно глухой крышкой да еще и замазывают все щели глиной. В топке жгут дрова. Береста без пламени в котле тлеет, курится, в деготь превращается. Горячий деготь по трубке поступает в колоду. Это так называемый товарный деготь. А

есть еще паровой. Его дают охлажденные пары из трубы над колодой.

Война для Мурзина закончилась. Пришли вскоре и те, кто воювал на стороне красных. И неизвестными остались судьбы отцов и братьев тех, кто принял другую сторону, поверив другой правде. Хоть и говорят, что правда одна.

Два брата его жены, Егор и Петр, разную правду выбрали. Егор, примкнувши к белым, гнал с винтовкой в руке своего младшего брата в Златоустовскую тюрьму. Пинками подгонял, когда тот идти не мог. Участвовал в зверской расправе над ним. Знала это его сестра Настасья, люди рассказали. Так она младшего брата Петра больше и не видела. Зато когда Советская власть снова победу одержала, пришлось ей однажды на собрание в Кусу с мужем поехать. Народу много собралось, на сцене — президиум больше из начальства. А среди них она знакомое лицо увидела. «Господи, да это же Егор!» — обрадовалась. Мужа в бок ткнула. Глазами встретилась с братом. Только он почему-то отвернулся от нее лицом. А когда перерыв закончился, собрание продолжалось. Но только в президиуме стало на одного человека меньше. Покачал головой муж, да и только.

Рыжко

Лошадей в старину держали иногда не по одной в хозяйстве — по три, пять голов, а то и больше. Богатые александровские мужики, которые батраков нанимали, по несколько упряжек имели для перевозки угля. Жили на печакх месяца по два. Работали артельно, потому как заносы бывали сильные на дорогах, разгрести их одному несподручно.

Груженный воз весом в тонну тащит лошадка, раздувая на морозе ноздри. Зато когда домой бежит, торопится, чем ближе деревня, и подгонять не надо. Лошадников собиралось на извоз не одна сотня. Тянется обоз длинной лентой. Лошади сытые, ухоженные. Как же иначе: свои,

родные. И по гриве их хозяин потреплет, иногда кусочком хлеба угостит. Издаст лошадка тихое ржание, словно поблагодарит за заботу. У каждой — кличка. Иногда жеребенок следом бежит, отстать боится от матери. Невдомек ему, что детство такое быстротечное, а потом вся жизнь в работе, пока не состарится. Какой только масти не увидишь в разноцветной ленте! Летом на стойбище им раздолье, травы сами в рот просятся. Недаром называли одно из стойбищ «Веселый стан». Свое у них счастье бывает, лошадиное.

Да только не у всех.

В государственной конюшне поселка — 80 голов лошадей. Рядом — кузница, где подковы и гвозди делают. Лошади эти часто ломают подковы и копыта, ушибают ноги, потому как работают в штольнях шахты — возят руду в вагонетках по рельсам к погрузочным площадкам. В артели «Таганай» есть у них и свой ветеринарный фельдшер, да проку мало — в те времена и людей-то нечем было лечить.

Лошади всю смену под землей. У многих уже слезились глаза. Свечи, карбит, а иногда полная темнота. В тревожной тишине слышится грустное ржание. Привыкли они и к рудной пыли, и к тому, что угарный газ, который скапливается в забоях, не давал дышать. Конононы сами пылью кашляли.

Идет по рельсам 2—5 вагонеток с рудой, тащит их лошадка по рельсам с трудом, а с северной стороны — значительный уклон в сторону выхода из штольни. Груженная вагонетка и прижмет лошадь. Смертью заканчивалась авария и ушибами. Вес каждой вагонетки — две тонны. Сойдет она с рельс, при помощи ваги и чурок, поставят ее на место ценой больших усилий, а лошадь уже не вернуть. В штольню же нужно было заехать 10—15 раз за смену.

Коногон Павел Самойловских на всю жизнь Рыжка запомнил. Одноглазый сноровистый Рыжко вел себя спокойно при

въезде в темноту шахты. К своей доле привык. Опустив голову, с единственным слезящимся глазом по знакомому пути таскал вагонетки с утра до позднего вечера. Своим лошадиным умом понимал, что никуда от этого не деться и с грустью смотрел на молодых необученных соседок по стойлу, упирившихся при входе в штольню.

Вскоре война началась. Призывали Павла на фронт. Первым делом пошел он с Рыжком попроситься. Лошадь, увидев его единственным глазом, издала тихое ржание. Узнала значит, обрадовалась. Угостил он ее кусочком хлеба и сахарком, в лоб, не удержался, поцеловал. Почувствовал на щеке ее шершавый язык. Вздохнул тяжело и, не оборачиваясь, вышел. Тяжело на душе стало.

После войны 27 лет отработал на электровозе — железной лошадью управлял. На коней равнодушно смотреть не мог, вспоминая Рыжко. Много тогда и лошадей воевать отправили.

Видел однажды: навстречу животным-работягам, когда их поздно вечером, голодных и тощих, с выступающими ребрами по бокам, черных от пыли, в конюшню вели, пожарные лошадки попались. Одна, ухоженная, серой масти, на рысях ручную пожарную машину везла, на облучке пожарник сидел в блестящей каске. Другая телегу с бочкой везла — тоже упитанной выглядела...

У животных, как и у людей, тоже свои судьбы.

В сказах использованы воспоминания магнитчан А.П. Шибакова и А.П. Конюхова («Меркульевна»); И.В. Никифорова и Ф.М. Седова («Ахти! Ахти!»); Н.Шляпникова («Светящиеся бабаки»); И.В. Никифорова («Щё пощём?»); А.С. Масленникова, И.В. Кузнецова, Р.А. Мурзиной («Юрма»); П.И. Самойловских, П.В. Мамаева («Рыжко»). Воспоминания собраны в рукописной книге, которая хранится в музее пос. Магнитка.

Анатолий НОВИКОВ

ПТИЦЕЛОВ

Встал я нынче рано. Вернее, совсем не ложился, потому что в очередной раз эта блажь накатила, и всю ночь писал «Историю жизни одной не очень сложной хромосомы» – литературил то есть. Повествование начиналось так: «У него, у Сергея Шатурова, было долгое детство. Такое долгое и заторможенное, что родственники и знакомые обеспокоились вдруг – а не пребудет ли он в этом невинном гражданском состоянии вечно, пока не оттопырится, как следует, молодняк...» Герою моему исполнилось почти тридцать лет, а он не знал вменяемо, что ему делать в жизни, и от той неясности мучился, шарахался и сокращался в собственном мнении, хотя, к примеру вящему, пару столетий назад, в неразвитое самодержавное время, человек таких годков уходил в отставку генералом или статским советником, а уж историю-то Отечества Шатуров должен был знать, по моему замыслу, в подробностях.

Рассказ запнулся, верно, потому, что я не находил развития вразумительного сюжета. О детстве Сергея Шатурова я мог бы, поднапрягшись, понадумав, доложить, а дальше «по бороде», как говорят в плохом народе. Ведь досконально я знал лишь себя, личное взросление и закидоны роста. Надо было либо героя сочинять набело, как сказку, либо взять себя за чуб, выволочь на очень освещенное место и кропотливо, с выдумкой, конечно, себя описывать, что, надо полагать, занятие для чтения зевотное. Такое изложение тем более представлялось скучным, что действительной жизни с ее нырками и зигзагами – своей ли, чужой ли – я дотошно не знал, не знаю и, верно, никогда не узнаю, и в этом схож со своим героем. Знал бы – в трамваях бы не катался.

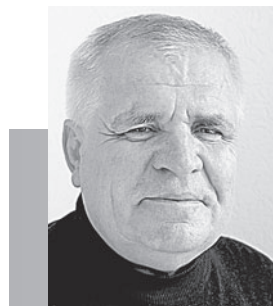
Встал ни свет ни заря от петушиного ора, бессознательно жившего во мне, в деревенском, вскочил рано, потому что сегодня на смену заступала наша команда. Лично я должен был весь день метаться по поезду маршрута 88. Маршрута любви, как говорят радисты про две восьмерки, а они-то знают спецкоды. Я должен был обилечивать народ. Мне эта приставка «о» царапает слуховую перепонку, она имеет, кто слышит, угнетательный, притеснительный срез. Давно замечено, что обозначение всякого классового надругательства над человеком,

выворачивание его, помимо желания, наизнанку в русских достойных глаголах начинается именно с нутряной – пятнадцатой по счету – буквы приставки нашего алфавита «о»: охватить (социалистическим соревнованием, например, или прививками), одернуть (если не соглашаешься, к примеру, с мнением начальника или не совсем редко отсутствуешь на службе), околпачить (одного простака или народ как единое целое, что, кажется, не труднее), обустроить (Россию, к примеру, как полигон для экономических, социальных, физиологических опытов), оболванить (ясно, что избирателей, лохорат, молодежь), ограбить (и разъяснять не надо никому ничего), ошельмовать (примеров у каждого читателя масса). А я вот обилечиваю.

По специальности я не трамвайщик, не кондуктор, а школьный учитель химии и биологии. Кондуктором же, точнее лжекондуктором, пристроился по безработице и безденежью. По склонности, по уважению к родной речи и к свежему, румяному слову, по страсти к уединению и недоумению я – литератор. Опубликованных книг не имею, но состою членом общества писателей и их критиков одной чрезвычайно автономной области потому, что давным-давно в журнале «Новый свет» главный редактор напечатал, подозреваю, что сгоряча, четыре моих рассказа и одну поэму. Вот из-за этих строк меня завлекли в элитарный цех поэтов и писателей и снабдили красной книжкой с золотым тиснением и золотой же головой т. Ленина (Ульянова) – в свое время нелегала, безработного и литератора по основной партпрофессии.

Однако мне крайне неловко на добрых людях называть себя писателем, как это делают очень и очень многие, ну, минус пара процентов из всех членов товарищества. Когда в хлорном деннике пригородного или дальнего поезда мне влюбую задают вопрос, чем занимаюсь, на что покупаю хлеб, вино, соль и другое дневное довольствие, я признаюсь, что потею слесарем третьего, положим, разряда. Если о том же пытаются в домоуправлении, в милиции, то осторожно примыкаю к цеху литераторов, – дескать, «пишущий» – это субъект, как бы замкнутый на самом процессе печатания слов, понятие более неопределенное, чем, скажем, грамотный, потому что в России грамотный – обязательно пишущий, а пишущий – не непременно образованный и грамотный, хотя зачастую не дурак.

Изъявлять себя писателем, сидя в купе поезда против агронома, станочника, кулиара или врача, По-

Анатолий Новиков родился в Норильске. В литературе основной жанр – рассказы и клейма. Издал более 10 книг сборников рассказов и очерков. Лауреат премии еженедельника «Литературная Россия» и премии по номинации «искусство» им. В. Н. Татищева и Г. В. де Геннина за сборник рассказов «Бичарня». Член Союза писателей России. Живет в г. Екатеринбурге.

моему, стыдно, неряшливо и глупо. Особенно, если вы уже разверстали пузырь на троих и содержимое его прижилось в желудке, а на сердце – снизошло.

Вообще-то, как я заметил, писатели нашего автономного клана имеют не гармонический, согласованный союз, а отдрессированные кружки по интересам, где видимые движения отражают глубинные, глубинные – подспудные, подспудные – подсознательные, пещерные с их пороками – завистью, гордыней и себязлюбием.

Есть у меня приятель – врач-невропатолог. У него подобные заморочки и неразминки от своих больных. Жалуется: дескать, живу, как в круглом дурдоме, ежедневно здороваюсь не с разными там знакомыми, а как бы с пациентами и сам дурею. На что ему отвечаю, что люблю разных людей и именно потому, что разные, неоглядные. А он мне с усмешкой: «Разные – лишь по психическим отпадам от реальности, от нормы то есть». Какая беда, спрашивает он, носок дыркой наружу или с дырой вовнутрь? Про худые носки не знаю, но лично я подвержен к людям неодинаковым, пусть даже и с известными медицине отклонениями в психике – лишь бы с топором за мной не часто гонялись.

Я выпиваю литровую кружку молока, два стакана очень крепкого чая и успеваю в трамвайный парк к пяти утра строго, как пунктуальные старушки к – утренней.

В декабре в такую рань на улицах смурным-смурно, редки освещенные окна в домах, спят брошенные псы – неуютно и зябко в пространстве города. Но в трамвайном депо жизнь раскручивается быстро, беспощадно – по графику. Мы с вагоновожатой Наташей Кисилевой выезжаем на маршрут 88, самый, пожалуй, протяженный и полнолюдный, как воскресный базар. Наташа – молодая девушка лет двадцати. Она полная русоволосая русская красавица, губ не мажет, лицо не макияжит, прокладки и стиральные порошки не рекламирует – я бы на ней женился. Но я, по ее понятиям, почти перестарок, к тому же вид у меня крайне изможденный – от долгого отчаянного служения в школах бедовому поколению и исключительно кубико-куриного и пасленового питания в пору писания рассказов.

Трамвай погромыхивает на сбитых стыках, Наташа зеваает и делится впечатлениями о канунной вечеринке. Я слушаю и читаю надписи на заиндевевших стеклах: «Сниму квартиру», «Сниму полдома». Кто-то угрюмо предупреждает: «Сниму шапку!» – и оставляет номер телефона своего врага. Каждый день, по данным милиции, в городе с заторможенных морозом прохожих сдергивают до двухсот головных уборов, в основном – норковых и песцовых. Мы – как бы очень обедневшая страна, но, кажется, ни в одной из Америк и Канад не увидишь в каждом трамвае столько норковых, пыжиковых, ондатровых и бобровых шапок, про нутриевые уж молчу. По моим осмотрам, штук по девяносто на сто пассажиро-голов.

Уже на первой заводской остановке – толпа и давка, рык и тяжелое дыхание. Лезут, пихаясь, как в далеком коммунистическом, и все же отчетливее заметна общая унылость. Ведь раньше вдавливались в вагон азартно,

остервенело, с удалью, теперь – замедленное, не очень боясь опоздать на службу, работу, если была она.

– Тропи дорогу! – понукает живоглазый мужчина в шапке из бешеного пса, подталкивая толстую женщину. – Резче тропи, герцогиня!

– Неэстетично же так обращаться с человеком! – возмущается кто-то из давки. – Это же эксплуатация живой плоти!

– Для того и держим женщин в наших комнатах! – огрызается мужик в собачьей шапке. – Они на лобные очереди натасканы!

Я обилечиваю поездной контингент, и так как не усердствую, то делать особенно нечего, и невольно сравниваю живые эти сценки и картинки. Припоминаю бывшего – и озорного, и дисциплинированного, и стеснительного – пассажира. Единила их беззаботность, уверенность в наступившем советском дне, в очередном победоносном съезде коммунистов или, положим, железнодорожников, незыблемость режима. Весело ехали, часто под вечер – с задорными куплетами. Нынче – аут. Братает теперешнее вагонное население три «у»: угрюмость, унылость и утлость. Ну, угрюмость – грех небольшой. Уныние – большой и непростительный. А утлость, или ощущение неустойчивого прозябания, – всегда заметна при катаклизмах, раздрых и революциях. Расслаблены и беспечны нынче только тихо психодиагностированные – из-за экономии казенного пайка отпущенные на волю.

Сдается, что и мне тоже в этой юдоли отведена роль негромко помешанного. Некая газетная дама, сообщая через свой орган народу о бедственном положении «инженеров человеческих душ», назвала мою фамилию и обилечивающий чин. Добро еще, что читатели не знают меня в лицо, а то хоть сквозь дно проваливайся. Хотя, с другой стороны, трамвайщик – что-то новое, оригинальное. А то все единообразное по профессии выпадало: писатель-дворник, писатель-такелажник и писатель-сторож.

В одном, кажется, нагрянувшая жизнь права: писателей в разных союзах несметно, столько же, сколько дворников, сторожей, грузчиков, кочегаров, взятых вместе. Но эта буденновщина радует: по моему мнению, поэты и писатели не самый бедовый вид человека, тем паче – разумного. Я тоже разумный, но не богатый.

Сию и слушаю народ, вспоминаю трамвайное, разъездное.

Позавчера, ближе к полуночи, ехали в парк в почти пустом вагоне. Какой-то малый зевал на весь поезд в три рта. Народная милая не хищная дама заметила игриво: «Молодой человек, так вы ненароком меня проглотите». – «Ну уж увольте, – ответил малый. – Я свинину не ем». То схамил женщине, одинокой до позднего трамвайного катания. Я было толкнулся проводить даму, да тут же остыл. Интересы бы-лого уже не ощутил, а лет пять тому назад – хоть на край беспокойного, вороватого города в ночь-заполночь. Очень сочувствовал одиноким женщинам, до судорог. И состоялось у меня достаточно подруг, и желанных – сплошь дивчины с са-

нитарными книжками напоказ: буфетчицы, официантки, продавщицы, наземные и воздушные проводницы. Была даже женщина из ЦК партии, но тоже почему-то с санитарным документом наготове. С ними любилось легко, галантно, не ополчались они на меня с экономическими, предохранительными или, скажем, литературно-музыкальными претензиями. А сейчас вокруг меня, как на костяшке домино – «пусто – пусто». Пролегла между нами невидимая, но китайская заставка: ни ко мне приблизиться, ни мне не отодвинуться. Замер по пресыщенности и перебору, типа адью девушки.

– Оголовников! Костя! Стоять! Отхиронь меня, друже, до центра! – это проявляется из народа старый писатель Иван Борисович Перри, старый бабник, старый пенсионер, старый болид советской горнозаводской ненужной литературы. – Я тут угорел от недоперепития, нет мочи, и одна надежда на вас, молодых кондукторов!

Перри мне временами люб. Он один из литераторов союза, кто ненастырно и толково печатался всю свою загубленную, как метят доброхоты, жизнь. Многие члены творческого объединения, издав когда-то одну-две книжки, нынче же лелеют про очередную, а если невпротык, то просто лелеют. Такое состояние биологическое – лелеянье. А этот старикан пописывает новые неутомимые повести да губит свою неумную жизнь – и уже догубил почти до семидесяти лет.

Дай судьба ему здоровья на столько же и разнослов с почуявшими девушками, и ведь ни морщинки на породистом рекламном лице, ни плеша, так бы, прикидываю я, доброжелателям его догубиться.

– Вникни, родной, – продолжает Иван Борисович, а глаза у него ясные, добрые, как у многих лядин и майских жаворонков, и я лезу в сумку. – Облагодетельствуй, милый, на опохмелку из ведомственных.

– Состояние брюха круче духа? – по глупой инерции совчелядина, сглатывая комок, – не мне видеть его униженного, спрашиваю я. – Чекана вполне?

– Только на первый заплыв, – уточняет Перри, а глаза чистые, правдивые, как у первоклассника, но с чутевой похмельной поволокой. – А додону, выпью то есть, на другой забег повернет, такой уж никудышный организм. А славного, вроде тебя, человека да при деньгах сегодня, верно, уже не повстречаю. Дай сразу на окаянный пузырь. Добрый человек, как ты, да при электроделе – раритет по теперешним скуд-ным набросам.

– Борисыч, езжай домой, – даю, отгораживаясь от любознательных, у которых вместо носов по такому шансу выпростались из воротников шерстные хоботы медоедов. – У тебя ж новый роман прокисает, сам говорил, и Родина тебе потери не простит.

– Да ну ее, я ей больше прощал, – отвечает этот милый человек дядя Ваня. – И она мне еще не такое списывала со счетов.

Глаза у него голубые-голубые, как две свежие зарницы, а жить ему осталось, как он выражается, неизвестно сколько мизеров и зачем. Ну, не задалось ему в этой окрестной юдоли, не перепало радостей. Да еще кашляет – он на угольной шахте прохлаждался лет с четырнадцати.

Шероховатый, замедленный в движениях, пожилой писатель. В былом же далеком – не качковый мастер спорта Союза по лыжам, есть такие собачьи бега на выживание или вымирание. И никого пальцем не тронул по жизни, ни словом окаянным. Когда уж очень зуделось, то присаживался к столу и писал об этом – о постаревших обидах, об осоюзненной насильно жизни, о смертных пролетах близких, о счастье. Мне же как-то рассказал по хмелю и строго устно и без передач (об этом у него ни строчки в книгах), – рассказал, как взяли его в действовавшее потихушке подразделение минировать пустынные алжирские сотки – он еще в отрочестве взрывному делу тайно был обучен на шахтах. После вузовских офицерских курсов и недолгой натаски на спецлекциях угодил младший лейтенант двадцати лет поближе к арабским сказкам и оазисам. Много, правда, он мне не выдал, так, пару эпизодов из суровых приказов Родины. Случилось, рассказал, такое. Скатился с песчаной горки обанного оазиса, щедрого на соцветия и плоды, да так и остался лежать на зыбкой осыпи. Пристрелянный и простреленный сбоку. Лежал, как тыква, боясь пошевелиться. Скоро губы вспухли и затвердели, точно столетняя, засиженная кошма, и воздух выходил из горла с хрипом и сукровицей – на радость мухам. А глубоко внутри уже шевелились, шелестели сухие паучки – последнюю влагу ссасывали с легких, точно младший лейтенант ихний местный оазисный суккулент, типа сочной агавы. Писатель мне признался (когда его уже пошатывало с хмеля) вот в чем. Он тогда подумал, что это... холодец пришел, в смысле – полный Аид. Умирать – вот чего не хотелось ему на той жаре в свои двадцать свитых в ольховую серьгу весен. Не хотелось и не умел. Мелкая песчаная пыль перед глазами морочила голову, застилала мир.

Кровь густела сразу – он глядел тогда на белую, подбедовую, почти саванную рубашку и видел свою кровь, густую, праздничную, точно сургуч на российских пакетах и письмах. Терпи, раз дерзнул, уговаривал он себя, иначе зачем ты здесь? Смуглые легионеры прыгнули сверху, заобнимали в четыре руки, защекотали, обыскивая. Он поначалу бессознательно и вяло отпихивался, как в незлой крещенской тотемской драке, пока не дошло до обморочного мозга: это же война, это же плен и гибель, это же давал клятву участвовать в народноосвободительной бузе в качестве вспомогателя. Обклятился зараза. И клинком златоустовским, гравированным по булату морозным голубым узором, лейтенант, собравшись с силой и духом, ткнул снизу в пах малого – тот выдохнул, верно, про маму и заскреб ногами, а другого, не медля, полоснул по шее, по яремной вене, и этот тотчас голову свесил, и завиток волос – чудных, берберских – лейтенанта коснулся и щекотнул, пацану тому, легионеру, годков, верно, и семнадцати не набежало, хотя, говорят, они по жару быстро взрослеют и зреют. И вот после всего все трое покойно и даже вальяжно откинулись на песок под зенитным солнцем, и если со стороны да сверху глянуть – пляжные ленивцы, ну как есть отдыхающие. Умирать, вспоминал писатель, ему не хотелось, а только пить

(писателем он после стал, как оклемался в жизни). Дежурный врач успокаивал, когда он очнулся в лазарете, что крови у него было много северной, стойкой, чистой, необычного полива, – это-то и спасло. Доктор, выдохнул он, не слушая про анатомию и понимая, что лежит уже в русском госпитале, доктор, попить дайте, высох я, доктор. Другой раз он воды попросил уже в глубоком тылу, в Ярославле, кажется, доктор другой спирт и воду принес, а будущий литератор вдруг заплакал, как мензурку опростал, и врач тоже сильно пригорюнился рядом. Иван Борисович в тот раз мне не по светлой голове излагал, может, я что-то не так понял или спутал. Я

и не ухватил тогда, что писатель за себя и за тех двоих берберских заплакал, а доктор, верно, по пьяни – врач ведь посуху не слезят.

Писатель вспоминал, как тот, с раной в паху, царапал смуглыми пальцами пус-тыню, окликал кого-то из родных, и у него густо вываливалось изо рта непереваренное просо, желтое, как песок оазиса, – писатель запомнил название того райского пункта, – а алжирец уже не подскажет. Писатель терял на том лежбище сознание, но крепился, как будто для наглядного пособия, для присяги, для чего-то въедливого, как клещ, а потом озарился последней мыслью: больше и

дальше он присягать не станет – ни для полей, ни для моря, ни для дюн.

Ближе к центру города старый, но еще неприлично ядреный писатель соскочил на остановке, пропал в плотном промозглом смоге, наспех прошитом снежными стежками.

К полудню народу в поезде поубавилось, я сел на законное место и отключился. Нет, не медитировал, а обдумывал давно вынашиваемое дадыбао – обращение к членам исполкома последнего по счету Интернационала, к соратникам, друзьям, к родственникам т. Троцкого Льва Давидовича, Лейбы Бронштейна тож. Накатила мысль пообщаться письменно с идейно продвинутыми, чтобы они скопом возместили мне моральный и материальный ущерб за отца – как бы троцкиста. Товарищи, господа, мысленно заплетал я кознь, тут вот такая закавыка. Родителя моего повяза-ли и сдвинули под стражу на десять лет за т. Троцкого Л.Д., пахана вашего и единокровного, хотя отец отродясь не встречал даже в бреду эту историческую личность. Сам я ничего лично против т. Троцкого Л.Д. не держу, как сдается мне, не имел и мой родитель, и думаю, что если б тот Троцкий Л.Д. занимался хлебным делом по стопам своего отца (о чем я совершенно нечаянно узнал из телепередачи «Наши славные старые кадры»), то наверняка зерновая и мучная проблемы в стране решились бы круче нынешней и более анестезирующе для крестьянина. Но т. Троцкий Л.Д. выдумал всемирное учение, которое и погубило моего отца, как, некстати, и многие десятки тысяч других невинных бедолаг. Отец не знал – это точно и документально – даже азов его теоретических изысков и закруток ни цельным, ни вразбивку. Но учение это на какое-то время в нашей охочей до теорий стране, судя по соучебникам, стало всесильным, а значит – верным. Не мне, непосвященному, быть оценщиком. Однако отец мой учение это, как и выводы и положения тт. Маркса, Ленина, Сталина, отродясь не изучал. Не до того было. Он служил рядовым фельдшером-коновалом в самом диком месте коми-пермяцкого национального клина – в сельце Семидрочье. А семидроченцам политлиб-без не доставляли – далековато от центра ютились. Но как-то в душевной беседе с семидроченскими активистами родитель мой простодушно и не без воздействия ректификакта обмолвился. Дескать, спросил, читаю в газетах, что т. Троцкий – друг враг – опять друг – снова враг т. Ленина, – был все-таки, по очень образному, как всегда, выражению основателя государства рабочих и крестьян, «политической проституткой», подчеркиваю – политической, а шьют ему статьи бандитские и разбойные. Что, дескать, за оказия? Вопрос наивный, захолустный – семидроченский, одним словом, спросил просто так, по семидроченскому недоумению. И что же? Так же просто его и захомутали на большой срок, объявив в закрытом судилище решительным и последовательным агитатором т. Троцкого Л. Д. и его бойкого, но уже ненужного учения.

– Слышь, кондуктор, занедужил, что ли? – перебивает мои сопрягаемые с прошлым мысли законопос-

лушный пассажир. – Твои друганы плату за проезд из горла с мясом рвут, а ты индифферентный какой-то. Приболел или просто суркуешь?

– Отдыхает парень, не лезь, баба его устолбила за ночь, подсказывает другой доброжелатель – чего только не примеришь на себя за смену.

Отрываю билеты и отъезжаю к тексту – возвращаюсь к четвертому Интернационалу и его хороводу. Я считаю, что следует предъявить счет наследникам Льва Давидовича, за прекраснородушное учение которого сгинул отец, ни сном ни духом о нем не ведавший. Счет по-конторски переломлю на две части. Первая: чего я лишился, оказавшись сыном «врага основной трудовой массы населения державы». Я утратил полноценную семью и заботу родителей, лишился имущества, нужного мне, и выборочного образования, короче – счастливого детства и отрочества. Взамен же получил постоянный голод и холод, презрение окружавших нас фанатов режима, приобрел целый букет болезней и увечий, нехилую душевную травму на всю оставшуюся жизнь. Понимаю, что без страданий человек недостаточен, без них его мир пуст и плосок, как ночное небо без луны и звезд, и если бы, по первоначальному замыслу Творца, на свете существовало одно счастье и ничего, кроме него, – Земля бы опрокинулась, она и опрокинулась первородным грехом. Полагаю, что мир создан просто и складно и отпущено ему помногу счастья и бед. Но есть же мера, товарищи из 4-го Интернационала! В силу вышеизложенного мечты и чаяния мои не претворились сполна, как ни напрягал я судьбу, как ни тщился и не кричал. А ведь роились фантазии в растущей голове! Одно время возжелал стать красным командиром – не взяли даже в рядовые СА по причине упитанности ниже критической. Хотел поводить в ЦК партии – не произвели даже в пионеры, хотя ко дню вступления нашего третьего класса в эту славную организацию мать сшила мне самую белую рубашку, самый алый галстук и самые сатиновые, до колен, трусы. Возлеялся научиться музыке, но в семье не было денег даже на игрушечную дудку, а из всех музыкальных инструментов в том ареале, где нам определили прожить самые плодотворные и восприимчивые лета, в ходу было лишь по одной домбре на несколько юрт.

Если вы теперь спросите, товарищи и господа из последнего Интернационала, чего мне надо, отвечу чистосердечно. Пришлите полное собрание сочинений т. Троцкого Л.Д. на русском языке, чтобы наконец узнать, что это за чертова система взоров, из-за которой полегло и пострадало так много народа. А за материальный и оральный остракизм прошу всего ничего – три миллиона, разумеется, долларов. Сумма не аховая, но вхожу в ваше стеснительное по нынешним консервативным временам положение. Скиньтесь на «общак» с наследниками т. Троцкого Л.Д., будет полегче. С не революционным, не дружеским приветом. Оголовников К. П.

Конечно, такое письмо я pošлю не скоро и, сдается, не получу и ответа, это я так, для разогрева воображения. Нехай жируют на наших бывших слезах и сегодняшних бедах.

– Сто лет тому назад ты так же сладко спал в любую непогоду, – ласково пробуждает меня к реалиям нашего тошнотворного озяба простуженный женский басок. – Никак в салоне самообслуживание? Ну-ну, Константин, напрягись, потужься, как уговаривают нас в роддоме, и вспомни.

Вглядываюсь в крупное оплывшее лицо в норковой завитухе, в маленькие, жесткие, как панцирь листоеда-чекиниоли, глазки, в сугубый от бичевой долгой жизни рот, в котором недостает двух передних зубов. Во что бы еще впериться? Но мешает шуба из шкуры первого одомашненного животного, которая, как и положено при первом знакомстве, стоит на даме дыбом. Никого из прежних знакомых не напоминает женщина (вам – такую?), хотя чувствую – своя до боли, до общей беды.

– Неуж так пристарилась! – невесело шутит женщина и встряхивает головой, точно стреноженная лошадь. – А когда вместе летали, то западал на меня и лепетал, что ввек не забудешь, или, признайся, Оголовников, обманывал девушку?

С трудом, но воссоздаю в девяностокилограммовой тетке стройную бортпроводницу Соню, самую изящную и элегантную, самую желанную – век воли не видать! – в летно-подъемном отряде, где подрабатывал три летних сезона бортпроводником на пассажирских и грузовых рейсах.

– Соня, – сконфуженно говорю я, машинально отрывая билет. – Столько не виделась! Радость-то какая!

– Неземная, – напоминает давнее мое сравнение женщина в псовой шубе. – Поднебесная, как империя на Востоке.

Мой персонаж из «Истории» Сергей Шатуров тоже полетал бортпроводником над державой и прилегающими. Я-то вёл себя прилично, согласно положению и инструкциям, а такого чудилу, как Шатуров, не сыскать было, хоть все аэрофлотовские углы обвей. Сорвали его на внеочередной вылет летним вечером с волейбола, в рейс то есть. Кто-то из милых стюардесс приболел или слукавил – а он рядом с терминалом жил, попался. Накануне же он из ночного львовского рейса вернулся и, не спавший, весь день бегал по магазинам, отработывал испольщину в саду на десяти сотках, помогал чистить общественный колодец – в том же коллективе мичуринцев, писал курсовую для вуза – всего не упомнить, и как ни отнекивался – уговорили. Одно только грело под облаками: как только пересекли невидимую на облаках границу полярного пояса, так сразу в карман северный коэффициент закапал. Шатуров было расслабился в кресле, задремал, да вспомнил, что пассажира кормить надо. Так он по микрофону объявил, что, дескать, уважаемые, летим в шести километрах над планетой при температуре за бортом минус тридцать градусов, и если кто из них в состоянии кормиться в таких нечеловеческих условиях, то милости прошу в конец салона, на бортовую кухню, где вас ожидают в унынии бутерброды с сыром и сервелатом, куры-сороконожки, сок

и минеральная вода. И, дескать, приятного полета и аппетита. То есть по части общепита содеял первый в Союзе воздушный а-ля фуршет. Ну, народ – геологи, буровики, вахтовики, голь нефтегазовая перекатная – поначалу недружелюбно, но все же подтягивалась к кухне. А через некоторое время кто-то из членов экипажа заметил нелады с центровкой, борт как бы кивками шел. Выглянул он из кабины, а вокруг Сергея, в конце салона, почти весь наличный пассажир сбился: одни прямо в проходе сидят, другие на подлокотниках, а кто и стоя. И все пьют наотмашь какую-то гадость градусов, догадался секундпилот, примерно в 96, и поют с неподдельным чувством и наобум пресловутую «Из-за острова на стрежень» и ихний гимн «Крепись, геолог, держись, геолог». Так, с куплетами, и дотянули до Лабытнанга, правда, по настойчивой, с матом, просьбе второго пилота пели уже на местах согласно купленным. А Сергея после рейса я уволил из авиации.

– Трамвайную жизнь изучаешь, – интересуется Соня. – Опять писатели-демократы в народ пошли за материалом и вдохновением? Ой, гляди, один раз уже сходили, а что вышло?

– Да не в манделаду же торговую идти, не в «коммок» гнусный, – отвечаю. – Я уж тут, в тесноте, на хлеб, молоко и табак наработаю.

– Что-то подозрительное по звучанию слово, переведи про манделлу.

– Сходняк по-ненецки сбор, соборок, – распечатываю бывшей любимой.

– А далеко тебя отнесло, – смеется она. – Сидел, что ли, на Севере или блукал по привычке?

– Сама-то, Соня, как устроилась? – перевожу беседу подальше от себя, хотя по отсутствию двух парадных, гостевых, зубов вопрос мой праздный. – Пенсию аэрофлотовскую заработала?

– Как внутри устроена, ты хорошо осведомлен, – говорит. Мало что там изменилось. А с пенсией бедово. За все девичьи страхи, за риски поднебесные – только-только хватает на оплату квартиры и на минеральную воду, от которой не могу до сих пор оторваться по причине немощи печени и всего тракта. Питались-то как, помнишь? На ходу-лему, на высоте восемь километров, стоя, как лошади или американцы в их дурных фильмах, да под усиленным облучением. Вся моя пенсия, будь она неладна, уходит на лекарства и лечение. Знала бы, что такая разруха настигнет страну и организм, так самолично бы угнала самолет типа АН-24 в Израиль, Рим или к аятолле Хомейни – лишь бы подальше отсюда – от загиба и плесени.

– Я-то держал тебя за патриотку, – говорю, лишь бы что-то молвить, расстроился. – Надо вместе с державой трудности разделять. Все бы так прикидывали да действовали, кто в Аэрофлоте, так через пару недель самолетный парк страны опустел бы – кончили бы борта любители перегонов.

В моей «Истории» тоже присутствует стюардесса по имени (нет, не песенная Жанна) Паня, от полного

имени Степанида, а если уж очень точно, по греческому источнику, то Стефанида венчанная.

– Скажи свою сказку про жизнь, которая приключилась с тобой, – прошу Соню, эту чужую мне женщину, не из душевного интереса, а по въедливости бытописательства, – с тех пор, как расстались без особой с твоей стороны любви.

И нагромоздила она мне по уши вот что. Где только я не работала, когда на землю спустилась с самолетов: числилась инструктором в молодежных организациях (по наглядной и ненаглядной агитации при учебно-тренировочном центре авиаотряда, преподавала этику и эстетику на курсах бортпроводников, потрошила кур в цехе питания, была тренером девичьей футбольной команды и наконец очутилась в казино – подавальщицей. Про то не поделюсь, что там крутилось, – коммерческая скрытка, рассказывала, но двух передних зубов лишилась во время набродного шмона испугленного тюменского ОМОНа в возникшей сваре. Ты меня знаешь, рассказывала, я девушка солидная. А тут на карачках уползала от дубинок и пистольных выхлопов. Кто-то там на кого-то наехал, кто-то запридурял не в урок, кого-то подставили, и пошло – пули, белые лица кавказской национальности, кровь, матперемат, звон и грохот стекла, перевернутые столы с закусью и наливайлом, ментовские команды в рупор к нам – извне, побоище, одним словом. На меня кто-то сверху сел, рассказывала, как на буланую, я девушка солидная и смиренная, а тут не перемоглась, куснула седока за мышцу – тот меня и саданул рукоятью промеж накрашенных губ. Болтают, рассказывала, что в Штатах тысячи две ихней «гречки» – новые зубки вставить, а где мне столько отыскать? Самолетов я не угоняла, рассказывала, нужды и сноровки не было, но где только не перебивалась, чтобы сверху прокорма присыпало. После казино и утраты зубов куда дергать? Предлагали в общепит, в номенклатуру ложкамоек, а у меня, рассказывала, полтора высшего образования союзных, отказалась, так было обидно. Подалась по благу в морг – облицовывать и раскрашивать синявок, бомжей, лиц неопределенной мутации, платили сносно, но работа не совсем творческая, ведь не египетских царей и номахов наряжала, хотя никто из доставленных туда не посоветил – не так, мол, дура или душенька, макияжишь. Поначалу, рассказывала, я их пугалась, кого привозили, кого из шланга поливала, а потом, правда, попривыкла через пару дней, положила руку на сердце, с этими было мне спокойнее и проще, чем в казино, все достойно, немногословно и отрешенно.

Тут Сонечка спохватилась на половине сказа – остановка ее, идет работу искать, вычитывать объявления по найму на «стенах плача» города.

– Привет наземному транспорту от воздушного, – говорит она на прощанье, обнажая отсутствие двух парадных зубов. Теперь-то я сыщу тебя, если захочется пообщаться.

После ее речевого наворота голова у меня базарная, в висках пульсация. В теле истома. Но я думаю о

том, как безвинное время искажает человека, его начальный гармоничный и радостный облик.

Ведь молчаливая была в девицах Соня. Нежна и сокровенна, а вот как огрузнела и загрузела – в пору ей командовать губернским эротическим советом ветеранов тыла и транспорта. Бедная, бедная Соня, насколько, полагаю, сузился и обнеможил твой половой электорат. Впрочем, угасаем все вместе и заметнее: от бытия возвышенного – к жизни полуживотной, от животной – к растительному существованию, от существования – к вульгарному прокорму. И где уж тут о душе скорбеть, слагать помыслы о красивом и вечном...

– Про что не поплакал, то не твое, кондуктор, – говорит пассажир в желтом пальто верблюжьей шерсти, проталкиваясь к выходу. – Уж сигнализировал тебе глазами, позой, как среднеазиатский аспид, – никакого касательства. Тебе б только в бесплатные дни возить народ. Теперь не оплачу проезд, не судьба, значит.

Часам к одиннадцати в вагоне нехотя посветлело, посвежело, как и за окнами трамвая. Основной полезный контингент города встал к станкам и прессам, притулился у кульманов, взял в руки лопаты и ломы, задавал корма в кормушки после утренней дойки, взошел на кафедры и трибуны.

– Костя! Салам ибн-алеюкум! Ой напот! Гуд дей! – залпом выдает интернациональный привет крупный ухоженный парень, подвид уральского амбала, и протягивает десять долларов. Сдачи не прошу, все одно не разменяешь, даймов-то у тебя нема.

Новый персонаж в поезде – Арсен Гостюхин, бывший дезертир страны Советов, историк и истопник в прошлом, а нынче владелец конторы по сбыту и подлогу коровьего и нефтяных масел и чего-то еще жирного.

– Рахмат-Кесенен-Сенк ю, – отвечаю я очередью и соответственно. – Чего, Арсен, трешься среди народа обездоленного, а не в своей свиномарке типа «Мерседес» раскатываешь?

– Водитель затемпературил, – докладывает Арсен, – а сам я с жуткого перебора – остерегаюсь.

Арсен весел, упруг, понятлив и не принимает никакой власти.

Когда-то мы кочегарили в паре и вроде даже подружились, потому как он, скрытый, как чекист и внедренный, поведал мне историю почище, чем байки из тысячи и одной багдадской ночи.

– Как твоя «Хромосома» – продвигается? – спрашивает бывший беглец из советского райка и зорко глядит-оглядывает меня коми-пермяцкими глазами. – Или уже похерил произведение?

– Пишу потихоньку, – отвечаю, – да и куда оно от меня девается?

– Ой, сопреешь ты духом, Костя, работая без выходных и праздничных, – остерегает меня бывший истопник, а ныне бугор по пере-пере-перепродаже масла. – Назначь себе перерыв, поедем ко мне на дачу. Наши предки, судя по старым календарям, тоже тяжело

ломили, но праздниками не гнушались, распускались иной раз душевно на почти еженедельных застольях.

Благодарю и отказываюсь. Бывал я на его даче 20 х 20 метров, расслаблялись до отлета головы, считай, на месяц, и много чего тайного до нынешних времен поведал тогда он по дружбе и во хмелю. Один его рассказ меня просто очаровал. Вот краткое его содержание, как помню.

«Гражданскую войну с государством затеял я еще несмышленишем, а точнее сказать, – продолжил начатое родителями и дедом. Классовая тотальная бойня эта, как мы с тобой знаем из истории, идет постоянно, перманентно, извини за ватерклозетное выражение, не прекращаясь ни на миг, между каждым отдельным человеком, даже если он вовсе не жаждет ее, а, напротив, бежит, и чудным государством. Идет она, по моим прикидкам, с момента зарождения этого самого государства. Значит, необъявленная война не утихает, и проблема одна – кто кого наперед одурочит: государство, режим карательный пригнет и прогладит личность – та и пастью не посмеет пошевелить влево-вправо, человек одолел на время устои и основы – получайте революцию. А революция, Константин, – это криминальный аборт державы. Да что это я тебе, Костя, все про заварухи и аборты, точно мы гинекологи. Скажу про мой подвиг. Задумал я тогда, устав бодаться с государством, побег. В неполных двадцать лет решил рвануть в обитель дальнюю трудов и трезвых нег. В Швецию через Финляндию, как ты, наверное, догадался. Тогда у нас с этой республикой были а-ля-фуршетные отношения, наш народ уже запросто сновал туда-сюда по путевкам и приглашениям. Ну, а что я решил, то исполняю дерзко, решительно – безо всякой там славянской или чухонской оторопи.

Насушил я, брат, котомку ржаных сухарей с солью и тмином, прикупил галет и бульонных какашек, тогда еще редких в наших краях, отложил, конечно, деньги на первый случай. Приехал в много раз переименованную северную столицу, отдохнул и продвинулся к Карельскому перешейку. Там тихо осмотрелся, обнюхался. Короче, определил точку броска на запад.

Дело, как сейчас помню, решалось поздней осенью, которую, ты учил наизусть, «бранят обыкновенно», ближе к концу октября. Тогда, к счастью, зарядили бесконечные, жуткие в безысходности карелоперешейские дожди. Кто под ними промокал, долго не обсыхает. Ну, присел перед дорогой, по русскому ритуалу, на триста секунд – и рванул безоглядно и отважно в заповедное, пограничное, зонное. Ты, Костя, карельские знаменитые сосны видел? Нет? Я тоже нет, не до того было, идучи по тайге, все больше по сторонам озирался да под ноги бдил.

Как-то раз посеку проходил, не уберегся – рядом лесовоз тормознул – я уже ручки приподнял, там каждый второй водитель чекист или осведомитель – тормознул, будто его из-под среднего лесного яруса выпнули. Мне судьба первого послала, за баранкой парень молодой сидел, смекнул, верно, чего тут гамаян в снаряжении туристском околачивается, одна-

ко не выдал. И теперь понимаю: оттого не заложил, промолчал, что в те времена, еще сладкие от тюменского ойла и газа, добрая половина молодой страны помышляла блызнуть куда глазыньки глядят: так этот режим остовульвил, особенно проворным, а главное, догадывались эти молодые и проворные, – никакого тебе просвета впереди, ни нырка в сторону – катились всем обществом прямиком в развитое и слабоумное.

Так вот водитель был из тех или просто хулиган деревенский.

Он подвез меня, остановился на глухой лесной дороге с гнилыми сыроежками и бурой травой и как будто сам себе, но вслух отмерил, отсчитал: дескать, отседова до ближайшего поселка восемь километров, но нам, дескать, там делать нечего, чужая деревня, а вот если по той тропе попытаться, то к вечеру можно приблизиться к полю чудес, куда дуракам вход воспрещен, но я тебя не видел, а если случайно и заметил, то не посадил в кабину, а если посадил, то начисто забыл, заспал то есть – лишку принял на грудь. Прощай, дескать, дурень, привет и кивок свободному миру, если такой есть где-нибудь на белом свете.

Ладно. В темноте добрался до заградительных хитросплетений, за ними, чую нижним чутьем, контрольная отчужденка, вспаханная, конечно, не по щадящей системе народного академика Семена Терентьевича Мальцева – пусть земля ему будет пухом. Скушал я разом половину сухарей и галеты с кубиками сухими, посидел, переваривая. Потом разделся догола, одежду и все прочее вместе с деньгами закопал и, как по избам печи хозяйки охорашивают, обмазал себя прародительской глиной от пяток до макушки. Пока диверсантил, тыкался по местности, ясное дело, зацепил что-то сигнальное в ночи. На заставе, сам понимаешь, Костя, тревожный базар, побежали наряды с псами – рыскали всюду, нюхали, светили. А я глиняный, как Вятская свистулька или бурятский божок, только все мои дыры землей запечатаны, – я утоп в глинистой канаве со всеми своими концами. Сколько-то бегали, я временем тогда уже не заведовал, часовые Родины, сколько псы резвились и злобились – а не обнаружили меня. Да и не мудрено – я сам себя не чуял. Я чуть не задохнулся, а уж посинел, верно, как июльский василек в овсах. Что тут только не влезало в мою глиняную голову. С кем только я мысленно не простился навсегда, пережидаячи тревогу в плодородных слоях планеты. Назад, казалось, дороги не было, хотя и вперед никто из толковых и знавших жизнь людей не благословил. До рассвета я еще раз сунулся к контрольной полосе, и опять набегали погранцы, влекомые овчарками, – и в тот раз меня не выявили. Не потому, что заколдованный, а потому, что, как матрешка, был закутан в несколько слоев желто-бурой глины. Другой день пролежал недвижим и бесчувственен в хрупком убежище – пронесло и на этот раз. Кто-то добрый и невменяемый просил небо за меня. Как стемнело, опять покрался трижды пуганным зверем, преодолел ограды и надолбы нашего рая. Перед этой самой пахотой

надо было переступить какую-то белесую, бесконечную, как паутина, проволоку или нить, невысоко тянувшуюся над землей. Подошел к ней – ногу поднять не могу. Отказали конечности, точно в ступор заехал. Трудил-трудил ноги – не подчиняются приказу, ни правая, ни левая, ни обе сразу. Теперь соображаю, сто лет спустя, может, и проволоки не было никакой, воображение разыгралось, но тогда ясно различал: белая завораживающая линия над черной землей. Подожду еще день, думаю, куда спешить – и повернул назад. В ельнике успокоился, отдышался, отпотел, полости прочистил, и смертельно захотелось спать. Прикрыл голодные глаза – вдруг заиграла за занавеской шиповника знакомая с детства музыка, печальная до слез. Прислушался с усилием, потому как меня от чрезвычайных условий побега била дрожь нервная, прислушался – и на тебе: общелирическая народная песня лиц кавказской наружности «Сулико». Меня в пот опять бросило: подумал, что в беспамятстве откочевал к поселку чужому и меня тотчас зачистят как нарушителя священного рубежа развитого социализма. Нет, гляжу, проясняюсь, нет никого и ничего поблизости. Тогда откуда в кустах и без электричества льется эта самая суликомызыка? Раздвинул мокрые ветки – ни патефона, ни радиоприемника. Стало быть, сообщаяю, поблазнилось от напряжения. И только-только успокоился – из-за другого куста розоцветных грустный мужской голос интересуется: дескать, где же ты, моя Сулико? Метнулся на голос, разодрал колючие ветки – ничего, только голимая земля с опавшими листьями. А кавказский шлягер уже откуда-то сзади достает, ласковый, домашний такой. Ну, внятно отдиагностировал я себя, крыша крякнула напололам, определил, ничуть не тревожась и уже отыскивая на горизонте гибельного перешейка ближайший дурдом, но почему-то продолжал бегать зигзагами по кустам – патефон искал. Потом незамедлительно прискакали пограничники, наставили на меня стволы, потом попинали всласть голого, потом сто раз «упал – отжался». Короче, пленили меня, как глиняную русалку, но не скрутили, повели к командирам. Видок у меня, верно, был еще тот, потому что капитан приказал немедленно доставить меня в санчасть. «Так и гони дальше под нос и ором волшебную «Сулико», – неожиданно угостил меня медик-лейтенант, не знаю уж из какой корысти или без нее, когда мы остались одни в его лазарете. – Ты ведь чагу лекарственную, поди, собирал и заплутал, не так ли? В противном случае тебе, марафонец, срок вручат – мало не покажется». – «Сколько это, на глазок?» – машинально поинтересовался я. «А статья 64 УК РСФСР – измена Родине, подвид – бегство за границу – следует сразу за шпионажем. Срок – от десяти до пятнадцати, ничего, молодым еще на волю выйдешь – с конфискацией имущества и ссылкой до пяти лет, или «вышка» с конфискацией. Исчерпывающе? Ты же, юноша, одним своим скоком умышленно уцербил внешнюю безопасность всего Советского Союза». – «Вот тебе на! – прикинулся я гидрантом.

– Кто бы мог подумать!» – «Вот тебе на», – медик-офицер дал мне несколько розовых таблеток. Я выпил их и заснул на трое или четверо суток кряду.

А потом, по пробуждению, разбирательства, дознания с угрозами и без, с посулами и без, несмолкаемая мелодия «Сулико», долгая врачебная экспертиза, а потом этап в психобольницу, как в пионерлагерь, в сопровождении жирного, деликатного прапорщика-кришнаита. И доставили меня, Костя, на Агафуровские, известные тебе непонаслышке, психодачи. Правда, проболтался я там в шестой палате чуть больше года. Старался: был на подхвате у санитаров, чисто подметал дворы, читал только невменяемых – Чаадаева, Батюшкова, углубленно – Ницше, Маркса и Вернадского. Даже тебя, Константин, удосуживал в центральной и местной литературной прессе, но перед соплатниками не кичился знакомством и грамотностью, а, случалось, мчался за табаком или пузырем.

Вот такая былина, такой рассказ. И ведь сам Арсен мог бы поведать миру о своих приключениях, но не желает. Что перед его событиями и заворотами вялая жизнь моего скромного лирического героя из «Истории хромосомы»? Вот потому-то и не движется повествование. Не течет.

К вечеру я сильно устаю кататься на поезде и мне совсем не хочется садиться за машинку. Это меня огорчает. С неменьшим сожалением вспоминаю, как зло, добротное и удобно работалось в канувшие времена где-нибудь на партдачах, в закрытых домах отдыха администраций заводов-гигантов. Здоровая пища вдоволь, дневное обдумывание текста за бильярдом – и вся ночь твоя, ночь ночного стражника объекта, ночь творческая, крепкочайная, плодовая. Но я не даю себе расслабиться, посплю, размышляю часа три и опять, назло лени и времени, приступаю к сюжету о бедной хромосоме.

– Эй, птицелов, – неожиданно и нежно говорит Наташа, когда мы в ночи бредем по домам. – Я сегодня весь день секла за тобой в зеркальце.

– И чего такого интересного оно тебе наворожило?

– Ты и впрямь, как поговаривают в депо, развернутый не в ту сторону мужик, – заключает она обдуманное. – Столько человек провез задарма и еще рубли алкашам отсчитывал. А вдруг контроль бы наехал? Свои бы деньги отдал, птицелов?

– Бог миловал, – отвечаю, – он справедливость-то охраняет.

– Удрученный ты какой-то весь день, Костя, если не сказать яснее. – Наташа не слушает меня. – Знаешь что, пойдем ко мне, если, конечно, хочешь, угощу мариупольским борщом и тушеными почками с шампиньонами.

Хочу и соглашаюсь уже не так удрученно, как ей поблазнилось, и словно вдыхаю запах грибного отвара из горшочка. Хочу, но тут уже начинается совсем другая история.

Сибирская рапсодия

1. Водка

На улице было достаточно тепло — всего минус двадцать по Цельсию. В такую погоду плевки в воздухе не замерзают. Вот когда в Сибири стоит настоящий мороз, минус шестьдесят — минус семьдесят, тогда лучше не плевать. Сейчас в самом разгаре был август, и Тихон ходил в летних валенках.

Ржавый трамвай медленно ехал по серому, пустому Сибирску. Половина мужиков в вагоне были уже пьяные, некоторые достали балалайки и горлалили веселые песни невпопад.

За окном проплывали угрюмые, крытые дощатым тротуаром и запорошенные снегом улицы городка. Лишь иногда по ним проходил мужик на лыжах или медведь. Тихону было скучно, и он решил послушать, чего говорят люди в трамвае.

На сиденье сзади о чем-то рьяно спорили двое выпивших ученых из НИИ.

— ...Да ну ты брось!

— Да я тебе говорю, ..., не прав был Эйнштейн! Эксперименты Майкельсона-Морли все доказывают, твою ...! Пространство-время — это полная ...!

— Не то ты говоришь, Соломоныч, ..., не то. Эйнштейн — он, это, правильный был мужик, я его уважаю. Глупо отрицать, ..., что время является четвертым измерением. Теория относительности — это как...

— Волки на рельсах, — уныло сказал из динамика прокуренный голос водителя, и трамвай остановился. — Приготовьте ружья.

«Странно, я думал, он уже выпил, — меланхолично подумал Тихон, заряжая ружье, которое каждый настоящий сибиряк всегда носит с собой. — И что-то волки рано в город пришли, обычно не раньше сентября».

Мужики в салоне прекратили играть на балалайках и тоже потянулись к ружьям. С улицы слышалось волчье рычание, и Тихон высунулся в окно. Волки были большие и голодные, они окружили трамвай и норовили запрыгнуть в его более теп-

лое нутро. Мужики стали палить по зверью, через несколько минут трамвай качнулся и продолжил движение, переехав чей-то труп. Разговор сидящих сзади быстро наскучил, и Тихон стал вслушиваться к разговор сидящих спереди. Там притулились молодой парень с еще короткой бородой и зрелый мужик с бородой длинной и солидной. Молодой спросил:

— Кто такие женщины?

— А это, брат, такие существа в балете из телевизера, — сказал старший и погрозил пальцем для важности. — Они ходят без шуб и ружей, в Сибири они не выжили бы.

— Так вот оно что! Теперь тогда понятно. А зачем они нужны?

Старший прокашлялся.

— А вот этого-то неизвестно. Старики говорят, что сначала они были нужны людям для размножения, и потом только мужики стали сами появляться, без их помощи. Но что-то не верится в это. Взять вон медведей — они в город из леса приходят. Волки оттуда же. Циркачи и интуристы по железной дороге приезжают. Инопланетяне — те на энэло. А люди — они как в Сибири жили, так и будут жить. И никакие женщины им для того не нужны.

Тихон подумал, что знает о женщинах больше, чем эти два мужика — он ведь читал Толстого и Достоевского. Но зачем нужны женщины, он тоже никогда не мог понять. Отца-воспитателя у Тихона не было, он даже отчества не имел, и рассказать о подобных вещах ему никто не мог. О своем происхождении сибиряк знал мало, слышал только, что впервые в Сибирске его увидели на вокзале, и что тогда он даже не носил бороды. Избу, ружье и лыжи в горсовете выделили, работу нашли — так и живет.

Трамвай проехал мимо фабрики по заготовке дров и остановился у НИИ. Пьяные ученые вышли

Скоробогатов Андрей Валерьевич. Родился в Екатеринбурге (Свердловске) в 1987 г. В 2006 г. окончил Уральский политехнический колледж по специальности электронно-вычислительные машины. В настоящее время работает инженером компьютерного центра Европейско-Азиатского института управления и предпринимательства. Рассказ «Сибирская рапсодия» — первая публикация Андрея Скоробогатова в печатном издании.

на улицу и пошли по широкой синусоиде в сторону длинного деревянного здания — без лыж, по сугробам. Тихону подумалось, что все ученые не умеют пить и рано пьянеют. С другой стороны, трезвыми они бы ничего не придумали... Да ну их, ученых этих!

В трамвай вошел толстый мужик с авоськами, снял лыжи и громко заорал:

— Водка, свежая водка!

У Тихона уже было с собой две бутылки, на утро хватит. Он сидел спокойно. Многие пассажиры поднялись с сидений и принялись меняться. Продавец заломил невиданную цену — одна кунья шкурка или половина нефтяной акции за две бутылки. Люди просили сбавить цену, но дядька не соглашался. В конце концов один из мужиков не выдержал, набил торговцу морду, отобрал авоськи с водкой и стал передавать бутылки остальным. Продавца вместе с лыжами выкинули в окно.

Снова дощатые тротуары за окном, снег и ветер навстречу. На следующей станции в салон вошли двое, один из мужиков держал в руках большие тяжелые коробки, второй же был сослуживцем Тихона, Никанором Петровичем. Увидев знакомое лицо, Петрович заметно повеселел и, сняв лыжи, уселся рядом.

Мужик с коробками прокричал на весь трамвай:

— Патроны, свежие патроны!

Пассажиры, у кого патронов было мало, подошли и стали покупать.

— Ну что, Тихон, как дела твои? — спросил Петрович.

— Тоскливо что-то мне. С утра уж такой.

— Не ел что ль вчера?

Тихон покачал головой:

— Как не ел — я ж вон дня два назад в лес на медведя ходил, сейчас на неделю мяса хватит. Просто на душе тоскливо, понимаешь.

— А ты погоди, Тихон, я тебе такого расскажу — всю тоску как топором обрубит. Пришел, я, значаща, вчера домой в избу. И давай водку пить.

Петрович сделал выразительно лицо, показывая, что сейчас скажет что-то удивительное.

— Пил я ее, значит, пил, литров десять, пока противно не стало. И гляжу в окно — а тама энело большое, и светится! Вот как оно.

Тихон удивился.

— Ничего себе! Уж год их никто не видел, и опять, значит!

— Так это не все! Дальше гляжу — выходят отсюда эти зеленые, и говорят мне: неси нам, говорят, Петрович, зимние валенки Тихона — ну, я тебе их с того года не отдал еще! Так вот, эти-то и говорят: нужны они нам, ну позарез просто нужны. Ну, я, на ... с ними спорить, встал, в кладовую иду. Только руку за валенками потянул, вдруг глаза открываются: сам на полу лежу, а вокруг — ни валенок, ни иноплане-

тян! На часы посмотрел — утро. Весь дом обыскал, и нигде нету!

— Кефир, свежий кефир... — несмело сказал вошедший на следующей остановке очередной продавец. Кефир сибиряки не любили, потому мужик был немедленно вытолкан из трамвая.

— Пропил ты мои валенки просто, Петрович, — нахмурился Тихон, еще больше расстраиваясь, и отвернулся от собеседника. Потом решил, что пора выпить, достал из кармана бутылку и прочитал этикетку:

«ВОДКА ПРОСТАЯ, 40 %. ОДОБРЕНО МИНЗДРАВом СИБИРИ»

2. КГБ

Атомная электростанция, на которой работали Тихон с Петровичем, снабжала энергией две соседние сверхстратегические ракетные базы, Секретный Военный Завод и лагерь с политзаключенными.

От трамвайной остановки до АЭС можно было добраться только на лыжах. Лыжи, как и винтовку, сибиряки почти всегда носили с собой и оставляли у выхода из трамвая.

— Погоди, Тихон, не поспеваю за тобой! — пыхтел Петрович сзади. — Что ж так быстро идешь?

— Опаздываем, начальство будет ругаться.

— Смотри, медведь! — испуганно сказал Петрович, останавливаясь, и поднял ружье.

Тихон пригляделся и облегченно вздохнул: медведь был знакомый и шел он по своим делам.

— Это ж ручной, Тишка, не узнал что ли? Он на станции живет, идем.

— А, и правда, ручной... Не признал в полутьмах.

У огромных ржавых ворот станции, покрашенных в грязно-зеленый цвет, стояли два сотрудника КГБ в круглых фуражках. КГБ-исты единственные из жителей Сибирска не носили шапок-ушанок, потому что не положено, и многие были наполовину глухими — уши не выдерживали холода.

— Идут, бездельники, — сказал один из них, низкорослый и худой, махнув в сторону Тихона и Никанора рукой.

— И вправду, в лагерь бы их всех! — отозвался второй, высокий и толстый, хмурая брови. — А потом расстреливать, расстреливать...

За наполовину разрушенным забором высились пять зданий атомной станции — четыре реакторных блока и корпус обслуживания. На серой бетонной стене последнего красовались большая выцветшая красная звезда, серп и молот, а рядом висел новый герб — двуглавый медведь с балалайкой и бутылкой водки в лапах. Внутри зуб на зуб не попадал — холодно, ночью не топили. Отопление на станции, как и везде в Сибири, было печное. Тихон сел за пульт управления и сказал Никанору Петровичу:

— Сходи-ка за дровами в сарай к снабженцам. Сидеть не могу — холодина. А водки с собой мало.

Петрович ушел, а Тихон достал из-за пазухи самокрутку, спички из кармана, и первый раз за утро закурил, уставившись на приборную панель.

Пульт управления состоял из тумблеров типа ВКЛ-ВЫКЛ, красных лампочек и приборов со стрелками. Половина приборов зашкаливала, как всегда. Мужик угрюмо посмотрел на приборы и достал вторую бутылку водки.

3. Политзаключенные

Внезапно большая красная лампа, третья справа, стала мигать. Тихон мгновенно протрезвел и пнул пульт управления ногой. Мигание прекратилось лишь на пару секунд, а потом возобновилось с еще большей частотой.

— Ну что ж ты, ..., опять, что ли? — выругался Тихон и пошел к начальству в кабинет докладывать.

Начальство сидело за большим столом, сплошь уставленным бутылками водки, и выпивало. На полу валялась балалайка с порванными струнами.

— Здорово, Иваныч, тут такое дело... — начал Тихон, но начальство прервало его, грохнув граненым стаканом по столу.

— Садись, Тихон. Пей.

Пришлось выпить. После первой бутылки Иваныч сказал:

— Да-а, перевелись нынче хорошие инженеры. Все туда, — тут он указал рукой на запад, — уехали, теперь за телевизерами сидят, эти, программы придумывают для... для...

— Микрософта, — подсказал Тихон, вспомнив хитрое название.

— Во-во, и не говори. Для Микрософта. Все инженеры туда уехали. И дома у всех телевизеры, ванны, как у каких-нибудь там нефтяников. Тьфу!

Тихон тоже плюнул. Нефтяники жили в поселке к северу от Сибирска, и настоящие сибиряки их не любили. Ну разве можно уважать людей, которые не носят бороду и вместо водки пьют какую-то подкрашенную дрянью?

— Вот осталось вас в отделе четверо всего, а если инопланетяне нападут? Или мутанты из подвалов полезут? Политзаключенных — вон, втрое больше, чем мужиков во всем Сибирске! А если кто из лагеря сбежит и станцию захватывать будет? Кто обороняться станет? Эти, что ли, из КГБ?

— Да нужно им это! — отозвался Тихон и выпил еще. — Им бы только мужиков простых расстреливать.

Начальство согласно кивнуло, взяв со стола следующую бутылку.

— Снабжения никакого. Вот, опять сейчас не знаю, чем вам на неделю зарплату выдавать — водкой, дровами или табаком?

— Мне лучше табаком, — Тихон заметно повеселел. — Он нужнее. Или патронами, если будут.

— Кстати, где Вова и Василич? — спросил Иваныч, разливая по стаканам. — Я только вас с Никанором сегодня видел.

Тихон выпил, не чокаясь, и ответил:

— Василич на медведя в лес пошел. Есть хочет. А Вова — я к нему заходил вчера, он уж третий день спит. Не знаю, придет сегодня или нет.

— Безобразие... — отрешенно сказало начальство, глядя куда-то в окно.

Открыли третью бутылку. Тихон выпил из горла. Внезапно дверь со скрипом открылась, и в кабинет ввалился Петрович.

— Ну где ж ты, Тихон? Я тебе вон дров в комнату принес.

Тихон хотел ответить, но вдруг почувствовал металлический привкус на зубах, и наконец вспомнил, зачем пришел.

— Я ж что хотел сказать, Иваныч. Лампа мигает. Течь, кажись, в третьем реакторе.

— Ну, разве удивительно, — спокойно сказал Иваныч, протягивая стакан Никанору. — Снабжения никакого. Все старое. Проверять, чинить некому. И кого мы туда отправим?

— Я не пойду, у меня работы полно, — ответил Никанор и залпом осушил стакан. — Мне еще надо трансформатор ремонтировать.

Тихон тоже покачал головой и нахмурился. Лезть в реактор не хотелось никому. Начальство строго посмотрело в глаза подчиненным и почесало бо-роду.

— Придется снова... Эх, как не хотелось мне это все, — уныло проговорил Иваныч после небольшого раздумья и подтянул к себе большой дисковый телефон, стоявший на столе.

— Сейчас опять в лагерь звонить будет, — тихо сказал Никанор в сторону, а Тихон кивнул.

Иваныч набрал номер и стал кричать в трубку:

— Алло, это лагерь с политзаключенными?! Генерала позови! А, это ты! И тебе здорово, Николай... Слушай, не можешь послать нам штук десять заключенных?! А, да нет, ничего серьезного, штатный случай... Просто рук рабочих не хватает! Что, не слышу?! Можно?! Через полчаса? Ну спасибо, с меня должок. Должок, говорю! Ну, давай...

Положив трубку, начальство сказало:

— Ну, давайте, по местам. Сейчас приведут эков, они нам все и починят. Ты, Тихон, в окно проследи, проводим их, когда придут.

4. Медведь

Печка нагрела воздух в комнате, окошко немного оттаяло, и в него можно было следить за ворота-

ми. Когда они открылись, мужик докурил самокрутку и поднялся с места.

Сибирское солнце в августе встает за час-два до полудня, а через два часа после обеда у горизонта остается лишь бледно-желтая полоска света. Когда Тихон вышел из здания, как раз светало. Небо было хмурое, дул сильный ветер, но инженер посмотрел на восходящее солнце, и на душе немного потеплело. И то ведь хорошо, что оно встало — в ноябре-январе солнца не поднимается вообще.

Вместе с заключенными, закованными в одну общую цепь, прибыл майор в фуражке и с пистолетом. Когда кто-нибудь шел медленнее других, он стрелял вверх и громко матерился.

— Ну, на ..., что у вас тут сломалось?

Тихон проводил их по двору к третьему блоку и открыл деревянную дверь.

— Вот, с ним что-то.

— Так что именно? — спросил сотрудник КГБ, разглядывая бетонную громаду реакторного блока.

Тихон пожал плечами.

— Не знаю, течь вроде бы.

Среди политзаключенных послышались недовольные голоса, и майор, выстрелив в воздух, крикнул:

— Так, за работу, собачьи отродья! Всех расстреляю! Реактор — проверить, течь — заткнуть! Так, а чем течь затыкать? — повернулся он к Тихону.

— А так вы сходите к Никанору, он вам тряпок даст и инструменты всякие, — сказал Тихон, поправил шапку-ушанку и пошел обратно к пульту управления, добавив напоследок: — Вы только это, в подвалы не заходите, там мутанты голодные.

На обед выдали медвежатину с водкой. Тихон ел мясо, как настоящие сибиряки, голыми руками, прямо за пультом.

— Здорово, — послышался густой, басовый голос за спиной.

Сибиряк обернулся и увидел Вову, стоящего у входа. Вова был сравнительно молод, ростом два метра с небольшим, и почти все время спал.

— И тебе здорово, — Тихон вытер руку о шубу и поздоровался с великаном.

— Я тут опоздал... — Вова зевнул. — Что без меня было?

Инженер махнул рукой.

— Да, опять реактор потек. Начальство из лагеря эзков вызвало, теперь вон чинят. Ты пей давай.

Тихон протянул сотруднику бутылку водки. В это мгновение в комнату вбежал Петрович и спросил у мужиков:

— Вы это, напильник с кувалдой не видели? Найти не могу. А заключенные просят, говорят, течь нашла, корпус обработать надо.

Вова отозвался, почесав затылок:

— Так их же Василич вчера брал, он печку у себя чинил.

— Кого брал?

— Ну инструменты наши, напильник и кувалду. Посмотри у него в каморке.

Никанор кивнул, залпом выпил водку из стоящего на пульте стакана и ушел. Вова оглянулся и сказал вполголоса:

— Я тут про такое дело в трамвае слышал, не поверишь!

— Про энэло? Так и я слышал, мне вон Петрович рассказывал.

Вова махнул.

— Да нет же, не про то. Про энэло ты Петровичу не верь — он пить не умеет. Тут в трамвае два мужика с Секретного Военного Завода разговаривали. Говорят, к ним интуристы приехали какие-то странные, яства диковинные привозили! Сказали — пожуешь такое яство и сразу счастливый станешь весь. Эти интуристы всем сибирским интересуются, им тамошние аппараты по превращению воды в спирт показали, так этим все понравилось. Ну я и спросил у мужиков: говорю, а к нам на АЭС эти интуристы приедут? Они, мужики эти, и отвечают: «В городе надолго — и на АЭС приедут, и в НИИ, в лагерь, и к нефтяникам заглянут». Вот так то!

— Да... Во дела! — сказал Тихон и задумался.

Это яства диковинные — как раз то, что ему в его жизни и не хватает, понял он. Что, по сути, жизнь сибиряка? Водка, табак, медвежатина, ну, еще пельмени по праздникам. В лес пошел, медведя застрелил — сытый неделю. Бутылка, дрова есть — не холодно. А в общем-то скукота. Развлечений никаких, разве что бои кулачные стенка на стенку, НИИ скажем, против трамвайщиков, или еще на руках бороться... Вот как бы достать этих диковинных яств?.. И как выпросить их у иностранцев? Он же никогда близко не встречался с людьми из-за границы, не знал, что им нужно и как к ним обращаться...

— Скорее, скорее! — проорало начальство, вбегая в комнату. — Ружья хватайте, и во двор!

Тихон мгновенно прекратил размышления, схватил ружье и спросил:

— А что такое-то?

— Мутанты из подвалов полезли! Отстреливать надо.

Вова сказал:

— Но кого-то надо же оставить за пультом! Нельзя ж без присмотра надолго.

— Да вы там давайте, — сказал Тихон, хмуря брови. — Посадите кого-нибудь.

Иваныч выругался, убежал куда-то. Через минуту они с Никанором привели упирающегося медведя Тишку и посадили на табуретку.

— Отдай ему шапку-ушанку, — сказала начальство Тихону. — Не положено медведей без ушанки за приборы сажать. На базе ракетной сверхстратегической вон посадили за красную кнопку медведя без шапки, теперь Восточное Самоа найти не могут.

Сибиряки напоили медведя водкой, натянули ему на голову ушанку Тихона и пошли во двор смотреть, что случилось.

5. Ружья

Говорят, что мутанты стали появляться в окрестностях станции еще лет двадцать назад. Поговаривали, что не обошлось тут без пьяных ученых из НИИ. КГБ, похоже, не оставил этот факт без внимания, и люди в круглых фуражках периодически устраивали лесные облавы, отлавливали мутантов и сажали в подвалы. Охранять их было некому, замки были ненадежными, и Иваныч рассказывал Тихону страшные истории о бунтах жителей подвалов.

Внутренний двор, в котором стояли все четыре реакторных блока, был покрыт сугробами после ночного снегопада, к третьему блоку тянулась цепочка следов людей из лагеря. Во дворе, у выхода из корпуса обслуживания, уже собрались все остальные работники АЭС. Трое из снабжения, два бухгалтера, весь отдел Иваныча и директор станции, Федор Степаныч. Все напряженно смотрели на голый снег около блоков, но, на первый взгляд, двор показался Тихону абсолютно пустым и тихим, и было непонятно, к чему весь этот шум.

— О, смотри, какой здоровый ползет! — сказал Терентич из отдела снабжения Никанору, показывая на четвертый блок. Петрович вскинул ружье и выстрелил. Остальные мужики, кроме Тихона и Вовы, тоже подняли двустволки и стали беспорядочно палить по двору.

— Погодите, — удивленно сказал Вова. — Я вот вообще никого не вижу, зачем стрелять-то?

— Я тоже не вижу ни ..., — проговорил Тихон.

— Так вы пили, поди, мало сегодня! — воскликнул Федор Степаныч, приостановив стрельбу. — Тут трезвому не разобраться, ну-ка нате, добавьте.

Начальник станции достал из кармана бутылку и протянул Тихону, он выпил из горла половину и отдал Вова. Протер глаза, растер замерзшие уши, заново взглянул на двор и, наконец, увидел...

Двери на всех четырех подвалах были сорваны. Мутанты медленно ползли по снегу в сторону корпуса обслуживания, толкая друг друга и перелезая через убитых сородичей. Мужики в лохмотьях с песьими головами, мужики с медвежьей шерстью, с огромными рогами, как у лося. Гигантские колючие ежи с суровыми, бородатыми лицами. Их были сотни, да что там сотни, тысячи, им не было числа, а в их глазах сквозила обреченность и ненависть. Но что самое ужасное — им всем страшно хотелось есть. Тихон понял, что из-за голода они готовы на все, поднял ружье и тоже начал стрелять.

— Вова, ты-то что стоишь, помогай! — прокричал через шум выстрелов Иваныч. — Без тебя нам не справиться!

— Ага, — кивнул, зевая, Вова и снял с плеча свое оружие. Вместо ружья и патронов он носил старинный шестиствольный пулемет и длинную пулеметную ленту, обвязанную вокруг пояса.

Полетели гильзы, и мутанты прямо на глазах стали превращаться в фарш.

— Че ж вы их в цирк-то приезжий не сдаете, Федор Степаныч? — спросил с упреком Вова у директора станции.

— Да им там уже девать некуда мутантов этих! — прокричал в ответ Федор Степаныч. — Года два назад мы им два вагона мутантов отдали, больше, говорят, не нужно. Им, видите ли, сейчас карликов подавай и женщин бородатых! А откуда я женщин в Сибири-то возьму?

— Безобразие! — согласился Иваныч, перезарядил ружье и продолжил стрельбу.

...Как это часто бывает, дорогу домой Тихон не запомнил.

6. Балалайка

Растопив поутру печь и напившись ледяной воды из бочки, Тихон понял, что уши он вчера без шапки вконец отморозил, и на работу не пойдет. Придется лечиться водкой. Водка — лучшее лекарство от любых недугов, подумал Тихон и поправил сам себя: кроме, пожалуй, душевной хандры. Конечно, если выпить водки не слишком много, литра три, настроение сначала поднимется. Однако утром хандра возвращается, и так продолжается неделя за неделей, месяц за месяцем. Год за годом. Кто-то говорит, что жизнь надо менять — а как менять? Зачем менять? Пить водку, что ли, бросить? Тогда замерзнешь, или, того хуже, как вчера — мутантов не увидишь. Работу сменить? А что он, Тихон, еще умеет, кроме как за лампочками следить да на рычаги слива-загрузки топлива нажимать?

Было, конечно, время, когда Тихон делал матрешки и сдавал в специальный пункт, откуда их увозили в Европу для продажи. Специально для изготовления матрешек у Тихона в избе стоял небольшой токарный станок. Но потом большинство мужиков свой матрешечный бизнес прекратили, пункт приема матрешек закрыли, и станок уже много лет стоял без дела.

Нет, без тех диковинных яств, что должны, обязательно должны привезти на АЭС иностранцы, Тихону не обойтись.

Внезапно в голову к Тихону пришла мысль: если эти интуристы интересуются всем сибирским, то почему бы не подарить им бесконечную сибирскую матрешку? Тихон быстро накинул шубу, подошел к сараю с дровами, выбрал дюжину поленьев и вернулся в дом. Разобрал по-

ня по размеру, распилит на баклушки и запустил станок.

Весь день он вытачивал матрешечные заготовки, постепенно уменьшая их размер. Прерывался Тихон только на то, чтобы покурить, выпить водки и поесть сырой медвежатины.

Станок трещал и гудел, как ракетная установка, было пыльно, летела стружка, но Тихон не обращал внимания на подобные мелочи — ведь впереди виднелась столь желанная цель!

— Главное, чтобы интуристам понравилось... — Бормотал инженер, машинально меняя болванки и сверла. — Лишь бы яств диковинных дали...

Когда солнце зашло, Тихон стал раскрашивать заготовки, используя черную и серую краску. К вечеру в избе закончилась водка, пришлось идти к Василичу, он жил ближе всех.

Перед домом у Тихона залегла на ночевку небольшая стая волков, пришлось подстрелить пару самых крупных, остальные разбежались. В окне у Василича горел свет, скрипучая деревянная дверь была не заперта. Тихон вошел в избушку, снял в сенях лыжи и вошел в комнату. Василич сидел за столом, на котором стояла одинокая бутылка

водки, и играл на балалайке «Эх, дубинушка, ух-нем!»

— Сыграл бы ты лучше, Василич, что-нибудь из «Экстраверта», — сказал Тихон угрюмо. — А то уже всем надоела твоя дубинушка.

Группа «Экстраверт» жила в Иркутске, была достаточно хорошо известна в Сибири и играла прогрессивный металл на балалайках. Пару лет назад они даже приезжали в Сибирск на поезде, но их концерт запретил КГБ. Василич отложил балалайку и в упор посмотрел на Тихона, сделав удивленное лицо:

— Ты что, Тихон, забыл, что ли? Сажают теперь за прогрессивный металл. Велят только народные песни играть. Или про медведей. Балалайки велено зарегистрировать, и ежели кто из КГБ услышит, что не то мы на них играем — сразу в лагеря. Садись давай, пей!

Тихон присел на косоногий стул и угрюмо посмотрел на бутылку водки.

— Ну что, кстати, сходил вчера на медведя?

Василич кивнул и указал рукой на свежее выделанную шкуру, висящую над печкой.

— С чего, ты думаешь, я веселюсь и на балалайке играю? Сытый потому что. Ты мне лучше скажи, что

тебя на работе не было сегодня? Начальство сказало, что это безобразие.

Тихон показал на уши:

— Уши я давеча отморозил. Шапку мою на медведя надевали, нельзя, говорят, без ушанки за приборы садить.

— Это оно верно, — кивнул Василич и протянул бутылку Тихону. — Без ушанки нельзя. А уши твои мы сейчас вылечим. Только водка заканчивается, ты допивай пока, что есть, а я к Воле схожу, у него всегда полный шкаф.

Василич надел шубу, взял двустволку и лыжи с палками, у двери остановился и сказал сурово:

— Балалайку не трогай! Я ее вчера на себя записал, без письменного разрешения дать не могу.

Тихон кивнул и взял бутылку в руки. Посмотрел на этикетку:

«ВОДКА ПРОСТАЯ, 40 %. ОДОБРЕНО МИНЗДРАВом СИБИРИ»

7. Инопланетяне

— Такое сегодня, мужики, на работе было! — сказал пьяным голосом Вова. До этого все трое пили молча. Остались четыре бутылки из пятнадцати.

— Мне-то что ты рассказываешь, я ж сегодня был... — сказал Василич. — Вон, ему говори.

Вова повернулся к Тихону:

— С утра мы... двор от мутантов всей станцией прибирали, а к обеду пришли к нам эти... в фуражках. Говорят, из лагеря они и спрашивают, не видели нигде десять заключенных и майора ихнего с пистолетом?

Тихон смутно помнил, что вчера действительно приходил кто-то из лагеря, но все вчерашние воспоминания затмила новость об интуристах, и поэтому он спросил:

— А... и куда они делись?

— А мне откуда знать? — ответил вопросом на вопрос Вова. — Я их вчера вообще не видел. Это ты их к блоку реакторному водил.

Василич грохнул очередной допитой бутылкой об стол и, отстранив Вову, сказал Тихону:

— Не, ты, это, не бойся. Ты тут ни при чем, они сами виноваты. Мутанты в подвалах шум с выстрелами слышали, подумали, расстреливать начинают, вот и взбунтовались. А эти, в фуражках, говорят сегодня, что зря мы мутантов расстреливали. Они, говорят, тоже люди, хоть и в подвалах сидят. Жалеть их надо, говорят, не виноваты они, что радиация.

— Мужиков простых они расстреливают, а мутантов им, видите ли, жалко, — добавил Вова.

— Ну вот и дожалелись! — сказал Тихон сурово. — Съели мутанты майора ихнего и заключенных тоже.

— Да нет же, говорю! — рявкнул Василич. — Вот, скажем, если бы и съели — тогда бы фуражку-то оставили! И шинель тоже, так ведь?

— Съели бы, — возразил Тихон. — С голодухи все можно, даже шерстяное.

— А пистолет металлический? — вмешался Вова. — Тоже, скажешь, проглотили? Нет, тут точно мутанты ни при чем. Зэки с майором в реактор упали, и сварились там заживо!

Василич покачал головой и погрозил пальцем:

— Нет, это ты неправду говорить. Инопланетяне их под шумок забрали, для опытов! Точно, на энэло увезли! Федор Степаныч так сказал, Иваныч наш тоже так думает.

Тихон нахмурился.

— Так говорили же, что про инопланетян Никанор придумал спяну? Не прилетал никто, говорят.

Вова кивнул, и взял следующую бутылку.

— Вот-вот, и я говорю, не прилетал. Придумали они все. Пить не умеют.

Лицо у Василича стало еще краснее от злости, а Тихону подумалось, что сейчас они подерутся. Драки ему не хотелось, и он сказал, поднимаясь:

— До ветру схожу.

— Я тебе сейчас кулачком-то по роже и настучу! — рявкнул Василич на Вову, резко поднимаясь со стула. Концовку тирады Тихон не услышал, потому что вышел из избы.

Дорожка к туалету была замечена снегом, а лыжи одевать не хотелось, поэтому мужик решил идти через сугробы как был, в валенках. На третьем шаге его резко качнуло в сторону, и он упал на спину. Тихон некоторое время смотрел на ночное небо — оно было безоблачным, звезды светили ярко, складываясь в завораживающие геометрические фигуры. Внезапно потянуло на философию, и подумалось, что у звезд тоже есть свои начальники и подчиненные, заключенные и майоры — надсмотрщики. Как же они без шапок и ружей там, в ледяной прохладе космоса, висят? Светят еще зачем-то, и какая польза от света этого? Солнце светит — так хоть день от ночи отличить можно, если не зима, а тут — никакой пользы. Говорят, правда, ракеты наводить по звездам научились — и то славно, но тоже вон — посадят нечаянно медведя без шапки за красную кнопку, как тогда, а потом — звезды, не звезды, все равно Восточное Самоа не вернуть...

Тут Тихон вспомнил про физиологическую потребность и хотел уже подняться и продолжить нелегкий путь к туалету, как вдруг его внимание привлекла одна большая звезда. С самого начала она показалась мужику неприлично крупной на фоне более мелких светящихся точек, а тут она и вовсе начала двигаться из стороны в сторону, как огонек у папиросы, и при этом неуклонно расти в размерах. Неужели это...

«Ну нафиг... — подумал мгновенно протрезвевший Тихон, отчаянно пытаясь подняться. — Я же не как Никанор — пить умею, вроде бы... Что ж они, и мне кажутся?»

Тем временем точка окончательно превратилась в светящийся диск, энэло летело на мужика прямо

сверху, иногда отклоняясь от маршрута и кружась. Когда до земли оставалось каких-нибудь сто — сто пятьдесят метров, диск замедлил движение и выпустил лучи.

Тихон уже перестал пытаться встать, он просто неподвижно лежал в сугробе с широко открытыми глазами. Лучи прошли прямо по лицу, стало страшно, и мужик заорал, но энэло медленно поплыло влево, в сторону улицы. Через несколько секунд Тихон услышал медвежий рев и увидел, как к светящемуся диску по воздуху поднимается большой бурый медведь. Он, по-видимому, просто гулял по улице, и инопланетяне забрали беднягу для опытов, подумалось Тихону, и мужик снова закричал, испугавшись, что следующим заберут его.

Скрипнула дверца избы, и послышался хруст снега под валенками. Светящийся диск с медведем, как будто бы заметив появление людей, в одно мгновение пропал.

— О, смотри, лежит. Упал, — сказал голос Вовы. — Я всегда говорил, здоровье у него слабое, не местный он. Пить не умеет.

Тихон терпеть не мог, когда ему напоминали, что он не местный — ведь в душе он был настоящим, суровым сибиряком, хоть и нашли его на вокзале. Тем более он не любил, когда ему говорили, что он не умеет пить. Но сейчас было не до обид — надо было придумать, зачем он кричал и почему до сих пор лежит в сугробе. Мужики подошли и начали поднимать коллегу.

— Ты, Вова, держи его за правую руку, а я за левую держать буду, — сказал Василич, наклонившись над Тихоном. Все лицо у Василича было в синяках. — Что ж ты кричал? Что случилось-то?

— Медведь. А я без ружья.

— Не верим, — сказал Вова, ставя Тихона на ноги. — Ни разу не помню, чтобы ты медведя пугался, ты ж не нефтяник какой-нибудь. Помнишь Аркадича? Он вообще говорил, что любой нормальный сибиряк медведя может голыми руками завалить... До туалета проводить тебя?

— Да не... не надо уже. Пойду я домой, мужики, уши вы мне вылечили, спасибо вам за это, а мне еще работу одну доделать надо.

— Темнишь ты, Тихон, — сказал с укором Василич. — Уж не энэло ли видел?

— Нет, нет, не видел я его! — нахмурился сибиряк. — Я пить умею, не то что некоторые.

8. Матрешка

Иностранцев было двое — высокий и пузатый, их сопровождал переводчик, кто-то из бывших нефтяников. Все трое были безбородые и носили вместо шуб черно-красные пластиковые куртки, что сразу не понравилось Тихону. Иностранцы смотрели на него, почему-то переглядывались и посмеивались. Но, в конце концов, не важно, как они выглядят и

как смотрят, главное — попросить у них тех яств диковинных...

Когда их проводили в комнату Федора Степаныча, переводчик сказал, что пузатого зовут Джон Смит, а высокого — Йохан Йохансон. Добавил что-то про сопротивление, и иностранцы раздали всем присутствующим красно-белые листовки с черной непонятной надписью:

«THE EARTH FOR THE EARTHMEN! DOWN WITH GREEN-ASSED INVADERS!»

Никто из работников станции языка не знал, но спросить, что там написано, почему-то побоялись. Дали гостям стаканы и налили водку. Пузатый спросил через переводчика, видел ли кто-нибудь из работников инопланетян. Выяснилось, что энэло видели трое из работников, включая Никанора Петровича, который принялся с новыми подробностями рассказывать о зеленых человечках, забравших Тихоновы валенки. Про майора и политзаключенных начальство велело молчать. Высокий иностранец сделал серьезное лицо и передал через переводчика, что с этими зелеными ублюдками нужно бороться и не давать им садиться на шею. Потом Джон Смит спросил, а что это у вас весь снег во дворе красный, и Федор Степаныч соврал, что это давеча на станцию волки заходили, пришлось парочку пристрелить. Судя по лицам, иностранцы не поверили, но спорить не стали. Потом начали расспрашивать откуда сибиряки берут винтовки, почему нынче водка и тому подобную ерунду, известную даже медведям.

И вдруг произошло то, чего так долго ждал Тихон. Пузатый достал из кармана куртки нечто небольшое и продолговатое, поднес ко рту и стал жевать. «Вот они какие, яства диковинные, — подумал Тихон и заметил, как часто забилось его сердце. — Вот оно какое, счастье мое». Он понял: такой удивительной возможности изменить свою жизнь, как сейчас, у него больше не будет никогда, и если и нужно что-то делать, то здесь и сейчас.

Тихон смело отодвинул стоящего рядом с иностранцами Петровича, подошел к переводчику и сказал:

— Вели им дать мне яства диковинные. Я им за это вот что дам, — и вытащил из-за пазухи свою матрешку. — Она бесконечная.

Федор Степаныч с Иванычем замолчали, удивившись наглости Тихона. Переводчик сначала раскрыл рот от удивления, потом передал матрешку иностранцам, усмехнулся и спросил:

— Какие яства?

— Ну те самые, что вот он сейчас в рот положил. От которых счастливыми люди делают.

— О, о, мэтыресшка! Соу гуд! — сказал пузатый, не переставая жевать, и начал разбирать матрешку. Разумеется, она была не бесконечной — просто последние ее детали вытачивались ножом и были настолько мелкие, что разбирать их и выяснять, есть ли что-то внутри, никто не решился бы. Подоб-

ный прием изобрел лет десять назад один из соседей Тихона, а он лишь перенял идею. Говорили, так лучше продается. Пузатый разобрал первые восемь уровней матрешки, непонятно покачал головой и собрал все обратно. Потом переводчик сказал что-то пузатому, тот что-то спросил, высокий что-то ответил, глядя на Тихона, и бывший нефтяник перевел:

— Господин Йохан Йохансон говорит, что для тебя, брат землянин, всегда пожалуйста, и спрашивает, как ты оказался в Сибири.

Тихон нахмурился. Он не знал своего происхождения и всегда смущался и сердился, когда его ему говорили, что он не местный. Но сейчас был не тот случай, когда можно было сердиться, и пришлось ответить:

— Меня мужики на вокзале нашли, а раньше что было — не знаю.

— Да он сибиряк! — вступился за сотрудника Петрович. — Даром что лицом не похож.

Некоторые почему-то посмеялись, а иностранцы, после того, как ответ Тихона перевели, кивнули и протянули ему две маленьких блестящих палочки...

9. Лыжи

К вечеру заметно похолодало, и первый раз за неделю пошел снег. Снежные вихри залетали в трамвай, пронизывающий ветер дул в лицо, угрюмые одинаковые деревянные избушки медленно проплывали мимо, и казалось, что путь до дому длится вечность. Все знакомые мужики с работы остались праздновать получение зарплаты, и Тихон ехал один. Водка, купленная с утра, к концу рабочего дня кончилась, а согреться было жизненно необходимо. Через две остановки Тихон не выдержал, подошел к балалаечнику, играющему на весь трамвай «Эх, дубинушка, ухнем!», дал ему в морду и отобрал водку. Кто-то из мужиков запротестовал и чуть не завязалась драка, но на рельсах внезапно появились волки, и всем пассажирам пришлось пострелять, а про балалаечника потом забыли. От водки стало немного теплее, и все мысли стали об одном — поскорее бы домой, поскорее бы сесть за стол, достать из кармана диковинные яства и, наконец, съесть...

Остановка. Тихон надел лыжи и через метель медленно пошел по запорошенной лыжне к дому. Через метров двести он увидел большого медведя, бегущего навстречу по улице. Снял с плеча ружье и внезапно понял, что в кармане остался всего один патрон. Медведь, похоже, был людоедом, морда вся в крови, и от выстрела зависла жизнь. Тихон зарядил ружье, вспомнив высказывание старика Аркадича, что любой сибиряк может завалить медведя голыми руками. Сейчас он понял, насколько это далеко от действительности — такой медведь тяжелее мужика в пять раз, и если придавит — смерть неминуема. Вспомнил про яства в кармане, кото-

рые так и не попробовал, со злостью посмотрел на приближающегося хищника, прицелился и выстрелил. Медведь зарычал и повалился. Тихон опустил ружье и мысленно прикинул расстояние, которое разделило его со смертью — медведь лежал в пяти метрах от концов лыж. «И все же я настоящий сибиряк», — подумал Тихон и первый раз за день улыбнулся.

Придя домой, Тихон запер дверь, растопил печь, положил в шкаф коробки с табаком, достал из кармана две блестящие палочки, положил на стол и стал разглядывать. Обертка, похоже, была сделана из глянцевой бумаги, на ней были маленькие рисунки и надписи на непонятном языке. Тихон осторожно снял ее с одной из палочек и подумал, что обязательно повесит на стенку, как картину. После бумажной была вторая обертка, сделанная из фольги, сибиряк развернул ее и увидел сами яства — десять маленьких белых комочков. Тихон сгреб их все и отправил в рот.

Яства оказались похожи по твердости на резину, но были такими сладкими и пахучими, что на душе сделалось удивительно хорошо.

«Все же эти иностранцы молодцы, — подумал Тихон. — Они умеют делать человека счастливым, хоть сами и странные. Вообще — какая разница, сибиряк ты или с Запада — все мы братья, все равно по одной земле ходим...»

Тихон подошел к шкафу и первый раз за долгое время посмотрел в зеркало. Несмотря на черную блестящую кожу и вечно грустные, карие миндалевидные глаза, лицо у него сегодня просто светило от счастья. Он снова улыбнулся белоснежной широкой улыбкой, снял шапку, причесал кудрявые черные волосы и сел обратно за стол.

Яркие лучи света ударили в окно. Тихон от неожиданности проглотил яства и пошел во двор посмотреть, откуда исходит свет.

Во дворе стояла большая летающая тарелка, свет шел изнутри, пробиваясь через тонкий, словно бумажный корпус. Снежинки падали и таяли на белой поверхности. Тихон замер у двери и молча смотрел, как плавно опускается сверкающий трап, как три маленьких сине-зеленых существа выходят из энэло и медленно, покачиваясь, идут в его сторону. Страха, как в тот раз, не было, вся картина несла покой и умиротворенность, и Тихон подумал: «Какая разница, люди — не люди. Белые, черные или зеленые — у всех у нас Разум есть, все мы в одном Космосе вращаемся».

И неважно, что там думают про инопланетян иностранцы, когда-нибудь они все поймут, как понял сейчас Тихон...

Верхними конечностями средний, самый крупный из инопланетян держал нечто большое и черное, он подошел к онемевшему сибиряку, протянул это нечто и сказал бесцветным, спокойным голосом:

— На, Тихон... Возьми свои зимние валенки.

Екатеринбург, 7.10.2007 — 4.11.2007

О Мамине-Сибиряке и восточной экзотике

Об этом экспонате Свердловского областного краеведческого музея — миниатюрной тонкостенной фарфоровой баночке с крышкой, датируемой первой половиной XVII в. — достоверно известно только одно — она принадлежала писателю Д.Н. Мамину-Сибиряку. Баночке трудно подобрать русское название — китайская тушница, тушечница, т.е. сосуд для наливания жидкой туши небольшими порциями.

Глядя на эту баночку, трудно поверить что она — драгоценность. Ведь именно так в Китае назывались предметы, входившие в так называемый набор «четырёх драгоценностей кабинета» — кроме тушницы, это волосяные кисти, бумага для письма и сама тушь. Вот с каким почтением древние китайцы относились к грамотности.

Каллиграфию, то есть умение красиво писать, в Китае воспринимают иначе, чем в Европе и на арабском Востоке. Задача заключается не в том, чтобы аккуратно и ровно выводить знаки, ведь иероглиф не буква — это особый знак, часто обозначающий целое слово или понятие. Иероглиф родился из рисунка и сохранил некоторые черты живописного изображения. Значит, опытный каллиграф — всегда художник. Каллиграфия, в свою очередь, входила в состав «трех совершенств», куда включались еще живопись и стихосложение — китайский символ не просто образованности, но учености и интеллигентности. И, одновременно, это перечень экзаменов для получения чиновничьей должности.

Теперь о писателе Мамине-Сибиряке. Он был известен как любитель всего красивого и необычного. Неизвестно, как тушница попала к нему, да и вряд ли он использовал ее по назначению. Он увлекался модной тогда восточной экзотикой, так же как археологией — эти увлечения входили в понятие екатеринбургской светскости. Правилom хорошего тона для интеллигента было передать экспонаты в только что созданный музей УОЛЕ. Музей был предметом гордости уездного Екатеринбурга. Тушница никогда не терялась в собрании восточных редкостей краеведческого музея. Всегда была экспонатом особенным, благодаря известному дарителю. Но лишь совсем недавно А. Матвеевым сделаны переводы стихотворений, нанесенных на тушницу.

На крышке надпись: «Восточная красота»
Два четверостишья

*Когда голод приходит — дума не о пище ли?
Когда хочется славы — в книгах нет потребности.
Игра на цине (лютне) не препятствует встрече с вином.
Ещё раз налей безрассудному человеку*

Ван Цзин Луэ

*На рынке «Байхай» торгующие из корзин люди,
Как раз и есть истинные государственные мужи
Ловить вшей — таких больше нет людей.
К востоку от Янцзы кого из сановников брать примером?*

Тао Гун

Надпись: «Восточная красота» — возможный вариант иносказания: «Дорогой зять» т.к. место зятя с восточной стороны.

«Байхай» дословный перевод названия — «Северное море».

Ловить вшей — фразеологический оборот означает дерзость, вызов. В III в., в начале эпохи Цинь, некий простолюдин Ван Ман, встретив военачальника Хуань Бена, говорил с ним непочтительно и при этом ловил на себе вшей.

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":

Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78

Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39

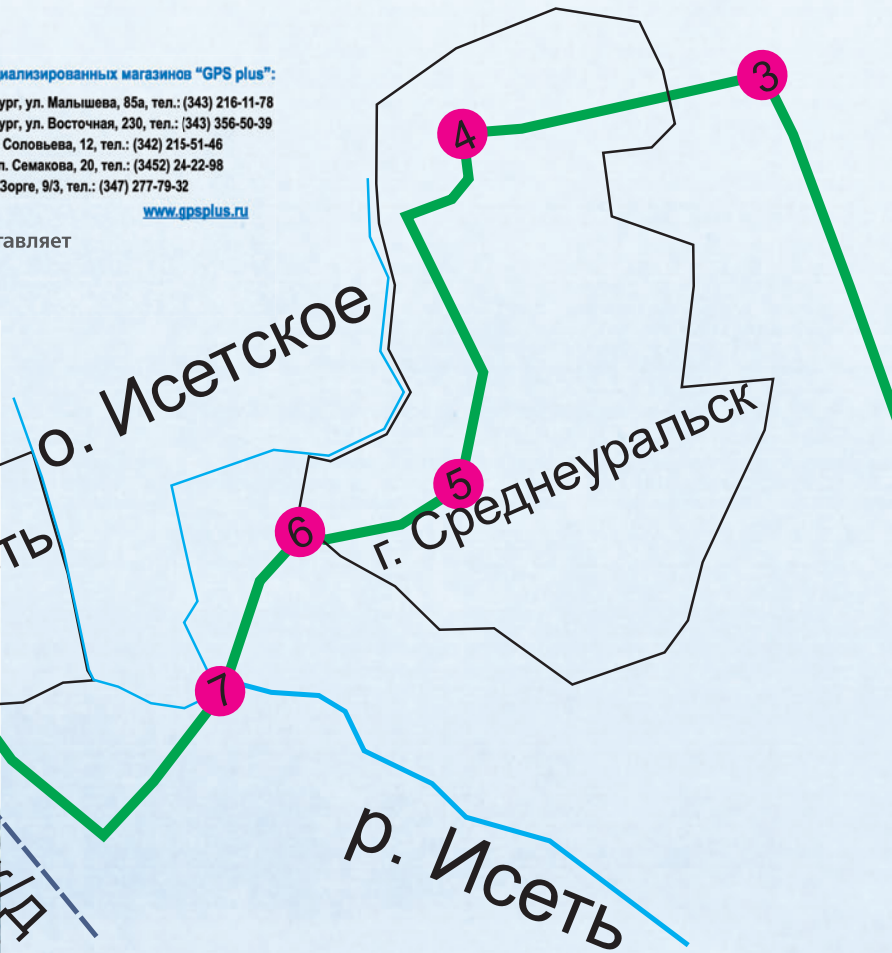
Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46

Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98

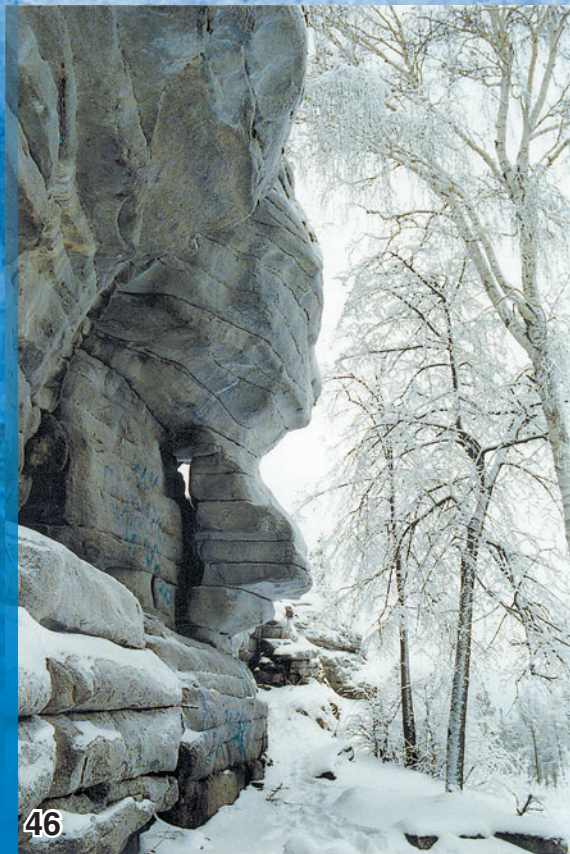
Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32

www.gpsplus.ru

представляет

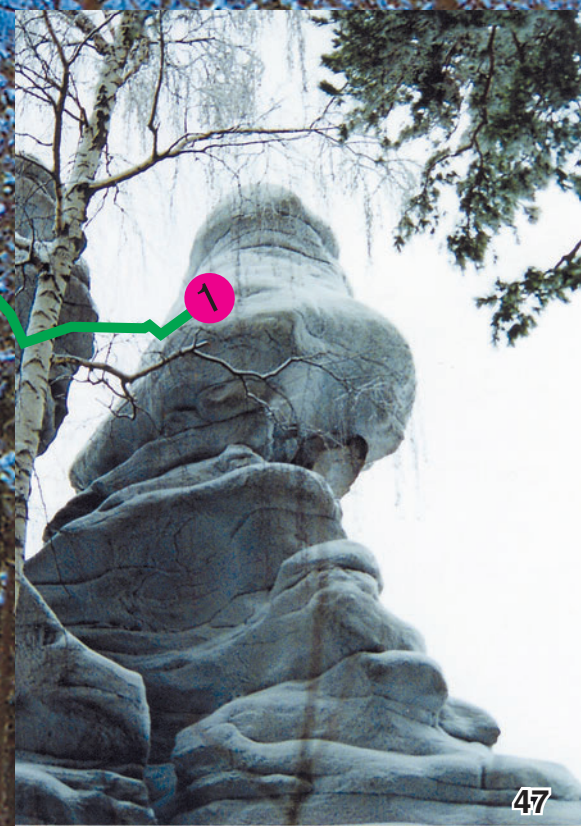
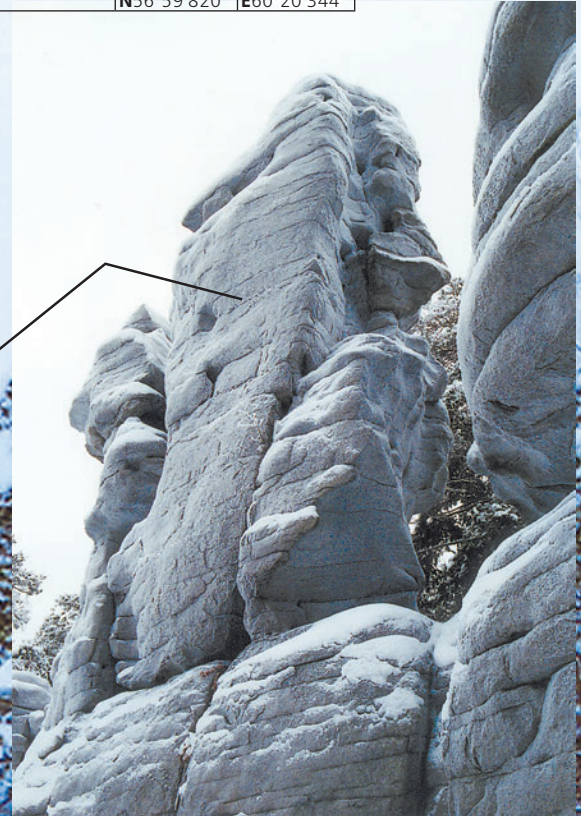
До скал Петрогрон можно добраться, практически к подножию, на автомобиле или на электропоезде до станции Исеть и, далее, пешком по дороге на северо-запад около 3 км. Скалы Петрогрон, вытянутые с запада на восток, образуют высокую каменную гряду на вершине горы. Скалы, сложенные из плит, наиболее высоки в восточной части, где в виде зубьев возвышаются отдельные глыбы. Центральная, самая крупная глыба достигает высоты 15 м. Здесь круглый год тренируются альпинисты и скалолазы из Екатеринбурга, это связано с близостью города и удобными подходами.

Маршруты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ , редакция	N56°50'162"	E60°35'558"
2	Выезд из города на Серовский тракт	N56°53'219"	E60°33'063"
3	Развязка на Североуральск	N56°59'236"	E60°31'202"
4	Везд в Североуральск, поворот налево	N56°59'592"	E60°28'552"
5	г. Североуральск, поворот направо	N56°59'334"	E60°28'225"
6	выезд из Североуральска, поворот налево	N56°59'339"	E60°27'721"
7	Исток реки Исеть, плотина	N56°57'636"	E60°24'378"
8	пос. Исеть, поворот налево, ж/д переезд	N56°58'158"	E60°22'232"
9	пос. Исеть, поворот направо вдоль ж/д путей, ж/д станция Исеть	N56°58'157"	E60°21'668"
10	Кладбище	N56°59'651"	E60°21'460"
11	Предгорье	N56°59'565"	E60°20'480"
12	ЛЭП	N56°59'749"	E60°20'601"
13	Скалы ПЕТРОГРОН	N56°59'820"	E60°20'344"

Уральский следопыт, март 2001

Андрей ПИЧУГИН

На Медведь-Камень

Дети в походе

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Два года подряд учащиеся Нико-ло-Павловского и Черноисточинско-го образовательных учреждений с преподавателями Татьяной Павлов-ной Соболевой и Людмилой Григо-рьевной Цыпушкиной совершали совместные экскурсии по маршруту покорителей Сибири Ермака Тимофеевича и его дружины. И под-нялись на гору Медведь-Камень, являющуюся геолого-геоморфоло-гическим и природно-историческим памятником Свердловской области. Река Тагил и Медведь-Камень явля-ются «свидетелями» исторического похода Ермака Тимофеевича для за-воевания Сибири.

Путь к скале

Утренней электричкой уезжаем в сторону Верхотурья и выходим на остановке «Площадка 350 км». Идем по ходу движения, по лесной извилистой тропинке вдоль желез-нодорожных путей, к мосту через реку Тагил. Лесная дорога то сходится, то расходится на несколько троп и снова сливается в один путь.

Погода пасмурная, хмурая, летят бе-лые пушинки первого снега, которые превращаются в слякоть.

От железнодорожного моста че-рез реку лесная тропа уходит влево и идет вдоль реки Тагил. На проти-воположной стороне реки прогля-дывают «Школьные горы». Сюда приезжают юные альпинисты на тренировки по скалолазанию.

Через полтора часа ходьбы не-ожиданно из-за леса появляется ка-менистая осыпь и каменная башня, а далее открывается огромная сто-метровая скалистая стена – это гора Медведь-Камень. Каменный утес протянулся почти на 300 метров по правому берегу реки. Перед скалой – широкая поляна, за ней темной и узкой лентой медленно течет река Тагил, чуть выше по реке – перекат и брод. Здесь по реке Тагил проходит условная граница города Нижний Тагил и Горноуральского городского округа.

Величественная скала заворажи-вает детские взгляды, устремленные на вершину Медведь-Камня, где различимы редкие сосны.

Свое название камень получил из-за медведя, пришедшего на во-доем и припавшего к воде на одно колено. На южной стороне скалы находится грот, высота входа в него около двух метров, а длина углубле-ния – три метра. На дне пещеры по-долгу задерживается вода. Вообще, на каждом шагу неизвестное, новое. На трассах – редкие уральские рас-тения, встречаются вязы.

Кто-то из детей спрашивает:

– Мы туда будем подниматься?

– Обязательно поднимемся на вершину, но только со стороны поло-го склона, который на юго-востоке.

«Ермаково городище»

В 1985 году туристы Ленинградс-кого района из города Киева на бай-дарках повторили водный маршрут Ермака. Экспедиция «Путями зем-лепроходцев» была организована журналом «Турист», в ее составе: О. Герасименко, И. Пюрковский, Н. Сальникова, В. Сальников, В. Ко-валенко и другие. Маршрут начи-нался в городе Чусовской с осмотра

музея Ермака, который основал директор школы Леонард Дмитриевич Постников в 1985 году.

В Кунгурской летописи о Ермаке сказано: «Тяжелые суда покинула на Серебрянке и легкие струги таскали через волок на Тагил-реку».

У подножья Медведь-Камня экспедиция 1985 года организовала лагерь. Один из ее участников, Игорь Пюрковский, привез с Украины две памятные доски, где высечены слова: «Дружине Ермака, русским землепроходцам – открывателям Сибири – благодарные потомки. Экспедиция журнала «Турист» – 1985 – Киев».

На противоположном берегу, чуть вверх по реке, стоянка первопроходца Ермака, так называемое «Ермаково городище», памятник материальной культуры конца XVI века. Здесь находилось становище дружины Ермака, в 1582 году он с дружиной отправился на завоевание Сибири и проплыл по реке Серебрянке, перейдя Уральский хребет, перетащив на себе легкие струги, и сплавился по рекам Баранча, Тагил, Тура, и достиг устья Иртыша, – места гибели. «Серебряной реки шел по реке до Боранчука волоком и суды на себе волокли, а рекою Боранчуком вниз в реку Тагил, а Тагилом реки плыли же в Туру реку», – говорилось в донесении Ивану Грозному. Так было положено начало колонизации Сибири.

На горе Медведь-Камень в 1940-е годы проводил раскопки археолог О.Н. Бадер, а позднее археологи Нижнетагильского краеведческого музея. На стоянке «Ермаково городище» были обнаружены следы построек. Глиняная посуда, наконечники стрел, железные изделия – всего около пяти тысяч находок, которые относятся к концу XVI века.

В конце 1980-х годов памятный знак – деревянную скульптуру дружине Ермака – горе-туристы подожгли. Не следует забывать, что исследование и покорение Медведь-Камня связано с многочисленными трагическими случаями.

Высота горы – всего 294 метра над уровнем моря. Медведь-Камень составляет северную вершину Гулящих гор, протянувшихся вдоль реки Тагил. К югу от Медведь-Камня

возвышаются Заячья и Лебяжнинская горы. Медведь-Камень – это естественный памятник природы, представляющий из себя живописную скалу, останец, состоящий из каменных пород-сионитов, в разрезе имеющий розовый цвет. Это еще и археологический памятник. Здесь, на южной окраине горы, обнаружены места стоянки древнего человека.

Мы на горе!

После нелегкого подъема мы на вершине горы. В этот день белая мгла застелила окрестные дали, видно только, как внизу чернеющей лентой петляет река Тагил среди белоснежных полей и коротких отрезков леса. С высоты необыкновенно смотрятся верхушки деревьев. Кто-то из детей звонит домой и с радостью сообщает:

– Мы на горе!

Кто-то залезает на металлическую вышку.

Каждый выходной день на гору идут люди. Вот и нынче на вершине пересеклись три группы учащихся – Нижнетагильской школы № 138 и Николопавловской № 5. Жители Нижнего Тагила часто посещают гору Медведь-Камень. Как правило, за один день – несколько туристических групп. Количество оставленного туристами мусора не убывает, и потому вопрос, кто возьмет уникальный памятник природы под охрану, с каждым годом встает все более остро.

В солнечную погоду с вершины открываются просторы Уральских гор. Прямо – гора Евстюниха, где находится

шахтная вышка Евстюнинского железного рудника, который работает с 1902 года. Одиноко возвышается гора Баклушина, чуть к северу видны гора Толстая, Кудрявый Камень и гора Синяя. На северо-востоке возвышается лесистая гора Липовая. Уральский писатель Мамин-Сибиряк заметил: «Вообще окрестности Тагила принадлежат к самым живописным во всем Среднем Урале, а виды с белой горы и с Медведь-Камня замечательны по своей красоте...»

С вершины спускаемся уже с северной стороны горы и у реки устроиваем привал. Все дети, впервые побывав на Медведь-Камне, решили, что обязательно вернуться в этот очаровательный уголок природы, взяв с собой удочки.

Привели стоянку в порядок, потушили костры и отправились в обратный путь вдоль реки Тагил. Оказывается, здесь есть висячая переправа на противоположный берег из двух натянутых тросов. По ней переправились через реку нижнетагильские школьники, чтобы напрямую выйти к остановке «Площадка 346 км».

С первых туристических походов детям прививается любовь к родному краю, стремление к познанию истории и культуры в естественных условиях природы. И этот день запомнился надолго, потому что ребята преодолели себя. Продолжительный переход, непростой подъем на вершину горы и увиденная красота природы способствуют воспитанию любознательности и волевых качеств. Получить удовольствие от похода не помешала даже ненастная погода.

Сказка о попе и мужике

Жил мужик у попа в соседях. У него избеночка худенькая, одни сенцы и клетки нет, а жена у него хорошая, баская. А поп и зарится на нее, на молодую, и ходит к ней, и говорит: «Ты согласишься со мной..., дак я вас домом награжу». Она не может отбиться от попа, и сказала мужу: «Что это, муж, я не рада стала попу. Одолел уже меня, не знаю, как и быть?» И говорит муж: «Хозяйка! Не можешь ли обмануть попа? Не заманить ли попа в бочку? У нас в сенях-то бочка, возьмем, нагребем в бочку-то сажи, насыплем больше, не сядет ли он в нее?»

Запряг мужик лошаденку и поехал по дрова, уехал недалеко. Поп в окно и глядит, оболосся да и пошел к соседке в гости. Пришел да и зачал опять хозяйке: да-

вай да и только. А она отбивается, маленько я поправлюсь, муж ведь долго будет, уехал по дрова. Я же кровать сделаю, неужели на полу? Она постель постлала, он и разболосся. Тулуп с себя снял и лег на постелю в одной рубашке, ее торопит.

Она в окно глядит, а муж-то и едет. Жена подходит к кровати-то, и говорит: «Мужик вдруг приехал! Батюшка! Куды я тебя деваю? Выскочи в сени, сядь в бочку, посиди. Он ведь скоро уедет, видно, чево забыл». Поп соскочил да и в бочку. «А тулуп-от куда? Я в голбец спущу».

А мужик прибежал в избу да матерится: «Ступай скорей, пособляй мне». У бочки закрыл потником дыру-то, веревкой упутал. «Ступай скорей, потащим бочку».

Взял бочку и на сани положил. Прихватил с собой сошник да оглобли и приехал на озеро. Выдолбил дыру-прорубь и сел возле нее, а сошник спустил в воду; в руках оглоблю-то держит. Едет мимо-то становой. Посылает ямщика, спроси-ко, чево мужик делает? Ямщик прибежал, спрашивает: «Чево, мужик, делаешь?» — «Чертей ужу». — «Да как ты их удишь?» — «Я вот сошник спущу, клюнет, дак не сорвется, все вытащу. Вот уже одного выудил». — «Где он у тебя?», — говорит. «А вон в бочке».

И пришел ямщик к становому. Спрашивает становой: «Что мужик делает?» Он бает: «Чертей ужу, одного выудил уже, охота другова или еще парочку». — «Я пойду, посмотрю, может, покажет

Священник-математик

В прошедшем году исполнилось 180 лет со дня рождения Ивана Михеевича Первушина. Он родился в поселке Лысьвенского завода Пермской губернии. Обучался в Перми в духовном училище и семинарии, потом в Казанской духовной академии, где и окончил полный курс со степенью кандидата богословия.

Сначала недолго преподавал математику в Пермской семинарии, но вскоре ушел в приходские священники. Место получил в селе Замараеве Шадринского уезда и прослужил 30 лет. Жил в деревенской глуши в полной неизвестности, но был по-своему счастлив.

Прирожденный математик, Первушин почти весь свой досуг употреблял на занятие ею. Переписывался со многими известными учеными по этой специальности, много читал, выписывал книги и журналы и даже сделал важные открытия в теории чисел, за которые был избран в члены-корреспонденты Петербургской, Парижской и Неаполитанской Академий наук. Его непосредственное начальство вспомнило о нем только тогда, когда о нем заговорили в ученых сферах Петербурга как о сильном математическом таланте. Он представил в Академию наук письменное сообщение о теореме Ферма и открытии так называемого «Первушинского числа» — 2305843009213693951 (простое число, которое имеет лишь два делителя — 1 и само это число)! Тогда Первушин был переведен по службе в Шадринск, где он, однако, прослужил недолго, получив назначение вновь в деревню, на этот раз в село Мехонское Шадринского уезда. Здесь он прослужил еще лет 20 и скончался 29 июня 1900 года.

В историю И.М. Первушин вошел как священник-математик. Но нужно отметить и еще одну грань его таланта. Иван Михеевич выпускал рукописный журнал «Шадринский вестник», в который записывал математические выкладки, приметы крестьянского быта, фольклор: сказки и стихи. Больше о Первушине можно узнать, прочитав статью Давида Фаермарка «В плену у чисел» («Уральский следопыт», 1978. № 6).

Предлагаю читателям «Сказку о попе и мужике» из рукописного журнала «Шадринский вестник», который сохранился в единственной сшитой книжке в Государственном архиве Свердловской области.

Владимир ТРУСОВ.

черта. Какие черти, посмотреть надобно». Вот какой худой ум у станового!

И пошел становой, пришел и говорит: «Покажи-ко, дячка, мне черта!» Муж говорит: «Нет, нельзя казать, выскочит». — «Возьми, — говорит, — сто рублей да покажи». Мужик не кажет. «Двести возьми, да покажи». Не кажет. «Триста возьми, покажи-таки черта». Мужик маленько отвязал, дырочку сделал. Взглянул становой в бочку и отскочил: «Совсем поп, — говорит, — волосы-то долги, весь черный». А поп в саже усыпался!

Становой бежит к повозке-то, перепугался. А хозяйка-то станового и говорит: «Я бы посмотрела». — «А даром не кажет. Я ведь триста отдал». — «Ну, хозяин! Разве у нас денег нет? Я пойду, посмотрю, отдам триста». Сама и пошла. «Дядюшка! Дядюшка! Покажи мне черта». — «Да я ведь даром-то не кажу, давай и ты триста». Она отдала ему триста опять. Он взял, открыл. Она и взглянула, и испужалась: «Ой! Совсем поп!» И побежала от бочки-то. Мужик взял да развязал веревку и сказал: «Убирайся скорее, косматой!» Поп выскочил да и побежал к становому, а они погнались, испужались, думают, черт за ними бежит, угнали. А поп домой рад убраться.

Прибежал, вымылся, вычеределся, дома молчит, ничево не бает.

Мужик приехал, говорит: «Ну, хорошо, Бог дал: шестьсот рублей, взяли». Утром на другой день встал, надел попов тулуп и пошел к обедне. Люди-то глядят и говорят: «На мужике-то ровно попов тулуп-то». А поп, видать, и говорить не смеет, что мой. На другой день пошел сосед в гости к попу в тулупе, праздник ведь. Попадья и говорит: «Поп, ровно наш тулуп-то на мужике-то!» — «Что ты говоришь? Ужели у нас одних тулупы-те?»

Мужик в тулупе богатея, а на денежки пирует, гуляет, да мало и думает.

20 декабря 1860 г.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

В

ВОЛКОНСКАЯ Е. Г.

Авт. труда «Род князей Волконских» (СПб., 1900). Венгеров. Источ.

ВОЛКОНСКАЯ, кн. Екатерина Алексеевна (урожд. Мельгунова; 1770 — 1853), переводчица, писательница.

Жена ген.-лейт. Д. П. Волконского. Родственница кн. П. М. Волконского, нач. гл. штаба. Была знакома с писателем А. Ф. Воейковым. Письма к ней Воейкова напеч. в «Библиографических записках» Афанасьева за 1858 г. (№ 9). Образованная и уважаемая в обществе, она содерж. лит. кружок в Рязани. Авт. ст. «Речь о влиянии женщин на изящные искусства» \\ Вестн. Европы. 1810. № 4.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; «Записки человека».

ВОЛКОНСКАЯ, княжна Е. М.

Авт. повести из гимназ. жизни (СПб., 1910).

Венгеров. Источ.

ВОЛКОНСКАЯ, кн. Екатерина Михайловна (1774 — 1834), переводчица.

Жена ген.-адъют. С. А. Кожина. Переводила вместе с сестрой Анной Мих. (см). О ней: Дамский журнал. 1830. Ч. 30. № 13 и 21.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сводный каталог.

ВОЛКОНСКАЯ, кн. Екатерина Петровна (— ок. 1816), переводчица.

Пер. с франц. пьесу «Томас Джон или найденыш», которую играли в первый раз в домашнем театре ее отца в Москве «собственными его певцами и певицами» (1820-30 гг.)

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВОЛКОНСКАЯ Елизавета, кн.

Приним. участие в журн. «Собрание новостей на 1775 и 1776 годы...» Сопиков, ч. 111, с. 25.

ВОЛКОНСКАЯ Елизавета Григорьевна (1838 — 1897).

Жена М. С. Волконского, члена Гос. совета, сына декабриста С. Г. Волконского. Писала по церковной истории. «О церкви». Берлин, 1888.

Венгеров. Источ.; Российский архив. 11-111.

ВОЛКОНСКАЯ Зинаида Александровна, княгиня (урожд. княжна Белосельская-Белозерская; 1789 — 1862), поэтесса, прозаик (писала на франц., русск., итал. яз.); держательница лит. салона.

Отец В. — русский посланник в Дрездене и Турине, писатель дал дочери блестящее дом. образование, включ. знание осн. европ. языков, а также литературы, истории, философии, искусства. Знатность и красота в сочетании с образованностью обеспечили В. внимание двора. Она дружит с Александром 1 (опубл. его письма к В., а также ее соч. «Последние дни жизни Александра 1». После загранич. походов с мужем Н. Г. Волконским (братом декабриста С. Г. Волконского) В. уезжает в Одессу; дом В. становится центром духовной жизни. Впрочем, так было везде, где жила В. Она пристально интересуется русским искусством и Россией как объектом европ. культурной экспансии. С этим соседствует понимание самостоят. ценности традиций русской духовности. Сам образ «Северной Каролины» в глазах современников становится своего рода художественным явлением. Это отразилось в многочисл. стихотв. посвящениях ей: Д. В. Веневитинова, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, И. И. Козлова, А. Мицкевича. Литературный салон «княгини Зенеиды» в Москве в 20-х годах стал заметным культурным явлением. (См. Сайкина Н. В. Московский лит. салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005). В 40-х гг., приняв католичество, В. постоянно живет в Риме, где устраивает сад, посвященный воспоминаниям о великих спутниках своей жизни. Пребывая за границей, В. сотрудничает в русской печати, публикует стихи, путевые записки, поэму в прозе «Сказание об Ольге» и др. соч. Сotr. в альм. «Денница» (1830) — Кн. З. В.; «Сев. Цветы» (1825) — П... й. В 1865 г. в Париже вышли «Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной княжны Белосельской». О ней: Белозерская Н. А. Княгиня З. А. Волконская \\ Историч. вестн.. 1897. № 3, 4; Гаррис М. А. Кн. Зинаида Волконская и ее время. М., 1916.

Русские писатели (портр); КЛЭ; Слов. рус. писательниц; Масанов; Розанов. (Начало в №1, 2005 г. Продолжение на стр. 55)

Фото: В. БАЙДУКОВА

Строительство нового знака «Европа – Азия» на г. Березовая затянулось

«Уральский следопыт» в отчете об экспедиции по столбам на границе Европы–Азии (читайте «УС» №10 от 2007 года), писал о том, что старейший пограничный монумент – на горе Березовой, в двух километрах от Первоуральска демонтирован и на его месте возводится новый.

Строительство обещали закончить к началу декабря, однако, побывав в феврале на том месте, где уже должна находиться, если верить заявлениям властей, стела, созданная по образу и подобию Александрийского столба, мы обнаружили, что до завершения работ еще далеко.

Знаковое для истории всего Урала место, объект, некогда самый посещаемый иностранными туристами, сейчас может скорее испугать, нежели привлечь хотя бы одного посетителя. Слегка накренившаяся труба, частично облицованный мрамором постамент – вот все, что мы пока видим на месте исторического памятника.

Евгений ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 8]

Тема пятая. Биология

От школьных уроков биологии в головах большинства остается только знание о том, что живой организм состоит из клеток, в которых присутствуют гены. Не соседские алкоголики Гены, мирные в быту и буйные в пьяном виде, а микроскопические фиговинки, таинственные и могущественные, но при этом донельзя капризные. Стоит их только чуть-чуть рассердить – выпить стакан уксуса, скушать генетически модифицированной картошки или слегка облучиться инопланетными лучами, как случится непоправимое. То ли рога на макушке вырастут (разве не гены виноваты в адюльтерах?), то ли зубы с когтями на полметра вымахают, а голова, наоборот, скукожится, то ли вообще паутина из разных неприличных мест сочнется начнет, побуждая сигать по небоскрегам аки мартышку наскипидаренную... Что же, давайте разбираться.

Черепашки-мутанты-ниндзя и их крыс-учитель – персонажи известного мультсериала – являются проявлением того самого страха перед мутациями. Собственно, это воплощенный штамп, который может служить иллюстрацией к учебнику: тяпнул сто грамм какой-нибудь гадости – и вот ты уже не человек (черепашка, огурец), а нечто двуногоходящее, слизисто-бородавчатое и донельзя неприятное на вид. Возможно ли такое?

Внешний вид (фенотип) существа определяется в конечном итоге его генотипом, т.е. совокупностью полученных от родителей генов. Окружающая среда может оказать влияние на внешность только в относительно короткий период начального формирования/развития организма. При этом влияние может оказаться лишь отрицательным, в результате чего вместо нормального существа получится нелепый уродец. Любые нарушения естественного развития приводят к нарушениям внутренней гармонии организма, болезням и ранней смерти (зачастую еще до рождения). Примером тому могут служить юные профессиональные спортсмены, которые, накачиваясь стимуляторами в надежде достичь лучших результатов, еще до совершеннолетия

приобретают целый букет болезней – от сердечной недостаточности до пожизненной импотенции.

Причина – в устройстве генома. Каждая клетка живет по строго заданной программе, регулируемой однозначным кодированием ДНК. Современной генетике мало что известно об этом кодировании, и вопросов в этой области не в пример больше, чем ответов. Однако ясно одно: грубое вмешательство приводит к тому, что программа начинает идти вразнос. В живом организме постоянно гибнут клетки из-за нарушения функционирования их генетического аппарата. Существуют естественные механизмы, позволяющие исправлять повреждения ДНК. Например, к таким механизмам относится зеркально-двойная природа самой цепочки, которая позволяет специальным пептидным комплексам восстанавливать одну из цепочек, если вторая осталась неповрежденной. Кроме того, имеет место избыточность кодирования в ДНК, благодаря чему даже невосстановимые повреждения отдельных ее участков не приводят к фатальным последствиям. Но эти механизмы достаточно хрупки и не в состоянии исправить логические ошибки. А ведь любое изменение генотипа, не согласующееся с общей его картиной, и есть такая ошибка. Поэтому любая случайная модификация генома почти гарантированно приведет к гибели живой клетки.

Собственно, мутация и есть повреждение генома на этапе развития. Мутации происходят постоянно под действием самых разнообразных факторов (например, естественного радиационного фона Земли), но удачными оказываются лишь считанные единицы. Неудачливые клетки гибнут. Но даже если зародышевой клетке повезло – она выжила и сумела размножиться согласно новой программе, еще не факт, что включающий ее организм в целом выживет, оказавшись стабильным или просто удачливым в борьбе за существование. Таким образом естественный отбор проходит на двух этапах, и только удача на обеих стадиях приводит к закреплению мутации и передаче ее потомству.

Лотош Евгений Валерьевич. В 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании "Quogus ACS", профессия – системная интеграция. Бесценный ведущий рассылки "Читаем с нами. Литературное обозрение" на Subscribe.ru. Критик, литератор.

Для того чтобы серьезно изменить внешний вид и функциональность организма, и в особенности организма сформировавшегося, необходимо изменить миллионы клеточных программ. Причем изменения должны быть такими, чтобы сыгранный клеточный ансамбль не зазвучал диссонансом. Чтобы случайно избежавшие изменения клетки, следуя изначальной программе, не начали делиться таким образом, чтобы компенсировать недостаток нормальных соседей. Причем серьезные проблемы модифицированному организму может доставить даже одна-единственная клетка. В качестве примера можно привести рак – очень часто его причиной является сбой генетической программы, в результате чего клетка начинает бесконтрольно делиться. В результате ее нормальные соседи просто погибают, задавленные массой злокачественной опухоли. Если же такие клетки, обретающие повышенную подвижность (метастазы), кровотоком переносятся в другие органы тела, это приводит к долгой и мучительной смерти.

Современная генетика не знает способов массовой генетической модификации клеток взрослого организма. Для модификации единичных геномов зародышевых клеток применяются специальные транспортные вирусы, встраивающие нужные последовательности нуклеотидов в нужные места цепочки ДНК. Однако этот способ не годится для изменения организма сформировавшегося – часть клеток останется неизменной просто по теории вероятности, часть сумеет победить чужака, и, возможно, иммунная система организма просто уничтожит все или большую часть впрыснутых вирусов. Возможно, когда-то в будущем наука сумеет создать наноботы, способные проделывать массовые операции с геномами клеток с гарантированным успехом, но до того изменить сформировавшийся организм на генетическом уровне не выйдет. И уж однозначно можно утверждать, что ни один химический состав, независимо от его сложности, равно как и поток сырой энергии, никогда не окажутся способными на такое.

Но помимо сложности с генетическим программированием есть еще и такой фактор, как иммунитет. Иммунная система организма всегда настороже и ищет подлежащих уничтожению чужаков. Иногда ее удается обмануть, но чаще всего – нет. И если даже мутация клеток в организме окажется удачной и позволит ему функционировать и дальше, немедленно последует аутоиммунный ответ. Все силы организма окажутся брошены на уничтожение воспринимающихся как «чужаков» мутантов. В результате либо модифицированная ткань будет съедена лейкоцитами, либо иммунная система истощит себя в бесплодной борьбе, в результате чего организм окажется беззащитным перед внешними инфекциями и быстро погибнет. В качестве иллюстрации можно привести пример с пересадкой тканей. Несмотря на тщательный подбор доноров (желательно близких родственников) реципиентам зачастую до конца жизни приходится сидеть на подавляющих собственную иммунную систему препаратах, не выходя из

стерильных боксов и рискуя умереть от случайного насморка. Другой пример – системная красная волчанка, связанная с разладкой иммунной системы организма и приводящая к серьезному поражению внутренних органов (сердца, легких и т.д.).

Таким образом, генетическая модификация взрослого организма практически невозможна. Единственный реальный выход – это модифицировать оплодотворенную яйцеклетку или зиготу на ранних этапах развития, но и здесь успех никто не гарантирует.

Генетическая память. Она является весьма распространенным явлением в фантастике. Предполагается, что те замечательные картинки падения, которые мы видим во сне, принадлежат нашему сорвавшемуся с дерева далекому предку, успевшему таки в полете ухватиться за ветку. Ну, а если человеку приснился парадный выезд Е.И.В. Николая I со свитой, то этот видеоролик совершенно определенно свидетельствует о бла-ародном происхождении его пра-пра... дедушки.

Это также глупость. Во-первых, в человеческом геноме просто нет места для хранения сколь-нибудь значащих объемов посторонней информации. Ну да, он обширен, но и хранится там немало. Во-вторых, геном половых клеток человека (гоноцитов) формируется еще до его рождения, после чего остается неизменным. Так что в организме просто отсутствует физическая возможность записи туда дополнительной информации на этапе сознательного существования. Разумеется, этот геном может оказаться поврежденным под влиянием разных факторов, но это именно повреждение, обычно делающее яйцеклетку или произведенные сперматозоиды нежизнеспособными.

На самом деле в подобного рода спекуляциях (причем не только в фантастике, но и в жизни) за родовую память выдают образы, генерируемые мозгом в результате ночных сновидений на базе накопленного за день материала. Мозг устроен таким образом, что собирает информацию во время бодрствования, а обрабатывает во время сна. Именно из-за этого не спать для человека просто невозможно: банально переполняются приемные буферы, если использовать компьютерную терминологию. Переработка информации приводит к возникновению снов, которые, кстати, видят все без исключения, но некоторые просто не помнят. И образы при этой переработке могут возникать самые разные, в том числе – с участием базовых рефлексов и инстинктов наподобие хватательного или высотобоязни. Но инстинкт – это не память.

Перейдем к генетически модифицированным растениям. Современные протесты против них, если отбросить чисто маркетинговые ходы со стороны «традиционных» производителей, сводятся к следующим пунктам.

Первый – это опасность контакта человеческого организма с модифицированными геномами таких растений. В чем опасность этого контакта, не расшифровывается. Опасность получить довесок к своим собственным генам, разумеется, является совершенно бредовой и высосанной из пальца. Помимо того, что

написано чуть выше, нужно помнить, что человеческий (и не только) организм постоянно пропускает через свой кишечник массу животного и растительного генетического материала. И ничего – стручки и шерсть на нас расти пока еще не начали. И не вырастут – все, что попадает в наш желудок, в процессе пищеварения расщепляется на простейшие составляющие. У сложнейшей гигантской молекулы ДНК примерно столько же шансов попасть из кишечника в кровь неповрежденной, сколько у куска льда в доменной печи – дожить до следующего рассвета. Если провести грубую аналогию, то бессмысленно сыпать запчасти в бензобак – они все равно не встроится в карбюратор и подвеску.

Вторая опасность, более реальная, заключается в опасности бесконтрольного распространения генетически модифицированных растений. Скажем, модифицируют культурную картошку генами чертополоха для повышенной устойчивости к вредителям, а получают в результате сверхплодовый чертополох, устойчивый к пестицидам. Ну, а он возьмет да и заполонит колхозные поля, сведя на нет и без того тощие, на уровне тринадцатого года, российские картофельные урожаи. В таких опасениях, нужно признаться, есть доля истины. Однако не совсем понятно, как такие растения окажутся способными покинуть стены лаборатории. Вряд ли они вообще протянут дольше, чем лаборанту потребуется осознать, что он в очередной раз напортил с реагентами. Ну, а печку даже сто раз модифицированное растение не переживет, если только у него в роду не найдется неопалимой купины. В общем, техника безопасности наподобие той, что применяется при работе с инфекционными агентами, гарантированно исключит такие прорывы.

Наконец, есть опасения, что модифицированные белки окажут негативное влияние на человеческий организм – например вызовут ужасную аллергию. Но уж здесь-то никто не мешает организовать предварительное тестирование и забраковать негодную продукцию теми же методами, что и лекарства.

Все нынешние баталии вокруг генных продуктов вызваны исключительно конкуренцией «старых» и «новых» методов производства. В производство «традиционной» с/х продукции вложены большие деньги, и сдаваться без боя их владельцы не хотят. Вот и появляются бредовые «исследования» о вреде модифицированных продуктов. «Прогрессисты», разумеется, в долгу не остаются – они тоже вложили деньги и твердо намерены их окупить. В результате же торговых войн у простых потребителей формируются черт знает какие представления о генетике в целом и модифицированных продуктах в частности. При всем при том куда более актуальным темам вроде массированного применения антибиотиков при производстве мясной продукции внимания уделяется заметно меньше.

В следующем выпуске от крупных объектов – растений и животных – мы спустимся на более низкий уровень – к микроорганизмам. И, разумеется, домашнее задание: сколько разновидностей микроорганизмов вы сможете насчитать самостоятельно?

(Продолжение следует)

ВОЛКОНСКАЯ Мария Васильевна

(См. Маривэ К.)

ВОЛКОНСКАЯ Мария Николаевна, княгиня (урожд. Раевская; 1805 — 1863), мемуаристка.

Жена декабриста С. Г. Волконского. Отец В. — герой Отеч. войны Н. Н. Раевский, мать, Софья Ал. Раевская — внучка М. В. Ломоносова; братья Александр и Николай — друзья А. С. Пушкина. В 1820-м познакомилась с Пушкиным, о встречах с кот. рассказала в «Записках». Нек. исследователи видели в ней предмет «утаенной любви» поэта. Одна из первых среди жен декабристов последовала за осужденным мужем в Сибирь, прожила там почти 30 лет, принимала участие в судьбе декабристов, занималась благотворительностью. Живя на поселении в Иркутске, сделала свой дом первым салоном в городе. Оставила «Записки» (на франц. яз) — с условием, чтобы они не выходили за пределы семьи. Переведенные на рус. яз. ее внучкой Мар. Мих., были изданы ее сыном Мих. Серг. в 1904 г. в Петербурге параллельно на обоих языках с предисл. и обширным комментарием. Мемуары В. явились одновременно историч. и худож. -публицистическим произведением. «Письма М. Н. Волконской из Сибири. 1827-1831 гг.» \ \ Русские пропилеи. М., 1915. Т. 1. О ней и ее воспоминаниях — «Ист. Вестн.», 1914, № 8; Попова О. История жизни М. Н. Волконской \ \ Звенья. М. -Л., 1934. № 3-4; Цявловская Т. Г. Мария Волконская и Пушкин. \ \ Прометей. 1966. № 1 (портр).

Русские писатели (портр); Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 5. Ч. 1. № 44, 45.

ВОЛКОНСКАЯ Н.

Сотр. «Нов. Лит.» (1825).

Венгеров. Источ.

ВОЛКОНСКАЯ Н., переводчица с франц.

Пер. под ред. Д. А. Коробчевского Г. де Сегюр «На краю света (Год в Новой Зеландии)». СПб., 1903. У Алексеева А. Д. значится Волконская Н. П. (урожд. Столыпина), авт. кн. «Песни: Стихотв. в прозе». Мюнхен, тип. В. Ольденбург, 192?.

Венгеров. Источ.

ВОЛКОНСКАЯ Софья Алексеевна, кн. (урожд. гр. Бобринская, в 1-м браке кн. Долгорукова; 1887 — 1949), писательница, авт. воспоминаний.

Врач-хирург (1914-1918). С 1920 г. — в эмиграции. «Горе побежденным: Воспоминания». Париж, 1934 (Май 1919 — 1921. Переход русско-финляндской границы с целью розыска дочери. Встреча с нею в Лондоне. Жизнь в Москве в семье С. М. Волконского, хлопоты по освобождению мужа, кн. П. П. Волконского из тюрьмы. Обращение за помощью к М. Горькому и Л. Б. Красину. Освобождение Волконского. Переезд в Петроград. Работа врачом в красноармейском лазарете и в Петрокоммуне. Включение Волконских в список эстонских репатриантов. Выезд в Эстонию.) О ней: А. А. Лампе. «Подвиг светлейшей княгини С. А. Волконской». — Лампе А. А. Пути верных: Сб. ст. Париж, 1960, с. 187-192.

Кн. рус. зарубежья.

ВОЛКОНСКАЯ Т. В., авт. воспоминаний.

Участница движения Сопротивления во Франции. Оставила воспоминания «Лагерь Равенсбрюк» \ \ Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. — Париж, 1947. № 2. С. 50-61.

РРЭВД. 3.

ВОЛНУХИНА Е. С., авт. воспоминаний.

«Светлой памяти наставницы и друга» (вместе с Н. Л. Жуковской и О. И. Гавриловой) — В кн. «Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской». М., 1916, с. 113-119.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4390.

(Продолжение на стр. 73)

Эффект скрипа

Николай в то лето решил сделать три путешествия по святым уральским местам. Он ездил и ставил свечи в храмах за здоровье своих больных родственников.

Первая поездка совершена в Верхотурье к мощам святого праведного Симеона. Второй выезд был на Белую гору, которая находится недалеко от Кунгура, в Свято-Николаевском мужском монастыре свечи поставлены у чудотворной иконы Белогорской Казанской Божьей Матери. И вот третье паломничество в Челябинскую область, в деревню Чудиново.

В субботний день автобус с богомольцами спокойно «бежал» от Екатеринбурга на юг. На соседнем месте оказалась молодая девушка. После часа молчания она первая предложила познакомиться. Ее звали Надей.

— О чем думаете, Николай? — спросила Надежда.

— Да вот, пьесу сочинил, которая через несколько лет будет признана гениальной, — ответил парень.

— Как-то сразу же вы меня заинтересовали, — заерзала на сиденье соседка, — о чем пьеса?

— Пьеса называется «Эффект скрипа», — Николай начал рассказывать.

На сцене установлена только одна дверь. К ней подходят наркоманы: парень с девушкой. Дверь со скрипом открывается, парочка проходит через нее. Минут через пять молодежь обратно выходит через скрипучую дверь.

— Задолбал меня этот скрип, — говорит юноша.

— И меня задолбал, — повторила его спутница.

— Все, я избавился от наркотической зависимости, — громко кричит парень.

— И я тоже, — радуется девушка.

Они обнимаются и весело уходят со сцены.

Зрители еще час сидят на своих местах, так как у них были приобретены билеты. Они думают о смысле пьесы и только после этого покидают зал.

— А в чем же гениальность пьесы? — спрашивает Надя.

— На сочинение пьесы меня подтолкнула картина Малевича «Черный квадрат», — начал объяснять собеседник. — Возможно, однажды у художника не хватило воображения что-либо нарисовать, или же что-то намалевал, но ему не понравилось, и поэтому он закрасил рисунок в черный квадрат. Как-то когда-то и где-то кто-то напутал, и вывесили картину с квадратом на выставку. Замалеванное изображение под видом «Черного квадрата» увидел душевнобольной человек и первым выдвинул идею о гениальности картины. Эхо разнесло по всему миру новость. После этого случая и пошло гулять выражение: «Гениальное всегда просто».

Вот и моя пьеса проста, но гениальна. Здесь под действием скрипа происходит избавление от наркотической зависимости. Определенно у пьесы есть оздоровительный эффект. На сцене скрип имеет заданную частоту распространения, он действует у наркоманов на левое полушарие головного мозга. А затем левая часть головы дает команду правому полушарию на излечение. Эффект скрипа в дальнейшем получит широкое распространение, но только нужно для каждого человека определять частоту скрипа индивидуально. Вот поэтому новейшая разработка пока не имеет всеобщего успеха.

— Мне остается пожелать, чтобы твоя пьеса была бы поставлена не только в России, но и в других

городах мира, — серьезно ответила Надя.

Некоторое время Надежда и Николай молчали. Девушка возобновила беседу:

— Коля, расскажи еще какую-нибудь историю.

И тут парень, повернувшись к соседке, начал шептать: «Информация секретная, и поэтому прошу об услышанном больше никому не говорить».

Коэффициент наклона

В начале 1980-х годов в Свердловске создали НИИ (научно-исследовательский институт) «Накпромжилсоцбурпристрой» по проектированию наклонных объектов. Первым проектом стала телевизионная башня. Она стала бы самым высоким падающим сооружением в мире и вошла бы в Книгу рекордов Гиннеса, чем навеки привлекла бы туристов со всей планеты. Так как опыта строительства таких высотных строений не было — решили идти экспериментальным путем. Время даром не теряли. Стали сооружать, а потом думать. Предполагалось возвести монолитную бетонную башню, а уж затем ее подкосить. Рассматривалось два варианта: с помощью подкопа или уклона тросами. Первый вариант отпал сам собой как экономически не выгодный — пришлось бы копать яму, неизвестно на какую глубину, а затем уже под действием собственного веса она сама бы наклонилась. Решили остановиться на наклоне с помощью тросов. Были спроектированы впервые в истории строительства приспособления (на них получен патент), которые крепятся на макушке башни и через них пропускаются тросы. Затем две или три, а может и больше, 500-тонные лебедки медленно миллиметр за

миллиметром совершают наклон телебашни.

Пару десятилетий строительство не велось из-за того, что не могли окончательно рассчитать и утвердить угол наклона падающей телебашни. Вся загвоздка находилась в формуле расчета, в ней нужно было правильно определить коэффициент наклона. Пробовали число «пи» — не подошло, число «мю» — не проходило, число «хр» (по-английски «икспи», а по-русски «хрен знает») — также не соответствовало требованиям. Но когда люди упорно бьются, то всегда добиваются успеха. Все же был успешно найден коэффициент наклона, он держится в тайне, и даже обозначение буквой является секретной информацией. В дальнейшем коэффициент наклона планируется использовать в расчетах при планировании межпланетных космических полетов.

Тем не менее НИИ «Накпромжилсоцбурпристрой» все время существовал и сделал несколько проектов высотных наклонных зданий различной хозяйственной надобности. Все результаты архитектурно-планировочной работы НИИ находились на макете. Но в период перестройки Горбачева и борьбы с пьянством кто-то, увидав макет с высотными наклонными сооружениями, подал нелепую мысль, что такие здания могут построить только пьяные строители, и поэтому произошла задержка в строительстве телебашни.

Затем по инициативе счетной палаты в Госдуме принято решение достроить падающую телебашню. Осталось уточнить: в какую сторону делать наклон башни. В Москве говорят, что нужно наклонять влево, а местные власти настаивают на правостороннем крене. В ближайшее время разрешится и этот вопрос с наклоном, и наконец-то появится восьмое чудо света.

Чудиново — от слова «чудо»

Время подходило к полудню. Автобус въехал в Челябинск.

Южноуральский областной центр нужно пересечь с севера на

юг и выехать на дорогу, ведущую в Чудиново. Но случилась заминка. Хотя у шофера и был под рукой атлас с планом улиц Челябинска, он умудрился три часа кататься туда-сюда, словно кто-то не выпускал транспорт с богомольцами из города. Автобус то вставал не в тот ряд, то поворачивал не там, где нужно.

Неожиданно кто-то громко сказал:

— Это нас Евдокия к себе не пускает. Нужно читать молитвы!

Паломники дружно пропели несколько молитв, автобус вырвался из объятий Челябинска и благополучно добрался до деревни Чудиново.

Это небольшое поселение в Челябинской области знаменито святой могилкой Дунюшки. Евдо-

кия Чудиновская родилась в 1870 и умерла в 1948 году. Она была предсказательницей, сейчас бы мы назвали ее ясновидящей, экстрасенсом. Своими советами помогала людям избавиться от дурных действий, наговоров, болезней, спасала человеческие души.

В благодарность люди деревню Ячмёнку, в которой долгое время жила Дуня, переименовали в Чудиново после следующих событий.

Когда Дуня была еще девушкой, возле Ячмёнки в пещере поселился божий человек, отшельник. Дуняша познакомилась с ним. Однажды богоугодник признался, что раньше в миру он был женщиной. Они стали дружить и часто видятся.

Но по селу прокатилась недобрая молва. Будто бы Евдокия с отшельником неспроста. И даже сообщили губернскому начальству, что она сотворила грех и соблазн. Из города приехал исправник и зачитал в селении донос. Дуня оправдывалась, но ей не поверили. Дело происходило зимой. Исправник приказал пытать девушку водой, обливая с головы до ног. На Дунюшку было вылито сорок ведер воды. Платье покрылось ледяной коркой, босые ноги примерзали ко льду. Чуть живое тело принесли домой и положили согреться. Дуня пришла во здравие и проговорила: «Слава Богу! Мать Божья все это время мне помогала и сердце согревала». После того случая и стали деревню называть Чудиново — от слова чудо.

Сказание о Евдокии Чудиновской

Много совершилось различных историй в жизни Евдокии. Но особенно запоминается повествование, опубликованное в книге Алексея Степановича Бережного «Сказание о Евдокии Чудиновской».

«Накануне весеннего дня Святителя Николая сельчане торопились управиться с делами, чтобы успеть к всенощной. Спешила и Дунюшка прибрать хозяйский двор и избу. Вдруг услышала голос, назвавший ее. Взглянула... у двери стоит странник. В холщевой рубахе, в новых лаптях, с пустой сумой через плечо. А в руках посох.

«Бог в помощь, раба Божья, — сказал он, — устала, небось, сиротка. Пора в Божий храм идти». — А сам легким шагом прошел в горницу, оставляя четкие следы на половике. Пройдя в красный угол, зажег лампадку.

Дуня в растерянности прошла за ним, спрашивая: «Кто ты, странник? И зачем так смотришь на меня? Ступай с Богом своей дорогой, вот, возьми милостыню», — и подала ему льняное полотно, единственное свое богатство, которое хозяева дома дали ей за работу.

Странник взял холст и застелил им стол. «Пооди сюда, раба Господня. Молись и ляг, твой час настал! Земные страдания твои окончены, Господь меня за тобой послал».

Хотя и страшно стало Дуне, она покорно подошла. Прочла молитву со слезами и тоской и легла на стол.

А странник воссиял неземным светом, в руках у него оказалась золотая чаша, из которой изливалась благодать. Она поняла, что это сам Святитель Николай, и отошла в мир иной.

На другой день сельчане обнаружили покойницу, слегка удивились, что померла сиротка в одночасье. Обмытую и приодетую положили ее в гроб и стали ожидать благословения владыки на отпевание.

На третий день начали отпевать. Перед окончанием отпевания Дуня ожила. На всех напал страх, отбежали от покойницы. Не испугалась только жена священника, она развязала руки, в которых чудесным образом оказался букет райских цветов, которые Дунюшка и подарила попадье.

Евдокия встала из гроба, зашли люди и стали выносить гроб: во главе его встал Святитель Никола, а в конце Дунюшка. А люди Святителя не видят, одну только Дунюшку.

Гроб этот три года стоял в амбаре, в него насыпали рожь, пшеницу и другие культуры и раздавали из него нищим. А потом умер хозяин дома и в этом гробу похоронили его.

Рай и ад

Память Евдокии сохранила многое из того, что ей показали и рассказали в мире ином. Особенно чувство безысходной тоски и душевной муки, исходившее от грешников. Она рассказывала, что, когда ее привели на поклон к Богу, на него невозможно было смотреть — такое сильное сияние и красота исходили от Него. Когда она вернулась на землю, то и

солнечный день ей показался ночью.

Дунюшке показывали райские обитатели, сады, обитателей рая. Ей не хотелось возвращаться оттуда. Там показали ей приготовленные места для еще живущих на земле, но не велели им об этом рассказывать, чтобы не возгордились.

Приготовленные места показали и в аду. Этим, еще жившим, говорить об этом можно было. Видела она свою мать, замороженную по пояс в воде.

Грешники в один голос просили ее: «Рано, чадо, вернись! Молись за нас, сами себе мы здесь ничем помочь не можем! Если бы мы хотя бы один раз в году посещали церковь и принимали Святое Причастие, нам было бы легче здесь».

Рассказывала она потом и о мытарствах, ожидающих душу на пути к Богу. Например. Лежат две жердочки, по которым надо пройти. Некоторые падают с первых шагов, иные — дойдя до середины или почти до конца, и только редкие проходят до конца в трепете и страхе. «Старайтесь подать 90 метров ткани на милостыню, — говорила Евдокия, — чтобы ангел постелил их, сделал мостик, по которому легко и пройдете».

Когда она видела мытарства, трепеща от страха, ангел успокаивал ее: «Эти муки не для тебя, не бойся».

В аду все клокотало, кругом стоны и скрежет зубов, вопли со всех сторон и смрад ужасный. Ужас, который она там испытала, живущим на земле невозможно представить.

Там Евдокия обрела знания и умения, которые направляла всю оставшуюся жизнь на исцеление душевных и телесных недугов людей. Она много путешествовала, побывала в Иерусалиме, у Гроба Господня, у мощей Св. Николая, во многих монастырях. Затем долгие годы жила в селе Чудиново с матушкой Ириной, которая опекала Дунюшку до последних дней.

Баба Таня

После прибытия в Чудиново среднеуральские паломники сразу же отправились на могилу Евдокии. Здесь знающие люди объяснили, что делать и как себя вести. На месте захоронения Дуни благодать исходит из земных недр и заряжает целительной силой речной песок и растительное масло. Крышки у емкостей с растительным маслом нужно обязательно открывать, а уж потом устанавливать на место погребения. За многие годы отсюда по стране развезены сотни тонн песка, но его вновь подсыпают в опалубку, и он снова заряжается энергией благодати. Затем, приехав по домам, растительное масло смешивают с песком и прикладывают к больным местам.

Время подбиралось к вечеру. В храме началась церковная служба.

Николай купил и поставил к иконам свечи за здоровье своих родственников. Он приобрел душевное спокойствие после посещения трех святых уральских мест. Парень вышел на крыльцо храма и присел на лавочку, на которой отдыхала старушка.

Завязался разговор. Бабушка оказалась крестницей Евдокии Чудиновской, ее звали Татьяной. Живет она в Челябинске, но знакомые люди часто привозят ее в церковь села Чудиново.

Баба Таня родилась 25 января 1921 года. Когда она была маленькой, случилось несчастье. Нянчившие сестренки убежали от нее. Она ползала на коленках по двору, и гусь клюнул девчонку в глаз. Родители поехали с дочкой к знахарке (не к Дуняше), которая сказала им: «Богом дано. Пусть живет». Так и существует Татьяна на белом свете с одним глазом. Работала в колхозе «12 лет Октября» старшим бухгалтером. Муж был на несколько лет младше. Она всегда была веселой, хорошо готовила и не чаяла души в своих двух сыновьях.

Во время разговора Коли и старушки вышла из храма Надя и тихонько присела на лавку, прижавшись к молодому человеку.

С Дунюшкой баба Таня встречалась много раз. Старушка считает, что Евдокия несколько раз спасала ее жизнь. Последний случай был такой. Несколько лет назад она переходила улицу в Челябинске на зеленый огонек светофора и была сбита автомобилем, но чудом осталась жива.

В течение беседы старушка постоянно приговаривала: «Истинная правда». Когда стали расходиться, благословила Николая и Надежду, пожелала им счастья и в записной книжке девушки оставила запись: «На память с Богом, с миром. Таня. Крестница Леля Дуня».

Наступила ночь. Женщины-паломницы спали на полу в церкви, укрывшись кто чем мог. Николая провел ночь в автобусе. Голова и туловище находились на двух, а ноги на третьем сиденье. Колени висели в проходе «Икаруса».

Утром после богослужения в храме, покупки в магазине растительного масла все отправились на кладбище. Здесь у могилы Евдокии Чудиновской снова состоялась церковная молитва. Напоследок богомольцы запаслись песком с захоронения, закрыли свои бутылки с маслом крышками.

Счастье не украдешь

Программа посещения деревни Чудиново закончилась. Автобус отправился в обратную дорогу.

В «Икарусе» было несколько свободных мест. Водитель оставался в пути и забирал «голосовавших» студентов, ездивших на выходные по деревням к родителям. На одной из остановок Николай купил у одной из торговек пятилитровое ведро яблок. Нашлась в автобусе вода, которую вылили в ведро, и Надежда помыла яблоки. Не-

ожиданно Коля поднял глаза и увидел в окнах «Икаруса» молчаливые лица старушек паломнической поездки. Взгляды их были направлены на молодую пару и ведро с яблоками.

— Что они просили у Бога и Дунюшки? — задумался парень. — А, может, это грусть и зависть о прошедших годах, что они уже больше никогда не будут молодыми.

Но кто-то поторопил молодую пару, напомнил, что нужно ехать дальше и обязательно в тот же день вернуться по домам.

Надежда угостила яблоками всех желающих.

Коля молча ел спелые плоды осени.

«Счастье не украдешь, молодость не вернешь», — крутились эти слова в голове парня. Повернувшись к соседке, Николай сказал: «Выходи за меня замуж и переезжай ко мне жить».

— Могу согласиться только на половину, — молвила девушка.

— Как так? — тихо спросил попутчик.

И тут Надюха рассказала о своей болезни, и о том, почему она ездила к Евдокии Чудиновской за чудесами. У нее была злокачественная опухоль желудка.

— Замуж я за тебя выйти не смогу, а жить вместе согласна, — закончила ответ Надежда на предложение Николая.

Так закончилось путешествие в Челябинскую область. Через три дня Наденька переехала жить к Коленке.

Девушка прикладывала к больному месту Дюняшин песок, смешанный с растительным маслом. Через полгода она проходила медицинское обследование, и обнаружилось, что злокачественная опухоль отсутствует.

Но все-таки здесь нужно обязательно сказать о главной причине излечения. У Николая дома скрипучая кровать. Частота скрипа совпадает с частотой восприимчивости мозга Надежды, и поэтому ее болезнь исчезла. Эффект скрипа — более обоснованное чудо.

Мила МАТВЕЕВА

Разговор с лесом времени

Б. М.

1

В облаке мысли, как дождь, шелестят,
странные сущности, отблески детства:
выплыл сугроб незабвенных котят,
в день мой впаялся и стыл по-соседству.

Чиркает перьями спичек трава,
вот и занялся костер разговора,
лесу любви предъявила права:
лес встрепенулся и выдал мне вора.

Миг, ты украл мой расцвеченный день
и оседлал жеребцов прихотливых!
Времени лес мне оставил лишь тень
пенных минут и моментов игривых.

Празднуй, пляши и гирляндами дум
снова увешай все зонтики веток,
пусть заразной памяти шум
снова листает альбом мой заветный.

2

Свет выпорхнул с перил
и скомкал пальцы,
а день мне подарил
судьбу скитальца.

Как неуютно - навсегда
в едином доме,
живая, мертвая вода
вдруг обездолят?

Среди медлительных следов
рос беспорядок,
и год зажатый был готов
вскопать сеть грядок,

Мила Матвеева родилась в Полевском. Закончила журфак УрГУ. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Автор нескольких коллективных сборников и шести авторских – стихов и прозы. Живет в Екатеринбурге.

и всплеск рассады расселить
в земле отчизны, —
в каком меридиане быть
в рожденья, в тризны?

3

Звенела музыка крови,
и ручеек беседы
струился мирно за овин,
к судьбе оседлой.

С ленивой важностью коров
и родником прохлады
столкнулся снова странствий ров
в кольце рулады.

И, направляя на порог,
те весла из уключин,
я поняла: Единорог —
в кустах колючих.

И редкий символ чистоты
сравнился с солнцем,
а лес воспоминаний стыл
у времени в оконце.

4

Слетала благодать на погост,
и капли ветра
стекали рядом в полный рост,
в просторах света.

Здесь путь у каждого один:
грустить о лете
и в половодье старых льдин
послать приветы

для душ, которые еще
на русле жизни,
среди разрухи и трущоб,
верны отчизне

и, зажимая прах в горсти,
ласкают склоны,
где предки память угостят
теплом червонным.

5

Сиянье дня — все зеркало привычек,
его, как дерево, враз не расщепить,
не обменять на огнеметы спичек,
чтобы понять, в каком пространстве быть.

Сгорают долгополье надежды
в витринах стекол грусти изнутри,
любовь и голод требуют одежды,
когда случайность не перемудрит.

В плаще кленовом, в кофте тополиной
и в шляпке из-под чайного листа
мне было жарко, вечно, кропотливо
прясть нить судьбы и верить неспроста,

что шелк берез мне выдастся на вырост,
а пики гнезд не выключат лица,
когда не горечь, а прогорклый хворост
помогут распознать в пути лжеца.

6

Упал на сердце камень ночи
с водой небесного потока,
потеря снова душу точит
над лесом года одиноко.

А паруса сосновых веток
такую даль приоткрывают,
как будто вечно длится лето,
и чайки отдыха не знают.

Особо та, что Лингвистон
наречена желаньем Божьим,
не над жасминовым кустом —
над океанной пенной ложей,

взмывает, словно чародей,
и за собой иную стаю
ведет: для них полет идей
важней, чем облачность густая...

7

Я каштаны на память дарила,
и в твоей легковерной руке
они рифмами, нимбом парили,
превращаясь в любовный букет.

Ты был прав, ведь без чувства нет жизни:
рвется нить, но упорствует глаз,
по ту сторону, ныне и присно —
и вовеки твой иконостас...

Сейды на Южном Урале

Такие конструкции часто встречаются на Урале на перевалах гор.

Открытие мегалитов острова «Вера» повлекло за собой сообщения о других мегалитических гробницах, находящихся на территории Челябинской области. Конструкции древнейших сооружений типичны и повторяемы на территории всех континентов. Форма зачастую определяется физическими свойствами пород камня, используемыми при их создании.

Я предположил, что на Южном Урале может встретиться мегалит не только уже известной в мире конструкции, но и совершенно новый. Работа на ограниченной территории способом «сплошно-

го осмотра» предполагает и другие неожиданные находки явно неприродного происхождения.

К таким бы я отнес объекты с названием «Пугачева копань». Один такой ландшафтный артефакт есть на территории национального парка «Зюраткуль», другой привязан к горе в границах г. Златоуст. Требуется проверки сообщения о геоглифах района Магнитогорска. Для работы была использована следующая простейшая классификация: менгиры, кромлехи, хенджи, дольмены, таулы, трилиты, каирны, крытые галереи, лабиринты, сейды.

«Повёрнутый камень».

Сейд водоёма «Аргазы».

Расколотый камень.

Камень с шапкой.

Последние многочисленны, поэтому и выявляются наиболее легко. Из других объектов удалось обнаружить, предположительно, кайрн (местное название келейка), расположенный на склоне горы Чулковка, Саткинский район Челябинской области.

Состояние устойчивого равновесия

В 2007 году были обследованы поля останцев вокруг деревни Халитово (Челябинская область); останцы островов озер Большой Кисегач и Аргаз; долины в устье рек Чулышман и Малый Ильгумень (Горный Алтай); комплекс «Побитые камни» (Республика Болгария).

Наиболее полно и подробно вопросы классификации и датировки сейдов по внешней форме освещает петербургский ученый Вячеслав Мизин.

На первом этапе работы, – поиске максимального количества сейдов, было решено воспользоваться методологией этого автора без оглядки на его гипотезы по датировке и культурологической составляющей.

Условно сейды можно разделить на несколько типов:

- 1 – в виде камня с одной стороны приподнятого на булыжник-подставку,
- 2 – камень, полностью поставленный на камни-подставки, количеством от трех до десятков.
- 3 – камень сверху которого установлен один или несколько камней («шапки»),
- 4 – камень на подставках, сверху которого установлено один или несколько камней,

«Приподнятый камень».

Сейд водоёма «Аргаз».

Возможная заготовка для сейда

5 – пирамидка из небольших камней на вершине валуна.

6 – камень установленный на ребро, или узкой частью вниз.

7 – камень, просто неустойчиво поставленный вершиной вниз.

Вячеслав Мизин дает также и определение Сейда. – Это «мегалитическое сооружение представляющее собой валун, поставленный на несколько камней-опор. Отличительный признак сейда – экстремальность, неустойчивость конструкции.

Далее автор разъясняет, что это лишь визуальный эффект – камни на самом деле стоят так с незапамятных времен и нередко в сейсмоопасных районах. То есть, камень был искусственно приведен в состояние неустойчивого равновесия, а затем закреплен подпорками.

Простое сопоставление с объектами, приведенными В. Мизиным в качестве эталона помогает выявлять артефакты, содержащие в себе информацию, которую впрочем еще предстоит расшифровать. Примеров достаточно много. Так, в Болгарии комплекс «Побитые камни» наукой и обществом однозначно воспринимается как природный. Однако даже беглый осмотр позволяет идентифицировать некоторые объекты как сейды (Трон, Шапка, Расколотый камень).

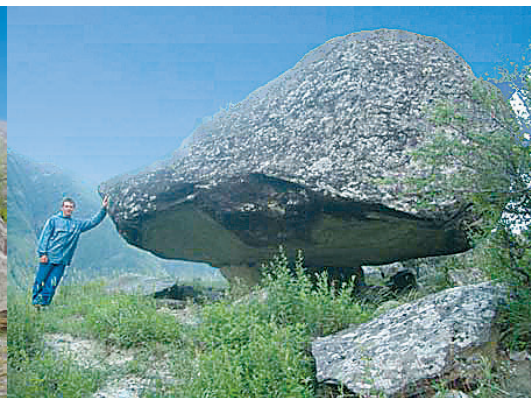
Сейды Алтая располагаются на отрогах безлесных гор или в степных долинах рек. Поэтому их легко обнаружить.

Конструкция типа «стол на подпорках»,
о. Б. Кисльч

«Бодающиеся камни» (В. Королёв)

«Гриб» (М. Котовский)

Форма сейдов района деревни Халитово (Аргаяшский район Челябинской области) обусловлена горизонтальной слоистостью структуры многочисленных останцев. Пока обнаружены только «приподнятые» камни и новый вид сейда – «повернутые» камни, так как поиск сейдов в этом районе труднен из-за густого леса.

Сейды водоема Аргази тоже «приподнятые» или «повернутые» камни.

Расположение сейдов озера Б. Кисегач сходно, хотя имеются сложные конструкции, типа «стол на подпорках».

Долина духов

Отдельно необходимо рассматривать конструкции, которые на Урале часто встречаются на вершинах гор («туре» – башк.). На Алтае и в Монголии сейды обычно располагаются на перевалах («обо»-монг.). Такие конструкции местное население считает домом духов, проживающих в данной местности. Древнерусское название этой конструкции – «суборь», возможно созвучие со словом «собор» не случайно.

Для понимания смысла бесчисленных каменных комбинаций полезно обратиться к древним свидетельствам. «Древние славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения алтарей камни в несколько саженей мерою. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые века и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле, трудно понять, каким образом славяне, не зная изобретенных механикою способов, воздвигали такие громады» (Карамзин Н.М. История государства российского).

Видно, что речь идет именно о богатой традиции установки и размещения камней. Такая традиция утрачена, трансформировавшись повсеместно в иные формы, и сохранилась хорошо лишь в Японии и Китае. Вот какие манипуляции делались китайцами: «Ни один...сад не обходился без камней разных пород, размеров и форм...

Имелось 14 разных мест, откуда в дворцовые парки везли декоративные камни... камни с гор Линби, камни из уезда Линчжоу, наделенные необыкновенной внутренней силой, поскольку свисали вниз со скал и вбирали в себя медь. ...Высокие камни – тайхуши, пронизанные множеством отверстий и получаемые из местного сине-голубого и сине-черного известняка пролежавшего в воде озера Тайху 150 лет, ...чтобы выявить их цвет и форму, тайхуши осторожно скребли сначала металлическими ножами, затем чистили бамбуковыми щетками и, наконец, фарфоровой пудрой. Очищенный камень ...при ударе палочкой начинал издавать чистый металлический звук...(В.Мизин описывает звучащие камни Карелии).

Расколотый камень на подпорках (М. Котовский)

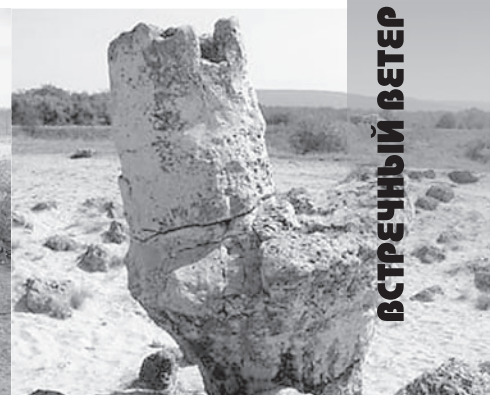

«Гриб» (М. Котовский)

Сейд водоёма «Аргазы».

«Трон» (Болгария)

Специальные императорские указы требовали от подданных разных провинций выискивать камни разнообразных форм. Такие камни выкапывались из земли и с затратой огромных усилий доставлялись в столицу. Передвижение одного такого монумента занимало годы» Виноградова Н.А. Китайские сады.

Почитание камней восходит к глубокой древности. Камням приписывалась магическая сила и сверхестественная мощь. Священные камни применялись в ритуалах.

Живопись сада

Принципы размещения камней и скал в садах изложены в древнем китайском трактате «Слово о

Камень на подпорках (М. Котовский)

Уральский следопыт, март 2008

живописи из сада с горчичное зерно». «Писать неодухотворенные камни совершенно недопустимо. А писать одухотворенные камни – значит найти в них едва уловимое место, где обитает дух». «Книга о горах и камнях». Необычайно важное свидетельство.

То есть предлагается найти (представить) некую точку в теле камня в целях получить реалистичное изображение. Такая точка известна и в физике называется центр тяжести. Именно он является основой расчета любой конструкции. И конечно конструкции сейда.

Таким образом, можно говорить об открытии на Урале (и отдельно на Алтае) нового типа памятников – сейдов. Впервые обследована конструкция «повернутого камня». Возможно, характерная только для Южного Урала. Культура сейдов очевидно предшествовала культуре мегалитических построек – ведь при создании постройки из множества элементов необходимо определить в отдельности центр тяжести каждого. Далее эти две культуры сосуществовали, т.к. разработка новых месторождений влекла за собой изучение физических свойств породы камня этого месторождения.

Необходимо начать работу

По составлению каталога сейдов России с учетом всех физических параметров (в том числе и магнитных характеристик породы камня, из которого они изготовлены).

С учетом того, что многие сейды ранее считались «игрой природы» необходимо по-новому взглянуть на следующие природные объекты:

- Сквозные отверстия в скалах Малого Ильгуменя (Республика Алтай) и мыса Танхой (о.Ольхон)
- «Пугачевские копани»
- Сквозные арки в известковых утесах по течению р.Чусовой и р.Ай.

Очевидно, что новые находки мегалитов обогащают наши представления об истории Homo sapiens, позволяют глубже заглянуть в прошлое родного края.

Время отправления...

Хрусталь колонн, уходящий вверх; серебристый поезд, подбегающий к перрону. Привычно поют динамики: «Станция «Ронсеваль». Поезд дальше не поедет. Просьба освободить вагоны».

В самом деле, что еще остается? Съехать на эскалаторе. Протиснуться сквозь турникет, сразиться с подпертой воздухом дверью. Пробежать мимо хронически (или навсегда?) закрытых ларьков...

И бросить взгляд туда, где за багряной бархатной лентой, закрепленной на несерьезных хромированных столбиках, разложены, как напоказ, цветы... Конечно, конечно! «Осторожно, двери закрываются, следующая станция — Копенгаген». Вечно в монорельсе лезет в голову этот дурацкий, но все равно смешной анекдот. Равно и воспоминание о сменившей грозную надпись «Выхода нет» табличке «Выход там». Невозможно... невероятно... Как заставить в середине октября повториться ту грозу.

«Я либед бир».

Ну, разумеется, кто не любит пива? Особенно, если на халяву — как сладкий уксус. Бокалами. Банками. Темными бутылками, по два литра в каждой. Только успевай попивать, прикуривать, и бегать за чахлые кустики к многострадальной стене, где таких, как Сережка, уже выстроило в ряд.

А каково девушкам? Пиво они тоже любят. И светлое, и темное, и то, которое из несуществующей страны Бавария. Нальешься горчащим, и кажется, что страна такая действительно где-то есть. А в ней моря разлитые янтарного, холодного, с шапкой пены... И совершенно безвозмездно. То есть даром. И молодежь летела, как августовские осы на квас и сдобу. А на небо никто не смотрел. Ведь синоптики не предупреждали о дожде. Должно быть, тоже хотели бесплатного пива. А Лика была в светлом платье и на каблуках. Как невеста. Собственно, она и была Сережке невестой, только он еще не успел проникнуться радостью от ее согласия и потому наливался пивом, точно пустыня дождем. Если, разумеется, дожди бывают в пустыне.

Ника Ракитина. Родилась в прошлом веке в Гомеле. И пока жива и благополучна. Стояла у истоков гомельского толкинизма и рыцарства. Любимая эпоха — западное средневековье. Любимое оружие — клеймора. Любимый город — Вильня. Любимый зверь — кот. Любимое занятие в рабочее время — детский литературный клуб «Н.Л.О.» Любимое занятие в свободное время — писательство.

Черт

Его

Знает.

А потом сорвалась гроза.

А потом сорвалась гроза.

И все побежали. И он тоже побежал.

«Я либед бир», — полоскалось над ними полотнище, полусорванное ветром. Куда более откровенное и приятное, чем замылившие взгляд «Время — деньги», «Мои года — мое богатство» и такие прочие.

Ближе всего было укрыться под хрустальным пандусом станции «Ронсеваль». Это понимали не только Сережка с Ликой. И людей все прибывало и прибывало. Так что скоро стало тесно дышать.

Плотный воздух клубился над толпой, нес ядовитое возмущение, матерок, взвизги, приглушенный писк — кого-то двинули локтем под ребра, кому-то уже отдавили ногу. Гроза брызгала под опоры холодным дождем.

Люди теснились ко входу в станцию, как к огню. А оттуда валила встречная толпа: поезда продолжали прибывать. Никто не додумался закрыть движение.

Водоворотом Сережку впахнуло в крутящиеся двери, на эскалатор, на перрон.

Перед ним колыхалось море людских голов и вздетых рук, немо кричали распахнутые рты. Сережка пытался выгребать навстречу толпе, но плавать в таком море его не учили, и прилив отдавливало назад, к гостеприимно распахнутым дверям подошедшего поезда. «Осторожно, двери закрываются...» В голову привычно полезла совсем неуместная сейчас шутка про Копенгаген... А взгляд вбирал осколками витража, цеплял, запоминая намертво, то, что парень после попытается проанализировать, понять и сделать выводы... Взгляд отметил дежурную, она вертелась в своем аквариуме, как на иглах или углях, порывалась встать, замирала, говорила неслышно во внутреннюю связь. Должно быть, получила указания... Опала на место, словно проколотый, сдувшийся шарик... «Тень, знай свое место!»

Ликина мать на похоронах пробовала выцарапать Сережке глаза. А Лика спала в гробу, как невеста — в белом платье, белых туфлях, под белым покрывалом. Визажисты (или как их там звать в погребальных кон-

торах) поработали над ее лицом: синяков не было видно. Шесть одинаковых гробов с невестами, бархатом и кистями. И розы под треснувшей хрустальной опорой. Потом их заменят латунными, и будут скалиться шипы. Сережка жалел, что не сошел с ума.

...Он не ходил в университет. Он бродил по осеннему городу — по тем улицам, где они бродили с Ликой, ели мороженое, пили пиво из горлышка и смеялись над старыми анекдотами. Не переставая. Небо было синее, и в него опрокинулись клены: черные ветки и золотая листва. Было тепло. Как в мае. Почти.

Сережку бил озноб. Он продрог в своей ветровке и кутался в нее, пожимал плечами, и шарики на концах шнурка, продетого в капюшон, смешно и немного колотили по небритым щекам.

Зачем-то он забрел в парк. Шел по аллее мимо урн и обшарпанных скамеек. Глядел, как ветер сдувает листву с деревьев. Как при каждом его порыве падают, раскалываясь, каштаны, звонко дробят покрытие, опасно катаются под ногами. В будний день парк был почти пуст, только впереди, звонко цокая каблучками, спешила какая-то женщина. На ней была издали заметная белая куртка до бедер, чуть короче юбки, с меховым воротником. Женщина спешила, слегка сутулясь, пряча в воротник рыжую голову. Вот так же когда-то спешила, оскальзываясь на каблуках, Лика. И

эта спина, и смятение желтых липовых листьев, и раскалывающиеся каштаны слезным комом закупорили горло. Парень прибавил шаг. Вблизи женщина уже не казалась молоденькой — лет за сорок, но ухоженной, породистой и — знакомой. Сережка отбросил подвернувшийся под ногу коричневый шарик. Ему показалось: еще чуть-чуть, и он поймет, узнает, поймает, откуда знает: вот это движение руки, поворот плеча... Он забежал наперед и пошел женщине навстречу. Теперь ветер бил в спину, заметал мир желтизной, каштаны падали и раскалывались чаще, оставляя на плитках желтые колючие колыбели.

Женщина скользнула по Сережке взглядом и миновала — как дерево. Он глупо застыл посреди аллеи. А потом кинулся догонять. Незнакомка прибавила шаг. Сережка почти бежал, скользя на каштанах и палых листьях, упираясь в ветер лбом. Крепко взял за тонкое запястье.

В глазах незнакомки мелькнул страх.

— Пойдите же! Ну, пойдите. Не бойтесь. Мне нужно с вами поговорить.

— О чем?

— Вы... там были, — сказал он утверждая.

— Молодой человек...

— Вы. Там. Были. На станции. Тогда. Я вспомнил.

Его лицо озарилось совсем неуместной улыбкой. Женщина выдернула руку. Зашипела, как разозленная

кошка. Нет, как двери монорельса, готовые сойтись, схлопнуться намертво, увозя от него Лику. Теперь уже навсегда. Сережка ошибся. Они ничуть не похожи. Она не похожа на Лику, постаревшую на двадцать лет. Лике уже никогда не постареть. Ей и не жить. Никогда.

— Зачем вы... — медленно, точно учась говорить, сказал Сергей, — это сделали?

— Да что «это»?!

Он был почти готов ей поверить. Если бы она чуть-чуть, самую малость, не переигрывала, произнося слова слишком громко и подпуская в голос слезы. Заплакать от испуга способна девочка в пятнадцать лет, а она — далеко не девочка. И... такие всегда знают, чего хотят.

— Молодой человек. Я не знаю, чего вам там помешалось. Оставьте меня в покое.

Женщина стряхнула Сережину руку и пошла к повороту аллеи, где кончался парк, и где ее призыв на помощь могли услышать. И даже прийти.

Он больно схватил незнакомку за руку. За локоть. Рукав белой куртки неопрятно сморщился — как и ее лицо.

— Куда вы меня...

Женщина не кричала. Она держалась гордо. А может, просто не верила, что в этот ясный октябрьский день что-то может случиться с всеильной нею. Сережке почему-то казалось, что она всеильная. А может, так и было на самом деле. Женщина не кричала и почти не вырывалась. И он волок ее за собой, заставляя спотыкаться на корнях и мусоре, мимо всех дорожек, просто по траве. Боком ощутил вибрацию мобильного в ее кармане. Вырвал, бросил и растоптал. И почувствовал, что теперь уж женщине страшно. По-настоящему.

Зная, что надо спешить, он подхватил ее на руки. Одна туфля слетела. Жертва колотила его по спине, царапала и пробовала выкручивать уши. Сережка матерился, шипел от боли, мотал головой и бежал со всех ног. Удивляясь, что она не кричит. Могли ведь услышать. Кто-нибудь.

...Над развалинами дома возвышалась береза. Собственно, и сам дом еще стоял. Только жестяная крыша как-то нелепо съехала на расколотые окна, разбухшая дверь валялась в стороне, а внутренности дома были заполнены мусором, битым кирпичом и стеклянным крошевом. На ободранной печке синело граффити. А люк посреди пола вел в погреб, воняющий гнилой картошкой. По обломку доски, как по лестнице, Сережка с ношей спустился в подвал. Поставил женщину на пол и разрешил ей орать, сколько влезет.

Пленница, хромая, отошла в угол. С сожалением посмотрела на разорвавшийся на ступне тонкий чулок. Спросила — холодно, без малейшей дрожи в голосе:

— Что ты собираешься со мной делать?

Сережка взяла за голову.

Он не представлял, что собирается с ней делать.

И зачем принес в этот погреб, не представлял.

Хотя нет. Ему хотелось услышать ответы на свои вопросы, пока она не сбежала. Пока кто-то не освободит ее. Те, кому она подала сигнал тревоги.

Здесь человека трудно найти.

Дом стали разрушать еще весной, но ничего на этом месте не построили. Говорили, в почве имелся какой-то пльвун, и бизнесмен, влезший в долги и купивший участок под восемнадцатизэтажку, скончался от инфаркта, узнав об этом. Интересно, кому осталось положенное ему время — государству или безутешным родственникам?

Сад зарос бурьяном и крапивой, сюда навевались местные жители, обрывая недозрелые груши и яблоки, сломав ради ведра дармовых ягод несколько вишен: не свое — не жалко. Но в развалинах никто не поселился. Не поселился надолго. И не устроил пожар. Может, дом охраняли призраки съехавших жильцов. Или сумасшедший домовой, не согласный на переезд. Печку бы затопить... На улице было тепло и солнечно. Но Сережке хотелось увидеть огонь. Хотелось погреть руки над пламенем и, может быть, понять, что же он наделал такое. И во что влип.

Женщина сидела у кирпичной стены погреба, кутаясь в свою белую куртку. Та уже перестала казаться элегантной.

— Меня будут искать, — сообщила похищенная с угрозой.

— Хорошо.

Сережка вылез наверх и убрал доску. Погреб был глубоким. Даже он не смог бы выбраться оттуда без доски.

— Я должен узнать правду.

— Какую?

— Разве их много? — Сергей хрипло рассмеялся.

— По-твоему, одна.

— Только шесть мальчишек-охранников кинулись разбирать завал. Только шесть. Хотя их там было раз в десять больше. Просто вы отдали приказ не вмешиваться, и кто-то оказался достаточно циничен, чтобы его исполнить.

Женщина молчала. Сережка не знал, как заставить ее говорить.

Пытать? Загонять иголки под ногти? И, как в прошлом веке, напоследок закатать в бетон? Сережку затошнило. Но дальше этого не пошло, когда он согнулся над ведром с очистками. Очистки высохли и ничем не пахли.

Среди ночи он вздернулся от кошмара, который тут же забыл. Кинулся в заброшенный дом. Прибежал, задыхаясь, не понимая, чего боится больше: что пленницу обнаружили и вытащили, или что она умерла. Сунул в погреб доску и, не надеясь на ее гнилую прочность, упершись рукой в край ямы, сиганул вниз. Зажег спичку. Красный язычок прошелся по темным углам. Женщина скорчилась под блеклой курткой — мешком, брошенным в угол. Сережка стал лихорадочно трясти пленницу, та недовольно замычала сквозь сон. И он испытал самое яркое на свете облегчение — она не умерла, она просто заснула. Хотя как она, изысканная, могла спать в подобных условиях, в запахах гнили и испражнений? «Не приняв душа на ночь», — поиздевался над собой Сергей, отступая, дрогнув небритым подбородком, не понимая теперь, отчего он всполошился так. Никуда она не делась. Не могла деться. И умереть не могла. Ей же до

смерти лет тридцать осталось. А она не похожа на тех, кто раскидывается временем. Ну, может, только простудилась. Хотя, говорят, женщины выносливее мужчин. Оттого им и срок жизни подлиннее намерили. Семьдесят два, а не шестьдесят, как мужикам. Вот он, Сережка, точно бы простудился, лежа в погребке на сыром картоне и обломках кирпича... Зато выстроить их в пирамиду, чтобы убежать, никак бы не хватило. И слава Богу. Парень не хотел затыкать люк: боялся, что жертва задохнется.

Спичка обожгла ладони. Сережка удивился, сколько сумел передумать за время, которое она горела. Увидеть и запомнить. Как тогда, на станции. Дежурная, осевшая в аквариуме, словно проколотый воздушный шарик. Глухой рев, скрежет, падение хрустальных блоков пандуса, мальчики, прыгающие через турникеты... Если бы они с Ликой свернули в другую сторону. Там выход к церкви, и там опора не треснула...

— Что тебе нужно?

— Ничего.

Сережка сел на пол, механически подложив под себя кусок картона.

— Тогда проваливай. Я буду досыпать.

— Хрен тебе.

Пленница пожала плечами.

От нее уже начинало смердеть. А потом она станет черной, как земля. Как Лика в своем невестином гробу, если содрать косметику.

Рукой с обломанными ногтями жертва отвела со лба спутанные волосы. Сережка видел это в помаргивающем свете принесенной свечи. Слепом и теплом свете. Можно было бы взять фонарь. Но электрический свет не вписался бы в эстетическую парадигму подвала... Господи Боже мой, взмолился Сергей, как и о чем я думаю... Главное: как. Точь-в-точь две дворничихи, обсуждавшие распоряжение убрать с улиц мусорки, потому что те «не вписываются в городской формат». Хоть падай, хоть стой...

— Вы хотите, чтобы я нарушила профессиональную тайну.

— А вы не можете?

— А вы?

Собеседница смешно, точно кролик, пожевала губами:

— Откуда, по-вашему, взялось название «Ронсеваль»? Ну да. И ущелье. И речка, возле которой проходило маленькое древнее, всеми позабытое сражение. Если бы не один очень талантливый писатель, название этой речки никто бы и не помнил. Впрочем, ее давно загнали в трубу, совершенно спокойно. Построили коллектор. А речке вдруг захотелось оказаться живой.

— Правда, значит, что мертвые мстят, если строить на костях, все валится, портится, и происходят катастрофы...

— Нельзя строить на костях?.. — она фыркнула. — Что вы! У нас все построено на костях. Тысячи лет истории. Сплошные войны. И разоренные кладбища. И бойцы последней мировой, кости которых до сих пор гниют в лесах и болотах. И никому не нужны. Разве в круглые даты. «Гамлета» помните? Затычка для

бочки из черепа Александра Македонского. Кстати, когда при постройке моста археологи раскопали старинный общественный туалет, они нашли там мумию полицейского. В форме, при сабле-«сеledке» и с гербовыми пуговицами. Видно, сильно досадили каким-то революционерам, раз так с ним обошлись, утопили в нужнике. Знаете, — она зевнула, показав розовое небо, — его просто-напросто закопали обратно. Умолив прессу молчать. Потому что патриархия не бралась хоронить за свой счет в «освященной земле». А у института средств на это не имелось. Думаете, полицейский теперь является им в страшных снах?

— Поверьте, — она усмехнулась, — покойникам в высшей мере наплевать на то, что происходит у них над головой. И у живых никакого злого умысла не было. Всего-навсего халатность, неразумие инженеров. Изменение уровня подпочвенных вод плюс усталость материала — так, по-моему, говорят? Плывун и вибрация от проходящих поездов. А отремонтировать пандус руки не дошли. Виновные наказаны по всей строгости — каждый лишением десяти лет жизни. Ну что, вы довольны?

— Я вам не верю.

— Ваше право, молодой человек. Утешайтесь тем, что девочки погибли не напрасно. Триста двенадцать лет, что они не добрали — это очень и очень много. Даже если исключить те тридцать, что пошли на компенсацию семьям, остального хватит, чтобы город превратился в цветущий сад. Это новые рабочие места, самые современные здания, высокие технологии, безотходные...

Он неловко, без размаха, мазнул женщину по лицу. Из ее носа потекла кровь.

Сережка яростно тер руку о джинсы. Ему хотелось завывать.

— Возьмите платок, — предложила она.

От платка все еще пахло духами. Хорошие, должно быть.

— Уходи, — сказал он. — Уходи. Через двадцать лет ты начнешь им завидовать. Они навсегда останутся молодыми. Не будут каждое утро вздрагивать, заглядывая в зеркало, из-за новых морщин. Им не нужно выдергивать или закрашивать седину... И зачеркивать в календаре каждый оставшийся до смерти день.

Бабушка, вспомнил Сережка. Одышливая старуха с клюкой и скверной привычкой оставлять в раковине выдернутые расческой волосы. Она тихо скончалась во сне, двух дней не дожив до семидесятидвухлетия. А потом в ее вещах среди пустых лекарственных пузырьков и скомканных колготок нашли календарики за три последних года с числами, перечеркнутыми дрожащими крестиками.

Пленница пожала плечами:

— Напугали ежа голым профилем. Чтобы вас потом совесть не мучила. Я родилась до того, как «упала Звезда».

— Что?..

— Мне сто девять лет. И я была одной из тех, кто принимал закон о пределе. Кто раньше всех понял, что

на роль всеобщего эквивалента годно только время. И от самого человека зависит длина тире между датами.

— Лике было девятнадцать.

— Мне крайне жаль, что ваша девушка попала под расклад. В тридцатых годах прошлого века районный отдел НКВД, а, может, ГПУ, право, не помню... — женщина улыбнулась, — получал разнарядку: за неделю обезвредить пятерых врагов народа. Никого не интересовало, действительно ли они враги. Грех не воспользоваться опытом, — она потянулась, точно большая кошка. — Существует такое понятие «черный сертификат». Лотерея. Шанс прожить не семьдесят, а, скажем, двадцать лет. Время не резиновое, и нам всегда нужны резервы. «Горячие точки», катастрофы, болезни не могут все перекрыть. Но ведь чаще происходит наоборот: пять дополнительных лет за прекрасную учебу, актуальное открытие, проявленный героизм. Или те же годы в качестве пасхального и новогоднего подарка.

Серезку словно стукнули обухом по затылку. Больше не хотелось ни драться, ни кричать. Но ненужные мысли сами лезли в голову.

У них на площадке есть баба Ляля. Религиозная и чистенькая. Весной ее забирала скорая. Умирать. Как раз в канун Пасхи. Через два дня баба Ляля мышкой шмыгнула в квартиру и прекрасно живет до сих пор.

А одноклассник Борька, угодивший в N-скую часть? Он успел приехать раньше похоронки и потом радовался, боялся, что у родителей мог быть инфаркт... А еще получил медаль «За храбрость» и лишние несколько лет к положенным по закону шестидесяти. И решил подарить невесте на свадьбу. Годы, а не медаль. А десять парней из части погибли. Интересно, Борьку совесть мучает?

«Звезда» действительно упала. Про это сказали, когда невозможно уже было скрывать. А сейчас молчат снова, придавленные равенством дат. Вот они, монотонные таблички колумбария, похожие до запятой. Только имена разные. И мы будем молчать, потому что каждый из нас хочет жить дольше отмеренного срока. И учиться в университете, и пробовать пиво из страны Бавария. И в апреле мы будем честно сдавать по два часа на субботник по городскому благоустройству, и «не думать о секундах свысока», и получать по шесть месяцев в подарок к праздникам. А «черный сертификат» — это как страшилка, в которую все равно никто не поверит.

— Не считайте меня циничной и бездушной. Вы просили правды, но она вовсе не обязана вам нравиться.

— Послушайте, — сказал Серезка хрипло, — а можно наоборот? Ну, вот у меня еще есть сорок лет. Вот вы возьмите их, а? А Лику верните.

— Я господь Бог, по-вашему?

И продолжила сухо и монотонно (привычка у нее такая, что ли?):

— Можно бы наврать вам с три короба, наобещать воскресение, выйти отсюда и сдать вас городской охране... Ладно. На окраине есть здание с табличкой: «Городское коммунальное предприятие специального назначения». А если попросту — крематорий. У нас очень любят эвфемизмы, — она негромко посмеялась.

— «Продаем устройства социализации инвалидов». Знаете, что эта реклама обозначает? Костыли, и бандажи для перенесших удаление грыжи. Ну что вы на меня уставились? Девочек сожгли. Они умерли совсем.

— И не сверкайте на меня глазами. Мы не сами предел придумали. У чукчей был обычай избавляться от лишних ртов. И славяне своих стариков отвозили в лес. Даже сказка такая есть. Лишь очень богатое общество может позволить себе быть милосердным, содержать стариков и даунов, лечить наркоманов — и все это за счет нормальных здоровых людей. Как ее... Лика попала под расклад. Что ж, приношу соболезнования.

Серезка выскочил из подвала.

Не давая себе опомниться, закрыл люк огромным ржавым противнем и стал кидать сверху все, что подворачивалось под руку. Лишь бы потяжелее. Может, погребальный курган не был так высок, как для Батя. Лишь бы выйти не смогла!

Лишь бы не вырвалась. Лишь бы не заставила поверить, что все они изначально сволочи. Все люди на этой земле. И веселая Лика, любившая пиво из горлышка и анекдоты про блондинок. Глупые и очень смешные анекдоты. «Ну как может носить очки мужчина, у которого одно ухо?» В самом деле: как?..

Он почти видел, как Лика, смеясь, накручивает на ухо пряжку:

— Серезка! Глупый! Кому ты вздумал верить? Ей? Ты хороший, ты такой хороший... Смешно. Слышишь, как я смеюсь? Не верь ей! Живи.

Сергей вернулся в развалины через два дня. Стал сгребать все, что навалил на лаз. Долго не хотел заглядывать вниз, спускаться тем более не хотел. Все казалось, незнакомка посмотрит из темноты.

Женщина лежала частью на куртке, покрытой брызгами. И на рыжем колотом кирпиче.

Она вскрыла себе вены. Было у нее в брелке короткое лезвие. Серезка ведь не обыскивал.

Должно быть, она не хотела вместе с мертвыми до скончания века лежать в грязной земле, чувствуя, как та давит сверху, и понимая, что ничего не изменить. Как будто болит отсеченная рука.

Или — как в девятнадцатом веке приставляли к виску револьвер, чтобы очиститься от бесчестья? Нарушения профессиональной тайны.

Или банально боялась темноты.

Блеск белой куртки в углу подвала. Потертой белизны.

Поезд несется по хрустальному виадуку. Мигают лампочки, обозначая близость станции. Привычно поют динамики. «Станция «Ронсеваль». Будьте осторожны в дверях».

Раздвижные двери выпускают и впускают пассажиров. Состав медленно трогается, ныряет вниз. «Следующая станция...»

А в неприметном домике на окраине, будто эти лампочки, мигнули дисплеи, и в сетевой базе данных после имени, даты и жирного прочерка высветились еще восемь цифр: как на станционном табло — время отправления.

Небесный путешественник

В Кировграде, что в полутора часах езды от Екатеринбурга, Анатолий Сырчин — в некотором роде городская знаменитость.

Еще будучи мальцом он часами наблюдал за полетом ласточек и стрижей, понимая, что летают они махая крыльями. А вот орлы и ястребы его удивляли: этих красивых божьих птиц держали в воздухе неподвижно крылья, взмахи которых были редки. Одним словом, Анатолий «заболел» небом.

Пытливый и упорный парнишка стал заниматься в авиамodelьном кружке и не только строил модели по уже имеющимся чертежам, но и создавал свои, постоянно совершенствуя их. Параллельно занимался радиотехникой, подводным плаванием на близлежащих озерах.

Затем была служба в армии, устройство личной жизни. И только в конце 70-х годов он вернулся в Кировград, стал работать на медеплавильном комбинате. Здесь-то и появилась мысль построить собственными руками летательный аппарат. Многие смеялись над затеей фанатика, однако скоро поняли, что это у него серьезно.

Пришлось проштудировать много книг, чтобы заняться строительством дельтаплана — именно его он выбрал для первого опыта. Конечно, помогали новые друзья — дельтапланеристы из городов Свердловской области, у которых уже имелись наработки.

На создание первого аппарата ушло два года. Поднялся в воздух и впервые увидел землю с высоты пти-

чьего полета — не в иллюминации мотора самолета, а из-под крыла собственного дельтаплана. Что испытал тогда, словами передать нельзя.

Потом в его гараже появился второй летательный аппарат — уже заводского исполнения. Впоследствии — моторный, когда Анатолий понял, что надо избавляться от зависимости ветра. Мотор, правда, был скверный, собрал чуть ли не из хлама.

Друзья посоветовали обратиться к тогдашнему руководителю Свердловской области — Алексею Воробьеву. Он, в свое время, работал на Кировградском медеплавильном комбинате и никогда не забывал город. А.П.Воробьев подарил испытателю отличный

новенький мотор. Радости предела не было.

Около тридцати лет Анатолий Михайлович Сырчин летает над городами и весями родного края. Дельтаплан всегда вызывает восторг у ребятни. Сядет где-нибудь в поле и тотчас же набегит детвора, обступит — покатай да покатай дяденька! Дочку свою брал в полет, а вот жена не решается, не верит, что такая «стрекоза» ее удержит. Со своим увлечением расставаться не собирается, хотя уже и на пенсию вышел.

На своем дельтаплане Анатолий облетал практически всю область. Даже обосновал его практическое применение: дельтаплан можно использовать в лесоохране — определять границы очагов лесного пожара, даже некоторые милицейские задачи решать, например, поиск угнанных автомобилей или заблудившихся в лесу людей.

Своей телекамеры у него пока нет, одалживает у друзей и снимает все, над чем пролетает. Красота неопишная! Когда по местному кабельному телевидению показывают его любительские фильмы, то люди смотрят их, как передачи «Клуб путешественников» Сенкевича. Не верится даже, что такая красота вокруг.

Вот такой небесный путешественник живет на кировградской земле.

На фото: А. Сырчин (в каске) со своими «болельщиками».

Фото автора.

«Трудные дороги без песни не пройти»

*Не тот больше знает, кто дольше жил,
а тот, кто дальше ходил.
Восточная мудрость.*

2000 год. Первая поездка ансамбля в Чечню. Звучит искрометная «Лезгинка». Встают с мест и пускаются в пляс дагестанцы, русские, представители других национальностей, которые вместе несут нелегкую ратную службу по наведению конституционного порядка на Северном Кавказе. Такой получился интернациональный танец.

2001 год. Хоровая группа ансамбля поет на концерте в Дучах:

*На Моздок, на Моздок
Две вертушки улетают,
Дембелей у дверей
Командиры провожают.
Но прощай, Ханкала,
Снова выстрел за горою.
Никогда, никогда
Мы не встретимся с тобою.*

Поступает тревожный сигнал: на населенный пункт наступает отряд боевиков в количестве сорока человек. Представление пришлось прервать на некоторое время. Зрители — солдаты внутренних войск — отбили атаку, вернулись в импровизированный зал, и концерт продолжился.

Год 2002-й. Очередная командировка коллектива в «горячую точку». Ребята на «вертушках» летят в Первомайское. Чтобы как-то скоротать время, затянули популярную песню из киноэпопеи «Освобождение»: «Мы так давно, мы так давно не отдыхали...» Вдруг услышали выстрелы, глянули в иллюминаторы: внизу, в развалинах населенного пункта, идет бой. Вскоре вертолет совершил посадку, и актеры дали для победителей — солдат ВДВ, которые десантировались для подавления бандитов, большой концерт.

— Обычно передвигаемся по Чечне на вертолетах и БТРах, — рассказывает дирижер ансамбля Юрий Саватеев. — Хотя это и происходит под прикрытием, но все равно риск есть. Посетили Грозный, Самашки, Афтуры, Шелковскую, Моздок, Гудермес, Знаменское, еще массу населенных пунктов, начиная от рубежей с Грузией, кончая границей с Дагестаном. Были и в Аргунском, и во Введенском ущельях, в горах и на равнине. Выступали прямо под открытым небом перед солдатами и офицерами срочной службы, контрактниками, бойцами местного ОМОНа, спецназа, стражами порядка, мирными жителями. Мы ведь одновременно — и творческий коллектив, и боевая единица. Живем по уставу. Готовы, если того потребует оперативная обстановка, в любой момент поменять музыкальные инструменты на автоматы. В той же Чечне, на стрельбище, соревновались в меткости стрельбы из всех видов оружия. Всегда радовали нас теплые, дружеские встречи с земляками: тагильчанами, челябинцами. Жили с бойцами спецназа в палатках, ели из одного котла солдатскую кашу. Уральцев там много. И бьются они, как поется в старой доброй песне, здорово. После концертов устраивали для них дискотеки, чтобы ребята могли потанцевать, расслабиться, снять нервное напряжение. Мы видели, как сдают нормативы на краповые береты. Процедура очень серьезная, и не у всех получается с первого раза.

— Ну, а из последних гастролей, — продолжает Юрий Саватеев, — запомнилась поездка к нашим соседям — в город Трехгорный Челябинской области. (Ансамбль ба-

зируется в Екатеринбурге. — А.М.). Там проходили учения: команда «Вымпел» в роли условных террористов «захватывала» населенный пункт, а внутренние войска «охраняли» его. «Вымпеловцы», к нашей радости, потерпели поражение. А это очень серьезные противники. После концертов артисты в погонах общались со зрителями. Высказывали пожелания, какие песни, танцы и мелодии они хотели бы услышать в нашем исполнении в следующий приезд...

А теперь немного истории. В 1960 году в Перми на базе духового оркестра был создан солдатский эстрадный ансамбль. Его первый руководитель — выпускник училища капельмейстеров Владимир Лицман — ранее был дирижером оркестра почетного караула в Вене. Первый концерт — «Служу СССР» — состоялся 9 мая 1960 года в пермском клубе имени Дзержинского для участников областного совещания сотрудников УВД и посвящался воинам внутренних войск. В 1979 году коллектив стал лауреатом премии Ленинского комсомола Прикамья. 20 лет назад приказом командующего ансамбль становится штатным подразделением. Под руководством полковника Владимира Михалева он стал лауреатом телевизионного конкурса «Когда поют солдаты» в Москве. Тогда же состоялись большие гастроли коллектива по всем частям Уральского округа внутренних войск, поездка в Ереван. Сегодня им руководит лейтенант Сергей Батухтин.

Ансамбль стоит на трех «китах». Первый — это, конечно же, оркестр. Его руководитель — выпускник факультета военных дирижеров Московской государственной кон-

серватории Алексей Половников, отдавший службе в армии четверть века. В оркестре царит взаимозаменяемость артистов: они дублируют друг друга, чтобы концерт состоялся даже в самых экстремальных условиях. Второй «кит» — вокальная группа. Хормейстер Юрий Саватеев, 15 лет назад связавший свою жизнь с этим самобытным творческим коллективом. Закончив эстрадное отделение Свердловского областного музыкального училища имени Чайковского по специальности «ударные инструменты», он сумел реализовать здесь свои способности дирижера, аранжировщика, музыканта, певца. Третий «кит» — балет. Его возглавляет заслуженный работник культуры России Владимир Якимов, в прошлом — балетмейстер ансамблей песни и пляски Тихоокеанского флота, УралВО. В коллективе представлены солдаты срочной службы, контрактники, служащие, в том числе и женщины.

Возможности ансамбля неисчерпаемы: народные, классические, эстрадные произведения. Например, недавно состоялся совместный проект областного фестиваля детского музыкального творчества «Твой друг гитара» и оркестровой группы. В ее исполнении прозвучала пьеса «Желтая осень» в джазовом стиле, которую специально к открытию праздника сочинил председатель жюри фестиваля, член Союза композиторов России Михаил Сорокин. А затем сводный хор екатеринбургской Детской школы искусств № 6 под управлением Ольги Столяровой в сопровождении оркестра спел две песни, аранжированные также Сорокиным: «Романс Женьки Камельковой» из оперы К. Молчанова «А зори здесь тихие» на знаменитые стихи К. Симонова «Жди меня» и «Вот что такое Победа!» С. Соснина. Люди в погонах и дети выступали на одной сцене — как это было символично в канун Дня Победы! В планах коллектива — серия благотворительных концертов в школах для детей-сирот и инвалидов. И поездка на конкурс в Москву, где артисты в погонах будут участво-

вать сразу в нескольких номинациях: «оркестр», «солисты», «авторская песня».

Что может сегодня военная песня, активным пропагандистом которой является ансамбль? Выразить душу солдата, его мысли о Родине, которую доверено защищать, отчет доме, друзьям-товарищам, взаимовыручке, нелегкой ратной службе, преемственности поколений. Пройдет время, и о вчерашнем Афгане и о сегодняшней Чечне будут судить и по песням, сочиненным участниками тех событий. Это тоже наша правда, история, память и боль. Не зря говорится: «Из песни слова не выкинешь». Поэтому они живут и поются.

Армейскую песню, как и прежде, подхватывают миллионы. Московский конкурс «Виктория» благодаря спутниковому телевидению смотрят во всем мире. И ансамбль, и его солисты не раз участвовали в подобных состязаниях, становясь лауреатами. Скажем, Оксана Ветошкина заняла первое место во Всероссийском фестивале авторской песни среди воинов внутренних войск в Москве. Очень много песен рождается в ансамбле. После того, как худсовет дает сочинению «добро», делается его аранжировка, и оркестр аккомпанирует певцам в концертах. Оксана Ветошкина сочинила «Офицерские жены» и «Приказ: «На Кавказ!», а старший лейтенант Алексей Гореликов — «Я горжусь, что Родине служу» и «С днем рождения, солдат». Специально к 9 Мая он на стихи своего сослуживца Антона Кошелюка написал музыкальную миниатюру «Седой старик». Песни его и сегодня в репертуаре ансамбля.

Дорог, полных военной романтики, ансамбль песни и пляски Уральского округа внутренних войск МВД России прошагал немало. Одних только поездок в «горячие точки» было восемь. Это более 200 выступлений! Причем в 2001 году артисты побывали на Северном Кавказе дважды. Последняя командировка туда состоялась совсем недавно — в мае 2007-го. Ребята привезли немало песен местных авторов.

ВОЛОТОВА

(См. Семенова Н. Г.)

ВОЛОХОВА Наталья Николаевна (псевд., наст. фамилия Анцыферова; 1878 — 1966), авт. воспоминаний.

Актриса. «Земля в снегу» (о знакомстве с А. А. Блоком). — «Ученые записки Тартусского ун-та», 1961. Вып. 104, с. 371-378.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 1. № 1104.

ВОЛОЦКАЯ Е.

(См. Фальк Е. А.)

ВОЛОШИНОВА М.П., переводчица.

Пер. кн. Грант Аллена «В тайниках природы». Спб., 1902 (рец. в журн. «Рус. Школа», 1902, № 7-8, с. 19).

Венгеров, Источ.

ВОЛПЯНСКАЯ З. А.

(См. Жилкина, З. А.)

ВОЛХОВСКАЯ А. Г., авт. воспоминаний.

«Из воспоминаний пансионеров Убежища». — «Известия Совета имп. Русск. театр. общества», 1915, № 17\18. с. 6-10.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 6753.

ВОЛХОВСКАЯ-ПОПОВА Анна Г., переводчица.

Сотр. журн. «Детское Чтение» (1890) — А. В. Пер. рас. Бергсоз «Далила». — «Мир Божий», 1892, № 2; пер. пов. Э. Маршаль «В скалах». — Там же, № 7; пер. с итал. очерки Т. Карлетти «Итальянец в России, Совр. Россия». Спб., 1895. — Рец. в «Рус. Обзор. » 1895, № 6, с. 1005.

Масанов; Венгеров. Источ.

ВОЛЧАНЕЦКАЯ (Ровинская) Екатерина Дмитриевна (1881 —), поэтесса, авт. ист. очерков.

Была одним из учредителей изд. товарищества Трудовая артель литераторов (1918) и Секции классической и неоклассической поэзии при ВС поэтов (1919), а также объединения «молодых левых поэтов» «Желтый дом» (1919). Заведовала библиотекой ВС поэтов (1920). Ее стихотв. в «Рус. Мысли», 1908, № 7, № 5; 1914, № 6; журн. «Правда», 1905, № 5; «Красная новь» 1921. № 3; «Лит. особняк» (1922); сб. «Лирика». М., 1922; авт. кн. «Серебряный лебедь». М. -Пг., 1923. авт. брош. «Иоанн Гутенберг и развитие книгопечатания». — Рец. в «Рус. Мысль», 1906, № 6, с. 64. «Местничество в древней Руси» М., 1907 (популярная книжка). Участв. в «Альманахе «Литературного особняка». № 1. М., 1922; в 1-м сб. «Лирика: Стихи». М., 1922, а также в сб. 2-м. М., 1922 и 3-м. Тверь, 1925. О ней: Писатели современной эпохи. М., 1928.

Венгеров. Источ.; Мацуев (у него — наст. фам. Ровинская); Розанов; ЛЖР.

(Продолжение в следующем номере)

Танец

– Мне щекотно, Дана, – сказал Вион и рассмеялся.

– Не вертись ты, – Девочка шлепнула его ладонью по боку, – а то весь узор смажешь.

– Не буду.

Вион смотрел на себя в зеркало и не узнавал. Все руки, ноги, даже лицо, покрывали узоры. Черные, острые переплетающиеся линии делали тело неповторимым. Дана слыла самой искусной рисовальщицей узоров у них в поселении. Еще ее бабушка и прабабушка, прославились своим умением. Оно передавалось из поколения в поколение.

В зеркале Вион видел пятнадцатилетнего мальчика, такого же обычного, как и все остальные ребята в поселении, но не все из них умели танцевать. Это умение так же, как умение рисовать узоры, передавалось из поколения в поколение. Особенности, ритуальные танцы. Давным-давно, когда еще не построили завода, не летали над поселением челноки, танцами вызывали духов, разговаривали с ними. Но это было забытое искусство, осталось просто умение танцевать.

Он смотрел на себя в зеркало, и ему нравилось, как блестит краска на загорелой коже, как блестят его глаза, наполненные надеждой на победу в сегодняшнем состязании. Ему всегда нравились узоры. Они словно бы возвращали его тело, его душу к предкам. Туда, так далеко, где еще не было потеряно великое знание общения с духами. От одной этой мысли в душе начиналось волнение, а по телу пробегала дрожь.

Вион еще раз осмотрел себя с ног до головы. Все линии выглядели идеальными, один узор переплетался с другим, а потом незаметно превращался в третий. Можно было часами изучать их, петляя, словно по лабиринтам.

Его шорты немного сползли, мальчик поправил их.

– Осторожнее, смажешь, – прошептала Дана.

– Тебе нравится, как я выгляжу? – спросил Вион.

– Ты прямо как с картинки, – ответила девочка и кивнула в сторону полки, где стояли книги.

Вион понял, о какой книге она говорит. История мальчика, жившего много лет назад, который спас поселение от засухи, выпросив танцем у духов дождь. В книге напечатали иллюстрацию с его изображением. Эту историю еще маленькому Виону читала мама перед сном. Уже тогда Вион учился искусству танца – сначала его учил дед, потом отец.

Мальчик посмотрел в окно. За ним открывался дивный вид на поселение. Дом Даны находился на

холме, откуда хорошо просматривались почти все дома, поле, пустырь и лес. Все, как на ладони.

К счастью из окошка Вион не видел вечно гудящего и дымящего завода и посадочной площадки для челноков. Последний месяц они прилетали непрерывно. В основном торговые, но пару раз и военные.

Младшие мальчишки, как помнил Вион, бегали пару раз смотреть на военные челноки. Вообще они были редкостью в таких местах. И прилетали за очередным призывом или же привозили отслуживших.

Там, на пустыре, где уже готовили восемь костров, перед самым лесом, сегодня и состоится состязание, думал Вион. Всего через несколько часов решится его судьба. И сейчас события важнее для себя он не видел – ведь столько времени готовился к этому.

– Знаешь, Дана, мне страшно, – сказал Вион.

Он на самом деле сильно переживал.

– Я тебя прекрасно понимаю. – Девочка посмотрела на него и отложила в сторону кисть. – Такое ведь бывает один раз в жизни.

– Да, один, – вздохнул мальчик.

– Ну, ничего, ты победишь. Я уверена, что ты самый лучший. Мы все будем болеть за тебя. Мама, я, бабушка, бабушка. Все-все!

– Спасибо. Но мне все равно страшно. Я ничего не могу с собой поделать, – вздохнул Вион.

Соперники у Виона ожидалось сильные. Самые лучшие танцоры из этого поселения, их он знал лично. И еще обязательно несколько гостей из соседнего – такие были правила.

На пустыре зажигали семь небольших костров по кругу и один большой – центральный. У четырех из них рассаживались гости – семьи старейшин из соседнего поселения и сами старейшины. У трех оставшихся костров располагались старейшины принимающего поселения.

Последний раз в их поселении проводили состязание, когда Вион еще пешком ходил под стол. События подобного рода считались очень важными, а победитель поощрялся всяческими благами и уважением, но не только. Самое главное, что победитель отправлялся на дальнейшее обучение в гильдию танцоров при короле, а это означало в будущем обеспеченную жизнь.

Но Виону не это казалось главным. Ему хотелось доказать и себе, и остальным, что он – лучший в ремесле, которому его научили предки и которое он безумно любит.

– Готово, Вион! – Дана улыбнулась и отошла в сторону.

Вион раскинул руки и закружился перед зеркалом, выворачивая шею, пытаясь разглядеть, узоры на спине.

– Спасибо, Дана! Наверное, у меня будут самые лучший рисунок из всех. – Вион чмокнул ее в щеку.

Дана покраснела и хотела, было, что-то сказать, но Вион уже понесся вниз по лестнице. Девочка выглянула в окно как раз в тот момент, когда танцор выбежал со двора. Он помахал ей рукой и послал воздушный поцелуй, чем вогнал Дану в еще большую краску.

– Мы придем болеть за тебя! – крикнула она вслед, но он уже не слышал.

Вион бежал по вымощенной камнем дорожке в сторону поля. Из окошек высовывались ребята и кричали что-то вслед. А пара младших мальчишек, беззаботно копавшихся в куче песка у дороги, увязались следом.

Он бежал на пустырь и не знал, что его там ждет – победа или поражение. Если победа, то тогда он будет самым счастливым мальчишкой на свете, если поражение – придется собрать всю свою волю и встретить его с честью.

Чтобы добраться до пустыря, ему потребовалось не более пятнадцати минут. Там уже собралось много народа. У семи костров расселись старейшины с семьями, а шесть ребят с узорами на теле стояли в стороне, о чем-то перешептываясь.

Вион не опоздал и его встретили радостными возгласами. Кто-то удивлялся красоте узоров на его теле, кто-то, наоборот, говорил, что они нарисованы неумело – это, скорее всего, были те, кто пришел болеть за его соперников. Но после того, как в толпе кто-то проговорился, что узоры рисовала Дана, все плохие отзывы стихли: ее уважали и знали, что лучше нарисовать не может никто.

Среди остальных участников состязания Вион увидел своего друга Митоша – они дружили с пеленок. Вион знал, что Митош тоже будет участвовать, и видел в нем серьезного противника. Часто они тренировались вместе, и иногда Вион замечал, что Митош гораздо лучше усваивал технику, но, в основном, в овладении искусством танца друзья шли наравне.

– Привет! – сказал Вион.

– Привет! – обрадовался Митош.

– Ну, как? Волнуешься?

– Есть немного. Не мудрено – судьба решается!

– И, самое главное, что мы до последнего момента не узнаем, кто из нас лучший.

Митош отвел Виона в сторону.

– Посмотри на них, – сказал он Виону. – Если ты видел, как я танцую, то ты не видел, как танцуют они. По-моему, серьезные ребята.

Митош говорил про участников из соседнего поселения. Никого из них Вион, естественно, не знал.

Третьим участником от их поселения был Сер. Ни Митош, ни Вион не любили его. Этот паренёк,

грубый и задиристый, всегда издевался и подшучивал над ними.

Вион до последнего момента надеялся, что Сера не возьмут на состязание, ведь тому совсем скоро исполнялось семнадцать лет, а у состязания имелось возрастное ограничение – до шестнадцати. Старше этого возраста никого не принимали в королевскую гильдию танцоров.

– Смотри, как Сера раскрасили! – засмеялся Митош.

Он всегда был веселым мальчуганом и во всех, казалось бы, самых обычных вещах, вечно находил что-то смешное. Вион, часто впадавший в депрессии по любому поводу, завидовал беззаботности и веселости друга.

– Да, оригинально, – улыбнулся Вион.

Ему тоже захотелось засмеяться, чтобы снять с себя напряжение, возраставшее с каждой минутой, но не получалось. Максимум, что он мог сейчас – выдать из себя слабую неяркую улыбку.

В это время на посадочную площадку приземлился челнок. Этот выглядел иначе, нежели остальные. На кабине красовался королевский герб, а на темно-коричневом корпусе были нанесены яркие желтые полосы, что делало аппарат похожим на осу или шмеля.

Фиолетовое пламя, бьющее из сопел, погасло. Широкие ноги челнока со скрипом и лязгом опустились на поверхность площадки. Раздалось шипение, во все стороны повалил пар, а потом открылась дверь. Она отъехала в сторону, давая свободу свету, льющемуся из салона.

Чиновников встречала целая делегация – посадочная площадка прямо-таки кишела народом.

– Ничего себе! – проворчал Митош.

– Что случилось? – спросил Вион.

Он не обратил внимания, как приземлялся челнок, а смотрел в это время под ноги, пытаясь разобрататься с собственным внутренним беспокойством.

– Или я совсем заболел и мне в жару чудится, или это правда. Я сейчас видел, как на площадку сел королевский челнок! Представляешь?!

– У нас на состязании будет присутствовать сам король?!

– Ты рехнулся! Не король, уж точно – так, чиновники какие-нибудь. Но ты подумай, никогда раньше не было такой чести. Боже, у меня колени трясутся!

– Мда... у меня все равно трясутся сильнее...

Вион окончательно разволновался: он очень любил и уважал короля. Да кто его не любил? Короля любили все.

Время тянулось медленно, а народ все прибывал и прибывал. Костры, расположенные по кругу, давно зажгли. Дело оставалось за малым – зажечь центральный костер. Каждый из участников состязаний встал рядом с костром своего старейшины.

У Виона старейшиной являлся всем известный Изгиль. Когда-то давно он тоже участвовал в таком

вот состязании, и выиграл. Отслужил в гильдии у короля положенный срок и вернулся назад к себе в поселение.

Дом Изгиля поражал огромными размерами – в нем жили несколько семей: его дети, дети его детей и их дети. Поэтому у костра Изгиля собралось самое большое количество жителей.

Старейшина сидел, на вытканном красочными узорами одеяле, согнув ноги в коленях. Также сидели и все остальные члены его семейства.

– Изгиль, – обратился к старейшине Вион, – когда настанет моя очередь выступить?

– Не переживай, Вион. Ты будешь выступить четвертым, как раз в разгаре состязания. Я уверен, что ты покажешь себя на высоте. Не беспокойся, мой мальчик, сегодня победит сильнейший. И, быть может, это будешь ты.

Вион увидел в толпе Дану с её родителями, бабушкой и дедушкой. Она приветливо улыбалась и махала ему рукой.

Он тоже махнул ей, но как-то неуклюже, без энтузиазма – все мысли сейчас занимало выступление. Мальчик раз за разом воспроизводил в голове свой танец, вспоминал очередность движений. Его тело ныло – он был готов танцевать прямо сейчас. После слов старейшины страх словно бы отступил. Изгиль когда-то и сам таким же мальчишкой стоял на этом пустыре же рядом с костром и трясся перед выступлением. Но он выиграл!

Беспокойство вдруг прошло. Вион стал почему-то уверен в том, что победит именно он. Взгляд его стал твердым. Он по очереди смотрел на всех своих соперников и ему стало смешно, глядеть на них, озирающихся по сторонам, переживающих. Он и забыл, что несколько минут назад сам также трясся и переживал.

– Вион, посмотри! – Старейшина коснулся бедра мальчика. – Королевские чиновники идут. Это большая честь для всех нас. Поклонись!

Все люди, кто стояли или сидели, как один, склонили голову при виде чиновников, которых было трое. Одетые в праздничные королевские костюмы, важной походкой они направлялись в середину пустыря.

Когда чиновники вышли к центральному костру, все старейшины подошли к чиновникам и долго разговаривали с ними о чем-то. А потом, чиновники сели на расстеленное для них одеяло, между двумя кострами.

Заиграла музыка, забили барабаны, и это означало, что всё началось.

– Мы начинаем наше состязание! – объявил ведущий и факелом поджег центральный костер. – Первым выступит наш гость Имал, поприветствуем его!

Раздались аплодисменты.

К центральному костру вышел щупленький мальчишка. Тело его оказалось расписано не чер-

ными острыми узорами, а темно-зелеными растительными. В таких узорах танцевали раньше только ведуны-врачеватели – те, которые просили у духов вылечить больных.

Барабаны забили сильнее.

Мальчик начал танцевать, и танцевал он потрясающе. В его движениях не было ничего острого и угловатого, все плавно перетекало из позы в позу, в такт ударам барабанов он качался, как качаются деревья при сильном ветре. Ладони его дрожали, как дрожат листья. Он извивался, как водная змея, скакал, как горный олень, кружился, как вихрь. Он был всей природой, и вся природа была в нем.

– Имал хорош, настоящая гордость своего старейшины, – произнес Изгиль.

Вион погрузился.

– Я постараюсь сделать так, чтобы вы гордились мной! – сказал он Изгилю.

Затем танцевали Сер и Митош. Первый показал себя отвратительно – как всегда, уклюже и угловато в танце, а вот приятель Виона выступил отлично. После его танца старейшины даже не поленились подняться и аплодировали стоя.

Честно говоря, от друга Вион таких результатов не ожидал – Митош затмил своим выступлением даже Имала, которого, казалось, уже ничего не затмит. Но подошла его очередь и Вион вышел к костру и начал танцевать.

Барабаны стучали громко, ноги били песчаную почву в ритм им, руки рассекали воздух. Мышцы перекачивались под кожей, а глаза все время оставались полуприкрыты. Он чувствовал жар от костра и пытался вложить в свой танец все умение, все, на что был способен, но чувствовал, что не производит желаемого эффекта.

Когда танец был закончен, Вион, опустив голову, направился к костру своего старейшины.

– Ты танцевал достойно, – произнес Изгиль, – я горжусь тобой. Но, мне кажется, мой мальчик, не ты сегодня был сильнейшим. Впрочем, есть еще выступающие, и все определит голосование.

Вион понимал, что танцевал хорошо. Понимал, что не допустил ни единой ошибки в танце, что всем его танец понравился. Но он понимал и то, что Имал и Митош выступили лучше и ярче.

Оставалось только ждать результатов.

Последние выступления Вион смотрел, словно в тумане. Музыка он не слышал, как и голоса переговаривающихся рядом людей – он ждал результатов. Один из гостей даже упал во время танца, но Виона это уже не заботило. Результат – сейчас это было главным для него.

– Все претенденты выступили! – объявил ведущий. – Настало время голосования. Прошу всех старейшин собраться у центрального костра. Этим голосованием мы определим, кто сегодня стал победителем.

Изгиль, как и остальные старейшины, поднялся и пошел к центру.

Вион посмотрел на Митоша. Тот стоял радостный. Потом посмотрел на Сера – на том не было лица. Имал, чем-то напуганный, волновался и ходил туда-сюда, волосы его растрепались, а краска на груди стерлась.

Старейшины голосовали. Совещались, потом снова голосовали. И так было семь раз. Потом они разбрелись к своим кострам, и настала тишина. Вион слышал лишь как потрескивает древесина в огне.

– Победителем нашего состязания стал... – Ведущий сделал паузу – Юный Митош!

Все заплодировали, а внутри Виона все завопило. Он не победил! И в тоже время он был рад за друга.

А Митош в это время выходил к центральному костру. Ведущий взял его за руку и поднял ее вверх.

– Вот победитель!

Торжественно забили барабаны. Митош улыбался. Еще бы, теперь его путь лежал напрямик в королевскую гильдию танцоров.

Спустя некоторое время люди понемногу стали расходиться, пустырь пустел. Все поздравляли Митоша – и королевские чиновники, все втроем, и каждый старейшина отдельно.

– Не переживай, – сказала Дана, кладя руку на плечо Виону.

– Легко сказать – не переживай, – надулся он.

– Все, мой шанс упущен. Я не попаду в гильдию.

– Это было твоей целью? – спросила Дана.

– Не совсем так, скорее я хотел доказать, что я – лучший.

– Но оказалось, что лучше тебя твой друг. Он ведь твой друг? Это не кто-нибудь из приезжих.

– Ты права. Но, если бы выиграл кто-нибудь из приезжих я не переживал бы так сильно. Но вот если бы выиграл Сер, я бы вообще сошел с ума.

– Этот бестолковый выродок, не смей! – Дана скорчила гримасу, глядя на Сера, который уходил с пустыря, стирая свои узоры тряпкой.

– И опять ты права. Он бы никогда не смог выиграть.

– Пойдем, поздравим Митоша.

– Пойдем.

Они пробились сквозь толпу, которая образовалась вокруг победителя.

– Митош, друг, поздравляю тебя. И признаю – ты лучший! – Вион обнял радостного Митоша.

– Ты тоже показал себя на высоте, Вион. Я думал, что выиграешь ты.

– Перестань, – грустно улыбнулся Вион. – По сравнению с тобой я ничто.

– Не говори так...

Спустя некоторое время на пустыре не осталось никого, все ушли в поселение. Намечался праздничный ужин по поводу состоявшегося состязания, но Виону не хотелось никуда идти.

Дана не стала уговаривать его и тоже убежала вместе со всеми, а мальчик остался один.

Костры потушили, и теперь от них шел только дым.

«Я все равно лучший. Я лучше, чем они все. Они просто так танцуют, они рвутся за славой. Но танцы ведь не для этого. Я знаю, для чего танцы. Надо только суметь!»

На Виона напало какое-то наваждение. Он посмотрел на небо. Чистое, безоблачное, вечернее небо. Ногами он раскидал угли центрального костра и вступил в пепел.

«Танец – это единство с природой, это наша возможность говорить с духами» – звучало у него в голове.

«Танец – это не просто развлечение, танец – это не способ зарабатывать деньги, танец – это способ помогать людям».

Он прислушался. Было слышно, как в деревьях стоящего неподалеку леса шумит ветер.

«Это как музыка», – подумал он.

Музыка природы. Слушая ветер, он стал двигаться. Мальчик танцевал так, как не танцевал никогда, словно кто-то управлял им. Его движения были плавными, медленными. Он слушал ветер и танцевал.

Закрыв глаза, он стал смотреть в темноту, и скоро в ней вспыхнули огни. Они заплясали, закружились вокруг. Он не слышал своего дыхания, возможно, Вион и не дышал. Он слышал только ветер. На секунду ему показалось, что кружится голова, но потом это кружение стало словно само собой разумеющимся.

Мальчик сделался един с огнями, которые плясали в темноте, он стал един с вихрем в своей голове и почувствовал, как дышит мир вокруг него.

Каждый вдох – листья деревьев, каждый вздох – полевые травы, каждый вдох – летящие в небе птицы. И ощущение жажды.

Ему не хотелось открывать глаза, он забыл, что значит видеть. Он забыл, кто он такой, он стал миром. Стал его дыханием.

И почувствовал, как небо затягивают гроззовые тучи.

Мгновение – и хлынул дождь.

Тяжелые капли сыпались на землю, и слышался каждый удар. Вион ощущал, как шипят от воды еще не остывшие до конца угли, чувствовал, как сквозь землю тянется к влаге новая трава. Он чувствовал радость мира.

Мальчик танцевал под дождем. Капли падали на него, но не могли смыть узоры, которые словно впитались в кожу. От них стал исходить свет, как тысячи маленьких солнц медленно вспыхивали в каждой клетке его тела.

Он танцевал под дождем, и никто не видел его этот танец. Никто из людей.

Но в тот вечер за ним наблюдали многие.

Как раз те, кто считал, что люди забыли, как говорить с ними.

Галина РУДНИЦКАЯ

* * *

Я – женщина.
Может, не к месту,
Не к мебели, не ко двору?
Такая, как есть, а не вместо!

Я – импульс и пульс.
Точка РУ.
Не нравится – вольному – воля!
Не любитя – sorry, my friend!

Я – ветер по снежному полю,
Свобода – мой выбор и брэнд.
Никто и не ждёт –
Неразумно!

Никто и не будет винить.
И Время бездомно,
Бездумно
Ритмично клонирует дни.

* * *

В ощущение того, что ничья,
В состоянье того, что в нирване,
Я усну у лесного ручья,
Чтоб проснуться ромашкой в стакане.

На блестящем овальном столе,
Среди офисных кресел – некстати
Я замерзну, как там, на земле,
От холодных стеклянных объятий.

А потом кто-то легкой рукой,
Подчинясь ироничному взгляду,
Вдруг откроет окно и легко
Мной украсит огни автострады!

* * *

Голос мой тих и тонок
Эхом в пустой квартире,
Я, как чужой ребенок,
В этом абсурдном мире.

Не повзрослев до срока,
В чем-то глупа, наивна

Рудницкая Галина Ивановна родилась в 1957 году в Каменске-Уральском. Закончила педагогический институт, работает преподавателем литературы в средней школе. В студенческие годы – неоднократный призер областного поэтического турнира в г. Кургане. Стихи печатались в городских и областных газетах. В 2006 году Екатеринбургским издательством «Марафон» был выпущен сборник «Полет за гранью». Галина Рудницкая дипломант областного поэтического марафона 2006 и 2007 г.г.

И оттого жестка,
И ни к чему активна.

Лишь иногда, во вторник,
В среду, четверг – смиренна,
Маленький беспризорник
Там, на краю Вселенной!

* * *

Ты только сюжетом
Того, чего нет,
Простая дискета,
Реальности след.

Такой же, как до, ре,
Ми, соль – до – тебя
И после,
Который придет из дождя,

Из снежного завтра,
Такой же, как ты,
Герой или автор
Романов пустых,

Обычных коллизий,
Шаблонов, клише,
Фальшивых «К Элизе»,
Ля – си – и уже –

Другие сюжеты
И то, чего нет..
Лишь тот, там и где-то,
Как небо и свет!

* * *

По улицам в ночь – снег,
По струнам души – дрожь.
Отсюда начну бег
В туда, где меня ждешь,

Где старенький форд – friend,
Готовый меня принять,
Витрины кричащей брэнд –
Попыткою удержать,

Попыткою не отпустить
В неоновый отблеск огней

И чтобы легко позабыть
О прошлом и red rose speedway,

Там, где океан спит,
Душою с твоей схож...
И ветер ночной – sweet,
И берег, где ты ждёшь!

Страшные дни одиночества
По Бунину – «холод и мгла»,
Сбываются чьи-то пророчества
И боль, как под кожу игла,

Зачем? Что по карме, то следует.
К чему? Чтоб свой путь осознать.
И что? Если снова преследует
Тоска, и вина, и опять

На круги своя – одиночество,
И, как по Булгакову, – в ночь!
И крем Азazelло, и почести
Тому, кто не может помочь,

И «еду», «воспользуясь случаем»,
Иду от себя и бегу...
Судьба не дарует мне лучшего,
Но я без тебя не могу!

Все знают, отчего ушла Марина,
Никто не знает, где теперь душа,
В каких мирах горит ее рябина,
Вне бытия, вне жизни без гроша,

На перекрестках адовых смещений
В кромешной тьме, где каждый зрячий слеп,
Не происходит перевоплощения
Великих душ, трагических судеб.

Так почему мне кажется нехвата,
И общность тем, и жизненных страниц,
И посланный, как некое проклятье,
В моих стихах ее огонь горит?

Кому повем... Всевышний наказует,
Простит, отпустит самый тяжкий грех.
Смиренный дух вне страсти не тоскует
И не ликует на глазах у всех!

Играю в русскую рулетку
На SMS – строкой к виску,
Пустую, сломанной дискетой
Вставляю в комп свою тоску

Финал известен: пуля – дура.
И слово – мячик в кегельбан

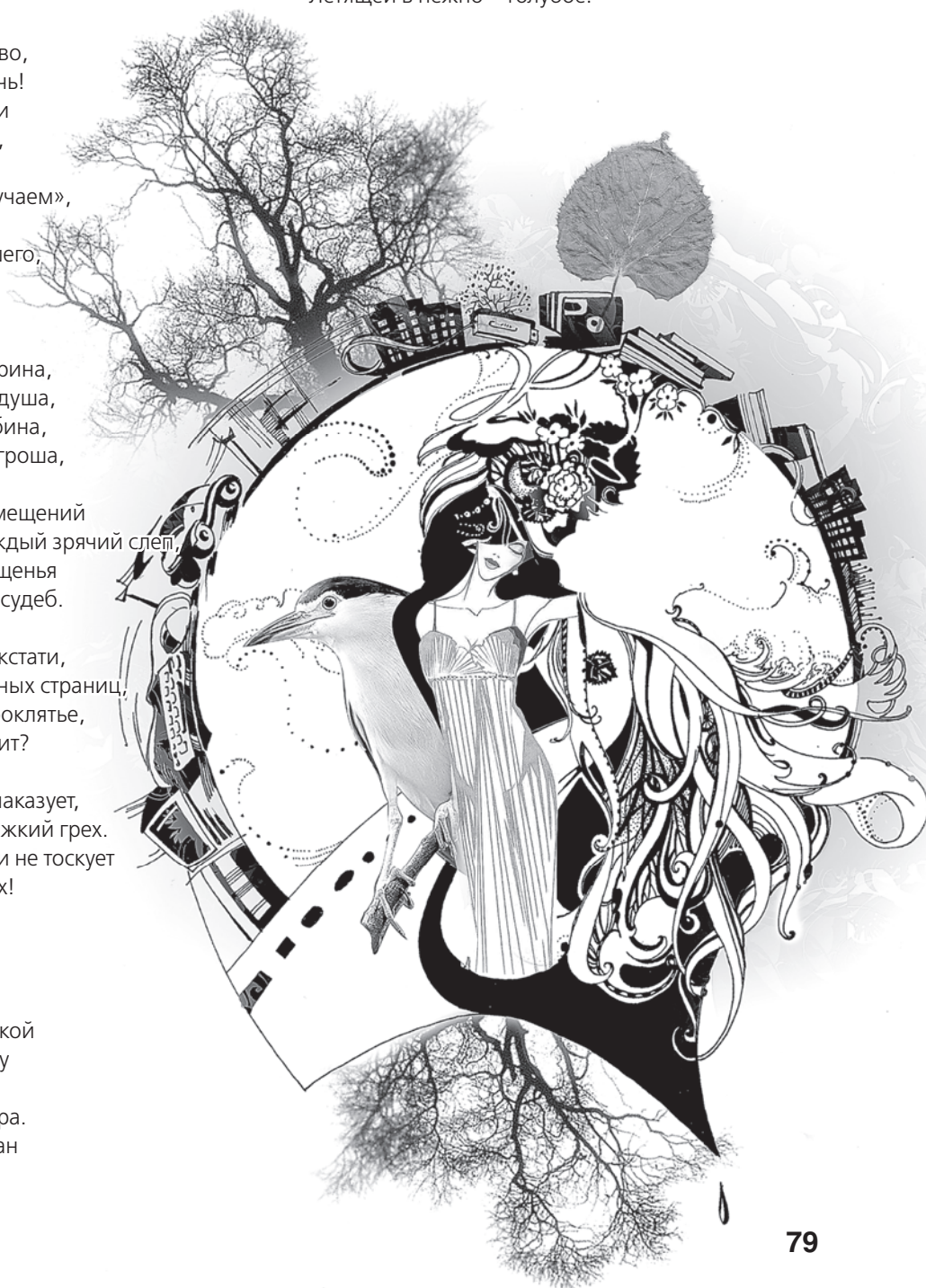
Но такова моя натура –
И я вращаю барабан!

Уеду за море, за три!
Возьму с собой пустую флэшку,
Чтоб записать, что там внутри
На цифровом – орел иль решка?!
Что в виртуальном – по судьбе,
Что в ирреальном – по свободе
И в существующем – нигде
Противоречием в природе
Я быть хочу.

Я есть.

Я там!

Среди морских стихий – прибором.
Душой, послушно ветрам,
Летающей в нежно – голубое!

Есенин по прозвищу Вятка

Когда говорят об этих умных и часто незаменимых друзьях человека, то иногда цитируют ставшие крылатыми слова Владимира Маяковского: «...Все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь».

В начале XX в. в этом был глубоко убежден и художник Дид Ладо, который, как говорится в известном «Романе без вранья» Анатолия Мариенгофа, «карандашом доказывал сходство всех имажинистов с лошадьми: Есенин – вятка, Шершеневич – орловский, я – гунтер».

В том, что «глаз у Дида был верный», убеждает характеристика широко известной на Руси породы лошадей, данная В.И.Далем в его знаменитом «Словаре живого великорусского языка». О «вятке» великий лексикограф пишет: «...малорослая, не слишком костистая, но плотная, широкогрудая; голова средняя, лоб плотный, не круглый; щетка мохнатая, глаза живые; телом кругла и вообще резва; масть: рыжая, бурая, саврасая и каурая, иногда игреняя...».

В результате столь поразительного сходства друга «Есенина в домашнем быту так и звали... Вяткой», а когда он после любовных приключений «хоть в четыре или пять утра, а являлся домой... смеялись:

– Бежит Вятка в свое стойло».

Эти слова перекликаются с мнением классиков русской литературы XIX столетия. Так, в основанных на вятском материале «Губернских очерках» М.Е.Салтыкова-Щедрина читаем: «Маленькие обывательские лошади бегут бойко и весело». Другой вятский ссыльный В.Г.Короленко в «Истории моего современника» замечал: «Маленькие мохнатые лошади неслись вихрем».

Историю вятской породы лошадей попытался изучить Кировский писатель А.М.Устюгов. В опубликованном им в 2001 г. очерке «Подкова у порога» он указал на издревле разводивших эту лошадь в «лесном и глухом краю» удмуртов. В результате соответствующей селекции и появилась «рабочая лошадка, настолько гармонично сложенная, что невольно назовешь ее красивой». По сравнению с лошадьми западных пород «вятка» была «более энергичной, выносливой, быстрой, при этом питалась скудно – сеном или соломой, поили ее часто ледяной родниковой водой и держали в холодных конюшнях, а иногда пасли до самого снега в лесу».

Понятно, что при таких качествах «вятку» в массовом порядке уже с начала XVI в. стали вывозить за пределы губернии и даже

страны, что в конечном итоге привело к серьезному уменьшению численности породы. В начале 1990-х гг. в Кировской области и выделившейся из нее в свое время Удмуртии «вятков» насчитывалось чуть более 800. Однако заинтересованность фермеров и вообще жителей села в этой, по определению энциклопедии, «выносливой», приспособленной к суровым условиям Севера», породе позволила в последние годы увеличить поголовье лошадей, давших прозвище великому русскому поэту.

Кстати, у Сергея Есенина наряду с Вяткой была еще одна «лошадина фамилия»: поэт Н.А.Клюев любил называть своего младшего собрата по перу Коньком-горбунком.

На фото: С. Есенин и А. Мариенгоф, 1921 г.